

Анатолий Панков

ПО СКОЛЬЗКОЙ ДОРОГЕ ПЕРЕМЕН

От стабильности Брежнева до наследства Ельцина

Анатолий Панков

**По скользкой дороге перемен.
От стабильности Брежнева
до наследства Ельцина**

«Издательство «Перо»

2017

УДК 070
ББК 76.01

Панков А. С.

По скользкой дороге перемен. От стабильности Брежнева до наследства Ельцина / А. С. Панков — «Издательство «Перо», 2017

Автор книги – член Союза журналистов Москвы Анатолий Панков – никогда не был диссидентом. Однако, столкнувшись с правдой жизни, узнав про ложь и дезинформацию «родной партии» об истории страны, увидев несогласованность деклараций партноменклатуры с её реальным поведением, он постепенно пришёл к естественному шагу: выходу из КПСС. Несмотря на начавшуюся горбачёвскую перестройку... В книге на документальной основе показан полувековой путь журналиста, работавшего в московской, аджарской, якутской прессе, создавшего первую в СССР официальную антитоталитарную газету – московские «Куранты», путь – от попыток своим пером улучшить советскую действительность до разоблачения системы. Эта книга, прежде всего, – о девяностых годах минувшего столетия, которые в корне изменили нашу страну. О том, как в недрах жёсткой коммунистической системы, всеобъемлющей идеологической пропаганды даже у «идейно выдержанных» людей зарождались сомнения в правильности экономического и политического курса страны, как сама Система подталкивала к кардинальным реформам 90-х, к разрушению самой себя. В книге отражены важнейшие шаги по реальным переменам в стране – от первых альтернативных выборов в ходе «перестройки» Горбачёва до кровавых столкновений противоборствующих сил во время реформ Ельцина, представлены мнения и оценки виднейших политиков, экономистов, деятелей культуры и публицистов тех лет.

УДК 070
ББК 76.01

© Панков А. С., 2017
© «Издательство «Перо», 2017

Содержание

Воспоминание о будущем	7
Не «шестидесятник» в журналистике шестидесятых	9
«МК» середины 1960-х годов – газета Алексея Флеровского и Бориса Бугаева	9
Не лирическое отступление о «еврейском вопросе»	13
Молчаливый протест инакомыслия	20
А можно ли нам дискутировать?	24
«Короли – рабочие, ферзи – комсомолки...»	27
«Искру» называли «Фёклой»	30
Двенадцать компромиссов Сергея Довлатова с советской действительностью...	32
За что сняли Алексея Флеровского?	35
АПН – агентство советской пропаганды	37
В мусульманском закавказье	43
Водные проблемы затянули в антисоветчину	51
Ловись, рыбка, морская и речная, «золотая» и дармовая...	54
Край романтиков, бичей и бешеных денег	57
Визиты к Эдит Пиаф и к человеку-амфибии	62
На «даче Эйзенхауэра»	65
В Новый год самолёты не вылетают. По «техническим причинам»	67
В краю «северного сфинкса»	70
Первый улов на реке лене	70
Визит к партийному боссу	73
Много воды утекло...	74
Загружают суда за сутки, а разгружают полмесяца	81
Блеск и нищета алмазного края	83
Где золото роют в горах...	91
Старатели	96
На южном берегу Северного Ледовитого океана	99
Самый северный в стране золотодобывающий участок	102
Один расписался на рейхстаге, другой сбил пять гитлеровских самолётов	107
Эксплуатация «энтузиастов»	110
Якутские горняки на шхуне Маннергейма	116
С Эдит Пиаф – по зимнику к Верхоянску	119
«Слышишь, время гудит – БАМ...»	126
«Герой БАМа» исключён из КПСС...	130
Книжные меридианы и жизненные параллели	134
Обновлялись по велению партии	142
Под «Ленинским знаменем» вперёд!.. Куда?	142
Герои в космосе и на земле	148
Конец ознакомительного фрагмента.	149

Анатолий Панков
По скользкой дороге перемен.
От стабильности Брежнева
до наследства Ельцина

В книге использованы иллюстрации из архива автора.
Издано на средство автора.

© Панков А. С., 2017

* * *

Воспоминание о будущем

Эта книга – мои воспоминания о будущем. История имеет склонность повторяться. Учёные мужи называют это спиралью развития. Вроде бы время уже совсем другое, другие люди, другие герои и антигерои, другие идеи превалируют в обществе, а внимательнее приглядишься – и заметишь знакомые черты прошлого. Причём, что беспокоит, начинают повторяться негативные тенденции прошлого. Казалось бы, общество уже осудило отрицательные, пагубные деяния минувших лет, когда ложь и подтасовка фактов определяли наши цели и задачи, страна уже выбрала путь правды, честности, но по трудно объяснимой причине растёт реванш тёмных сил, опирающихся на старые мифы и предрассудки. Это не наше отечественное «изобретение». Это – мировая тенденция. Только нам от этого не легче.

Закончив активную журналистскую деятельность, я не собирался писать мемуары. Но события последних лет мне стали напоминать несправедливую ситуацию прошлого времени, в котором мы долго жили, с недостатками которой активно боролись и от которых, казалось, уже избавились навсегда.

Полвека в профессиональной журналистике – это колоссальный срок. И он значителен не тем, что конкретно я сам за этот период сочинил, а тем, как за эти годы менялись страна, пресса, шагнувшие из тоталитарной эпохи в сторону демократии, и как начали сгущаться тучи над нашей молодой, неопытной демократией. Конечно, обо всём написано через моё восприятие, но с главной целью – показать окружавший меня мир, людей, которые повлияли на меня, на общество в целом, которые и сами менялись. Не только журналистская, но и депутатская деятельность позволяли мне встречаться с людьми, от которых зависела судьба страны.

В книге приводятся документы минувших лет: официальная переписка, архивные данные, постановления, а главное – публикации в прессе, которые теперь уже стали достоянием истории, их «не вырубил топором» и не откорректируешь. Есть тексты, ранее никогда не публиковавшиеся. Всё это – хрестоматия минувшего времени, для кого-то далёкого, за пределами видимости и личного восприятия, для кого-то – часть его жизни.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОБИРАЙТЕСЬ!

МОСКОВСКИЙ КОМСОМОЛЕЦ

Орган МК и МГК ВЛКСМ

год издания 47-й
№ 215 (8531)   Пятница, 16 сентября 1966 года   Цена 2 коп.

МОСКВА СТРОИТСЯ

В нынешнем году десятки новых многоэтажных зданий украсят улицы и площади столицы. В инском проспекте, Варшавском шоссе, улице Лова, Профсоюзной улице возводятся новые гостиницы, научно-исследовательских учреждений, культурно-бытовые объекты.

А контуры вот этого здания уже хорошо известны москвичам и гостям столицы. Оно поднимется метров у развилки Ленинградского и Волоколамского шоссе. В этом 25-этажном небоскребе разместятся «Гидропроект», институт, проектор гидроэлектростанции и плотин. Кроме многочисленных просторных и светлых рабочих комнат, в здании «Гидропроект» будут большие удобные холлы, клубные комнаты, физкультурзал.

Фото И. ДЕНИСЕНКО. (А)

В МГК КПСС

ИНИЦИАТИВА ОДОБРЕНА

Бюро МГК КПСС одобрило инициативу коллектива автозавода имени Мухоморова, начавшего совместно с Ленинградским металлургическим заводом имени XXII съезда КПСС соревнование за достойную встречу 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции.

Отметив важность этого патристического начинания, бюро горкома партии подчеркнуло, что в центре внимания коллектив автозавода поставил задачу внедрения внутриводовского хозяйства, как основы планового руководства и экономического стимулирования производства в новых условиях. На заводе широко развертывается работа по внедрению методов научной организации труда и управления производством, настойчиво претворяются в жизнь планы превращения завода в образцовое предприятие по уровню механизации, автоматизации и условиям труда, расширяется использование современной вычислительной и организационной техники. Коллективом завода взяты большие обязательства по осуществлению социально-бытовых и культурных мероприятий.

Многие раздумывая о судьбах деревни, между словами «молодежь» и «вадры» ставят знак равенства. Не забывайте, мол, заботиться о молодежи, создавайте им условия — и о кадровых бедах можно забыть. Подобный взгляд мне представляется узким. Ведь проблема гораздо сложнее и смыкается со множеством других. Однако искать стержень, их объединяющий, необходимо. У нас в enfoque его определили двумя словами: «чувство хозяина». Дело в том, что хороший хозяин, как правило, сам заботится о наследнике, которому можно доверить начатое.

Но где его, хозяина, взять? Экономика подсаживает адрес вполне определенный: специализация, хозяйство. Наши «три кита» — овощеводство, картофель и животноводство. Соответственно созданы свино-птицеводческие, тракторно-полеводческие и животноводческие бригады. Какие еще подразделения — на хозяйство. Ведь, естественно, пручают людей с детства интересоваться тем, какие выгоды приносит земля, жить ее заботами. А в таких заботах, мне думается, гораздо больше притягательной силы, чем в лозунгах и призывах не покидать в будущем родного села (хотя мы и от лозунгов не отказываемся).

Четко организованной бригады, непосредственные материальные стимулы — не только одна сторона «привлечь в люди», которую мы противопоставили привычной «домашней агитации» за город. Кстати, благодаря хорошему поведению осенью страды, часто делают почта или подарок. Досе почта или подарок, передавая ему «при всем честном народе», не лучшая иллюстрация к тому, что можно сделать в людях? К слову, культурно-просветительской, 14 человек, посланы в ПТУ. Причем еще до того, как отправиться в училище, школьники добивались

сделать почта или подарок, передавая ему «при всем честном народе», не лучшая иллюстрация к тому, что можно сделать в людях? К слову, культурно-просветительской, 14 человек, посланы в ПТУ. Причем еще до того, как отправиться в училище, школьники добивались

не знаю, насколько полными подобные рния, но в моей прак был такой случай. Раширились и четыре наяд ребята — посомытяти (не, «всем классом», а старшки решили вот не, профессиональном, молодого передовика на Наш совхоз имеет сейчас 6 стипендиатов в спе- ду. Даже загорелись, попробовали себя на п- тике — как раз в то- был организован «ла- труда и отдыха» — и г- сили 'моск' — разогар- лись. После из 18 вып- ников половина куд «исчезла», другая рас- лась по отраслям, и по не работа трудна в ществове, механикат ми, водителями.

Де, «осела» только ловина. Хорошо это плохо? Думаю, хорошо то, что ныне из 30 пусиных в хозяйстве тались семеро (все- сейчас в училище мех- анной), и то, что прог- годовое число оставши — 13 оказалось «по- юм», а до того обь- равлилось 2—5, тоже плохо. Пусть помни-

ХОЗЯЕВА И НАСЛЕДНИКИ

Так выглядел «Московский комсомолец» полвека назад, когда я начал работать в этой газете

Даже без авторской ретуши приведенные материалы дают довольно красноречивую картину происходивших перемен. Они позволяют нынешнему читателю самому делать выводы о правильности или ошибочности мнений и деяний. Многие из того, что предлагалось изменить в нашей жизни десятилетия назад, до сих пор актуально. Может быть, были спорные решения, но знать о них полезно — чтобы перекинуть исторический мостик из минувшей эпохи в нынешнюю, учесть при выборе вектора развития. Ведь Россия до сих пор находится в стадии демократизации всей нашей жизни. Общество ещё не выработало единой линии развития. Даже в правящей элите замечаются расхождения во взглядах, как, наконец, достичь благоденствия в нашей многострадальной стране.

Не «шестидесятник» в журналистике шестидесятых

*«Не печалься, что тебя никто не знает,
Но стремись к тому, чтобы заслужить
известность».*

Конфуций.

«МК» середины 1960-х годов – газета Алексея Флеровского и Бориса Бугаева

В профессиональную журналистику я пришёл сравнительно поздно – в двадцать восемь лет. Уже были испробованы другие профессии.

Учась в техникуме при заводе «Фрезер», я очень сильно увлёкся шахматами: участвовал в официальных соревнованиях, в квалификационных турнирах, имел разряд, сочинял шахматные композиции. И быть бы мне завсегдатаем настольных баталий. Но однажды мою подростковую головушку пронзила мысль: стать писателем! Почему вдруг такое желание зародилось у сына красnodерёвщика и безграмотной домохозяйки, я до сих пор понять не могу. И где бы я потом ни работал, эта идея фикс не давала мне покоя.

Диплом техника-технолога привёл меня на Московский инструментальный завод «МИЗ». Служил в армии. Потом – работа в райкомах комсомола, крановщиком – на стройке, учителем труда и физики – в средней школе № 124, что находилась на Большой Бронной.

Не обладая природным даром, я решил приблизиться к литературной деятельности, поступив на заочное отделение факультета журналистики МГУ.

Каждый, кто становился профессиональным журналистом, наверняка, что-то пописывал и до работы в редакции. Печатался в стенгазетах, в заводских многотиражках. Может, даже сочинял рассказы или стишки для журналов... Была и у меня такая прелюдия. Какие-то опусы попадали не только в стенгазеты, в окружную военную газету, но и на страницы «Гудка», «Вечёрки», «МК» и даже «Комсомолки». Но всё это было не на том уровне, который позволял мне, уже взрослому человеку, без оглядки броситься в омут новой сферы.

Летом 1966 года моя однокурсница Лена Журавская, видя мои колебания, чуть не за руку привела меня в «Московский комсомолец». Она работала в спортивном отделе, а доверила меня отделу пропаганды, убедив, что там «отличные ребята», и, судя по моей биографии, тематика для меня подходящая. Ребята – исполнявший обязанности заведующего отделом Володя Чернов и его правая рука Лёна Коренев – дали мне задание. Я потратил на него свой учительский отпуск и в сентябре стал штатным сотрудником «МК».

Точнее, штатным нештатным. Штатное расписание в молодёжке было заполнено, и меня зачислили корреспондентом без оклада. Но с соблюдением социальных гарантий – оплаты отпуска и больничного листа. Работать надо было только за гонорар. Несмотря на моё семейное положение, я согласился на такой промежуточный вариант.

После приличных для уравнилельно-социалистическим времён ста сорока пяти рублей на учительской работе (я там пахал в две смены, преподавая труд и физику) выживать было сложно. Тем более поначалу, когда я ещё не освоил профессию и не располагал достаточным количеством тем, адресов для информации, нужных для этой профессии контактов. При всей моей творческой активности зарабатывал я в месяц лишь в пределах двадцати – сорока рублей.

Мне повезло с коллегами – относились ко мне доброжелательно. Несмотря на моё прошлое комсомольское функционерство. И уже через два с половиной месяца мне дали половину какой-то ставки – сорок рублей. Это была стремительная по меркам молодёжки карьера. Некоторые гонорарщики до года и более ждали хотя бы часть минимального оклада.

Отработка этой полставки началась своеобразно. Так получилось, что Чернов и Корнев вдруг исчезли. Они не только работали в «МК», но и числились студентами дневного отделения! И ушли на экзаменационную сессию. К тому же женская половина отдела не отличалась усидчивостью на рабочем месте. И я чуть ли не единственный, кто ежедневно всё рабочее время «охранял» кабинет. Было пугающе пусто без опытных коллег. В редакции ведь не только пишут, но и выполняют много полутехнической работы. Пришлось, несмотря на мой краткосрочный опыт, и на планёрки ходить, и материалы заявлять в номер, и вычитывать полосы... Кроме того, отвечал на звонки, смотрел почту.

Запомнился один, удививший и поставивший меня в тупик телефонный вопрос: «С вами говорит дочь легендарного героя гражданской войны Василия Ивановича Чапаева Клавдия Васильевна». Я онемел: вот так запросто можно прикоснуться к легенде. А она спросила строгим партийным голосом: «Как вы собираетесь отмечать восьмидесятилетие Василия Ивановича?» Я знать не знал, как будем отмечать и будем ли. А у Чапаева этот юбилей уже скоро – 9 февраля 1967 года. Никаких указаний на сей счёт я не получал. Но огорчать дочь легендарного комдива не хотелось. Я промямлил, что ещё не решили, подумаем...

Из почты отдела запомнилось одно необычное, неожиданное письмо. Его прислал нам какой-то служака из той церкви, которая даже после яростной борьбы большевиков с религиозностью, сохранилась возле входа на станцию метро «Сокол». Этот «рассадник опиума» продолжал работать при советской власти. Прихожане жертвовали свои кровные. Но и в чисто церковной семье, видимо, завелись слуги дьявола. Автор письма пожаловался в комсомольскую (!) газету, что доход делят тайно и, разумеется, не честно.

Письмо отправили в православную инстанцию. Вскоре Московская патриархия в ответе поблагодарила редакцию за внимание к их церковным проблемам и сообщила, что «меры приняты». Какие – не уточнила. Скорее всего, наказали священника, а жалобщика выгнали, чтобы не выносил сор из православной избы, в лучшем случае – перевели его в менее привлекательное по доходам место.

В «МК», как и в любой другой редакции, подобрался разный народ.

Так случилось, что одним из самых первых в моей жизни знакомых журналистов стал Игорь Бугаев. Мы познакомились, когда я ещё работал в райкоме комсомола. Он ездил с нами в наш подшефный колхоз имени Фрунзе Можайского района. Когда я пришёл в штат «МК», Бугаев руководил отделом рабочей молодёжи, потом продвинулся до главного редактора. А позже поднялся по партийной лестнице – его взяли в помощники всесильного тогда в столице члена политбюро ЦК КПСС, первого секретаря Московского горкома Компартии Виктора Гришина! Затем многие годы от имени советской власти Бугаев командовал культурой столицы.

Любопытная карьера! А ведь, как шептали в редакции, Игорь (вообще-то вначале я его знал как Гарри!) якобы был сыном знаменитого писателя Андрея Белого. Тот на самом деле ведь был Борисом Бугаевым. А у Игоря и отчество – Борисович. Но, может, это досужие разговоры, основанные на совпадении? О его родословной я Бугаева не спрашивал, и он ни разу не обмолвился и даже не намекнул на родство со знаменитым россиянином.

Но такие истинные партийцы, как Игорь Борисович, в тогдашнем «МК» – единицы. Напротив, были те, кто мечтал свалить из страны. Например, возглавивший после Бугаева отдел рабочей молодёжи Ян Вишнепольский эмигрировал в Израиль. Я никогда не слышал от него антисоветских высказываний. Впрочем, о таких скользких вещах публично не рас-

пространялись. Это – удел кухонных рассуждений. Да и были мы не только на разных административных уровнях, но и вращались в разных внутриредакционных группировках.

Ян мне запомнился с первых дней моей работы в «МК». Дело в том, что он, как дежурный критик, в своём обзоре очередного периода, дал не очень лестную для меня характеристику моей первой штатной публикации – итога моей летней работы на «МК». Материал под названием «**В мир, открытый настежь...**» (16 сентября 1966 г.) получился огромный, на всю полосу. Сразу отмечу, что название и дату всех публикаций я указываю преднамеренно, считая это историческим документом, а за давностью – ещё и архивным. Тема была мне рекомендована Володи́й Черновым – порассуждать об отношениях между разновозрастными группами внутри комсомола. Что-то типа «старший брат – младший брат».

На хорошо известном мне заводе «Фрезер» я провёл анкетирование, разыскал несколько пар, в которых тот, кто постарше, помогал тому, кто помоложе: или освоить профессию, или в вечерне-заочной учёбе, или в сложной бытовой ситуации, или давал рекомендацию для вступления в комсомол... Что-то вроде модного тогда шефства над более слабым.

В те годы советской пропагандой раскрывался «почин Валентины Гагановой», бригадира Вышневолоцкого хлопчатобумажного комбината, перешедшей из своей передовой бригады в отстающую. Нам преподносилось, что сделала она это добровольно. Но на самом деле – по заданию парткома. Не исключаю, что парткому комбината предложили выйти с такой инициативой сверху, из ЦК КПСС, поскольку отстающих в стране было не меньше, чем передовиков. Знатной текстильщице за почин дали звание Героя Социалистического Труда, сделали её депутатом Верховного Совета СССР и членом ЦК КПСС! А остряки откликнулись частушкой: «Брошу я хорошего. Полюблю поганого. Пусть в народе говорят: “Новая Гаганова”»...

Тема про персональное шефство у меня с трудом вытанцовывалась, поскольку жизнь «Фрезера» не давала достаточного материала для анализа и выводов, а по своей неопытности и в стремлении быть правдивым автором я тогда не мог «сориентироваться», чтобы написать то, что от меня требовалось. Я мучил тему, тема мучила меня. Но Володя помог дожать текст, к тому же подыскал для яркого заголовка строку Эдуарда Багрицкого. И я впервые так крупно напечатался. Эта статья помогла мне устроиться в штат «МК», а потом легла в основу моего идейно-выдержанного творческого журфаковского диплома под названием «Гражданином быть обязан», за который я получил «отлично».

А вот Ян был не в восторге от моего полосного материала, хотя и положительно отметил попытку коснуться довольно сложной темы взаимоотношения внутри молодёжной среды. Я был огорчён его оценкой. Правда, слегка – так как и сам понимал слабость, лобовую прямолинейность материала. Чернов успокаивал: «Старик, не унывай: тебя заметили! О тебе говорили! Не о каждом первом материале столько говорят. И вообще не о каждом авторе. Не все даже опытные журналисты этого устаиваются...» Впоследствии я убедился в правоте этих слов. А Яну был благодарен за честную оценку...

На моё отношение к редакционной работе повлиял Юрий Альперович (он потом поменял фамилию, стал Дружниковым), руководивший отделом науки. Очень своеобразный у него был стиль работы. Подчинённых он не имел, так как отдел состоял из него одного. По штату. Но на научные темы было много желающих публиковаться. Общался Юрий с авторами и с начальством строго по графику. Как правило, его стол пустовал. В редакции появлялся в тот день, когда надо было отправлять в набор материалы очередной полосной подборки «Наука – век XX». Сдав в набор, исчезал. Приезжал, когда надо было вычитывать гранки или уже свёрстанную полосу.

Мы сидели в одной комнате, и мне часто приходилось отвечать звонившим ему: «Он будет во вторник в 11.30...». И Юрий приходил к 11.30 Он никогда не опаздывал. Никогда не задерживал сдачу полосы, не имел дисциплинарных проблем с руководством. И никогда

не сидел в редакции лишней минуты. Он был со всеми коллегами корректен, но ни в каких посиделках не участвовал.

Хотя я сам был довольно пунктуальным человеком (комсомольская работа приучила), но его чёткость, деловитость произвели на меня сильное впечатление. Его стиль – не протирать в присутственном месте штаны, не заниматься болтовнёй, а чётко делать своё дело, не подводить, не обманывать – повлияли и на моё журналистское поведение. А он вряд ли догадывался, что как-то повлиял на меня. Ведь мы практически не общались. Не будь его примера, не исключая, что я стал бы себя вести, как «журналистская богема»: отвлекаясь на соблазны, тратя время и силы на второстепенные занятия.

Тогда я не знал, не мог знать, что Юрий ценил своё время ещё и потому, что он экономил его для писательства. И лишь значительно позже узнал о его эмиграции.

Его чёткое, выверенное поведение тем более было знаковым, контрастирующим, что большинство редакционных коллег пунктуальностью не отличались. На работу приходили, когда заблагорассудится – и после обеда, и даже после ужина... Часто приходили пустыми – без готовых материалов. Нередко – подшофе. Сидели допоздна, вымучивая последние строки, дабы успеть сдать обещанное в номер, где на месте ожидаемого материала зловеще зияла дыра.

Оценивая мою дисциплинированность, Лёня Коренев как-то заметил: «На таких, как ты, Толя, страна держится». Связвил, конечно. А может, и всерьёз. Кто их, журналистов-шутников, поймёт...

Не лирическое отступление о «еврейском вопросе»

*Ой, не шейте вы, евреи, ливреи!
Не ходите вам в камергерах, евреи!
Не горюйте вы завтра, не стелайте –
Не сидеть вам ни в Синоде, ни в Сенате.*

Александр Галич, «Предостережение».

Читатель, вероятно, уже обратил внимание (по названным мною фамилиям), что эмигрировали евреи. Это естественно. В то время начался их активный отъезд в страну обетованную и другую за границу – по доброй воле и не очень. В «МК» была довольно значительная прослойка журналистов этой национальности. Сами же они мне как-то со свойственной им самоиронией рассказали об анекдотическом, но реальном редакционном случае. Кто-то из них вошёл в отдел культуры и хотел поделиться осенившей его важной мыслью: «Вот мы, русские, считаем...» Он запнулся, все переглянулись и загоготали: в комнате не было ни одного этнического русского!

Схожая ситуация была и, скажем, в «Вечерней Москве», где главным редактором был еврей. Да и вообще в некоторых отраслях журналистики. Много евреев было также в культуре, медицине, науке, торговле, обслуживании, строительстве. «Много» – конечно, относительно иных сфер деятельности.

Это давало защитникам коммунистического режима повод отрицать преследование евреев в СССР, за что упрекали нашу страну на международном уровне и даже вводили санкции (в США: поправка Джексона – Вэника). Признаюсь, какое-то время и я так думал. Я доказывал знакомым зарубежным журналистам, что в нашей стране евреев не ущемляют в правах. Посмотрите, говорил я, сколько знаменитостей, облаканных властью, среди актёров, музыкантов, учёных и т. д. Пока не столкнулся с реальной действительностью. Ведь сытый голодного не разумеет. Отдельные примеры личного успеха евреев и в определённых сферах деятельности – это не система.

В «МК» редактором отдела учащейся молодёжи был Борис Иоффе, приютивший тогда у себя будущую знаменитость талантливого мальчишку Юру Щекочихина. Отделом писем руководил Игорь Ачильдиев. Про Вишнепольского и Альперовича я уже говорил. Александр Шифрин даже дорос до заместителя главного редактора. Однако когда вакансия главного была свободной, его на этот пост не назначили. И он знал почему. Нет, не из-за того, что, как он утверждал, в его роду были какие-то титулованные предки из Испании, а из-за пресловутого «пятого пункта». Поэтому он даже не комплексовал по поводу стоп-линии в карьере.

И ничего удивительного, что моя коллега по отделу Ирина Прусс как-то иронично заметила, что быть мне заместителем главного редактора «МК». Намекая на мой безукоризненный пятый пункт анкеты и опыт работы в комсомоле.

У евреев, вечно гонимых практически во всех христианских (не говоря о мусульманских) странах за «грехи» перед Богом, точнее перед его сыном, выработался мощный инстинкт выживания. Что делает честь представителям этой национальности.

Напомню, что ещё Александр III, закручивая гайки после реформ своего отца, освободителя от крепостного права, много чего запретил евреям: проживать в крупных городах, заниматься некоторыми профессиями, получать высшее образование и т. д. И не случайно, что евреи оказались в первых рядах борцов против самодержавия, они видели в этом и освобождение от национального гнёта.

И за советскую власть они активно боролись. Достаточно сказать, что военный переворот в Петрограде был совершён благодаря выдающимся организаторским и ораторским способностям председателя здешнего Совета рабочих и солдатских депутатов Льва Троцкого (Бронштейна). Это признавал и сам Сталин: прочтите его заметку в большевистской газете по поводу первой годовщины октябрьского переворота.

Победу большевикам добывали такие соратники Ленина, как Лев Каменев (Розенфельд) и Григорий Зиновьев (Радомысльский). Каменев был избран первым руководителем большевистского государства. После смерти Ленина он возглавлял Совет труда и обороны, вёл заседания политбюро ЦК ВКП(б). Много лет был председателем Моссовета.

Во время хрущёвской «оттепели» мы с удивлением узнали из повести Эммануила Казакевича «Синяя тетрадь», что Ленин, вопреки фильму Михаила Ромма «Ленин в Октябре» и пропагандистским печатным материалам, скрывался в Разливе не один, а вместе с Григорием Зиновьевым, накрываясь с ним в шалаше одной шинелью! Именно Зиновьев был по должности вождём мирового пролетариата – он семь лет возглавлял исполком Коммунистического интернационала. Долгие годы был председателем Петроградского (Ленинградского) совета.

Ещё напомним о таких влиятельных большевиках, как юридический глава Советского государства (председатель ВЦИК) Яков Свердлов, глава ВЧК и потом Совета народного хозяйства Феликс Дзержинский, видный деятель международного рабочего движения Карл Радек (Кароль Собельсон), весьма успешный нарком финансов Григорий Сокольников (Гирш Бриллиант), создавший конвертируемый (!) советский червонец и успешно боровшийся с громадной инфляцией под лозунгом «Эмиссия – опиум для народного хозяйства»... Да, много их, «сынов Иудеи», было в революционном движении, сподвижников Ленина, строителей советской власти. Кстати, и у самого Ильича дед по женской линии был евреем, но, чтобы поступить в Медицинскую академию, а это иудеям тогда не дозволялось, Израиль Моисеевич Бланк принял православие и стал Александром Дмитриевичем. Но до какой же степени проник антисемитизм в сознание, что об этом «постыдном прошлом» вождя мирового пролетариата до перестроечных времён запрещали публично говорить!

Сталин, занявший сугубо административный пост генерального секретаря партии, умело лавируя между группировками и пользуясь их идейными разногласиями, поочередно уничтожил почти всех самых влиятельных деятелей-евреев в большевистском руководстве.

Сразу оговорюсь, чтобы не было недопонимания, он и русских, и грузин, и других преследовал не менее жестоко. Но евреев при Сталине не только репрессировали, но и практически отлучили от управления страной. Сравните национальный состав руководства большевистской партии в 1917 году и, скажем, в 1929 и далее. Да, из новеньких выдвинулся Лазарь Каганович, этакая большевистская посредственность, специалист по «организационной партийной работе». Но он не в счёт. Лазарь-то как раз и помогал вождю расправиться с теми, кто мешал тому строить социализм на свой манер. Не против был предать и родственников.

Вот как пишет о будущем «железном наркome» Борис Бажанов в книге «Воспоминания бывшего секретаря Сталина»:

Лазарь Моисеевич Каганович замечателен тем, что был одним из двух-трех евреев, продолжавших оставаться у власти во все время сталинщины. При сталинском антисемитизме это было возможно только благодаря полному отречению Кагановича от всех своих родных, друзей и приятелей. Известен, например, факт, что когда сталинские чекисты подняли перед Сталиным дело о брате Кагановича, Михаиле Моисеевиче, министре авиационной промышленности, и Сталин спросил Лазаря Кагановича, что он об этом думает, то Лазарь Каганович, прекрасно знавший, что готовится чистое убийство без малейшего

основания, ответил, что это дело «следственных органов» и его не касается. Перед арестом Михаил Каганович застрелился.

Потом еврейская прослойка в высших эшелонах совсем истончала. Остался только Вениамин Дымшиц, переживший в советском правительстве аж пять его руководителей – от Сталина до Рыжкова. В последние годы занимался материально-техническим снабжением Страны Советов. То есть человек был на хозяйстве, а чисто политические вопросы не решал. Может, он был талантливым (по-советски) хозяйственником, а может, его и держали-то на высоком посту, чтобы продемонстрировать, что евреи у нас не преследуются. Хорошие, правильные, «свои» евреи. А со всякими отщепенцами, диссидентами нам не по пути строительства коммунизма.

Негласно эта линия – отлучение евреев от реальной политической деятельности – последовательно проводилось на всех уровнях. Даже на низовых. В первичных организациях компартии на предприятиях и в учреждениях практически невозможно было с пятым пунктом стать их руководителем. А в обкомы, горкомы, райкомы и прочие «комы» даже на рядовые, инструкторские должности таких принимали только в силу кадрового голода в отдалённых районах. Да и директорские должности заполнялись с учётом анкеты. И всё это негласно, закулисно, по тихому, по предварительному просеиванию и строгому возвращению молодых кадров. Конечно, были исключения, особенно в тех сферах, о которых я вначале упомянул. Или там, где приоритет тех или иных специалистов был непререкаем, скажем в науке, связанной с ВПК.

На бытовом уровне лично я не заметил махрового антисемитизма. Мне могут возразить: потому не заметил, что я не еврей, а если бы, мол, им был, то заметил... Возможно. Но именно в моём бытовом окружении антисемитизма не было. Ни родители, ни соседи, ни знакомые, ни коллеги по работе это не проявляли.

Помню лишь, что в доме отдыха парни раскрыли паспорт, оставленный соседом по комнате, и обнаружили, что на самом деле его звали не Мишей, а Моисеем. Ну, похихикали, но ему так ничего и не сказали, чтобы не обидеть.

Помню также урок, преподнесённый мне в моём шестилетнем возрасте. Тогда, во время войны, я без присмотра болтался на улице. Обиделся на мальчишку, который что-то мне не дал и стал обзывать его: «Жид, жид по верёвочке бежит. Верёвка хлопнула, жида прихлопнула». Он не был евреем, а слово «жид» для нас означало не национальность, а жадность человека. Ко мне подошла женщина. Остановила меня, строго посмотрела на меня и грустно-грустно сказала, скорее попросила: «Не надо так говорить». Была ли она еврейкой, не знаю. Мне стало стыдно, и это слово я перестал употреблять. И, скажу откровенно, мне неприятно было читать это слово в русской классической литературе, например, у Гоголя...

Но в целом в стране бытовой антисемитизм, конечно, процветал. Это особенно заметно по тюремной татуировке и анекдотам. Бывший тюремный надзиратель, по совету отца-фольклориста ставший собирателем зёковской натальной живописи петербуржец Данциг Балдаев показал мне огромное число своих зарисовок, в том числе и антисемитских образцов. Но практически все они были идеологизированы: в сионизме обвиняли... большевиков, КПСС. Видимо, это следствие распространённой в народе (и, мне кажется, поддерживаемой некоторыми советскими слоями) версии, что все наши муки, бедность и ментовская вседозволенность возникли из-за того, что в семнадцатом году революцию сделали евреи, ради «жидовского фуфла – коммунизма». Кстати, по утверждению, «истинных российских арийцев», реформы девяностых годов тоже затеяли «сионисты», чтобы уничтожить русскую нацию. Даже распространяли списки самых злостных из них – политиков, журналистов, писателей. Видимо, для наводки...

Анекдоты про евреев мне нравятся, когда их рассказывают сами евреи. Но никогда не любил анекдотов про евреев, где их показывали, жадными, предателями... Убеждён, что

подобные антисемитские анекдоты намеренно распространялись, дабы власти могли списать свои экономические ошибки и поражения в войне на предательство внутренних «врагов». Это так просто, по принципу: «если в кране нет воды...», то причём тут райисполком?

Но думать, что все евреи мечтали сбежать из «советского рая», это преувеличение. Я возвращаюсь к разговору о редакции «МК».

Работал там в моё время великовозрастный сотрудник Роман Карпель. Он тогда уже разменял шестой десяток, а всё ещё рядовой корреспондент, не продвинулся. То ли по карьерной причине, то ли действительно по какому-то внутреннему убеждению, но он вдруг захотел вступить в компартию.

Однако приём интеллигенции был дозирован. Большевики создавали-то свою партию как классовую, пролетарскую. А в эпоху уже победившего социализма кто же не захочет идти в ногу с руководящей силой и в её сплочённых рядах? Разумеется, люди, желавшие сделать карьеру, должны были связать себя с членством в КПСС. На некоторые руководящие должности не коммунистов вообще не утверждали.

Так что вхождение нашего великовозрастного коллеги в «передовые ряды строителей коммунизма» не ожидалось лёгким. В райкоме могли и завернуть. И «допрос» на комиссии райкома окончился скандалом. Я пришёл с ним в качестве представителя партбюро, и был свидетелем, как он еле сдерживал себя, отвечая на ядовитые вопросы старых коммунистов (действительно – старых), пытавшихся докопаться до истины: а почему это он вступает только в пятьдесят с лишним лет? «Созрел, осознал», – упрямо бубнил Карпель. Он вообще был взрывной, а тут от «допроса» вспылал, стал отвечать дерзко. «Руководящая сила» этого не любит, надо быть покладистым, понимающим и принимающим правила игры.

Ему дали время остыть и подумать. В своё время я тоже получил «урок воспитания» на подобной комиссии, но мне в вину поставили не возраст, а мой категорический отказ парткому стать секретарём комитета комсомола. Уверенный, что на следующий раз ему дадут «добро», я успокаивал Карпеля. Просто не надо горячиться, спорить. Эти «старперы» ведут себя как пэры, как защитники отечества. Причём, я знал, что многие из них побывали в ГУЛАГе. Но теперь они – особая партийная каста, вершители судеб людей. И приходится подчиняться им, если не хочешь испортить свою биографию. Со второй попытки Карпель, справившись с негативным восприятием «допроса», был принят.

Однако приобщение к партийной касте не помогло ему в карьерном плане. Членство в КПСС ещё не гарантировало такого роста, это лишь подпорка. Не помогло в этом ему и сотрудничество с КГБ. Разумеется, об этой его связи тогда я не знал. Выяснил только сейчас.

Недавно в интернете я обнаружил статью Карпеля «Жрецы “Помойки № 8”» аж за 1960 год (29 сентября)! Тогда ни интернета, ни электронных версий не было. Как же карпелевская статья попала в анналы всемирной паутины? Ведь он не стал классиком советской журналистики. Единственно, чем он заслужил внимание интернета (помимо названной статьи), так это как соавтор путеводителя «Музей в Петрищеве» – об истории создания и об экспозиции музея Зои Космодемьянской. Зато стал весьма известным герой статьи Карпеля – Оскар Рабин. И именно из-за того, что история касалась биографии этого художника, в интернете опубликовали давнюю статью Карпеля. Я процитирую её:

Однажды я очутился на дому у художника Оскара Рабина. И то, чему я стал свидетелем, то, что пришлось мне увидеть, настолько меня ошеломило, что я еще долго не мог прийти в себя. Я убедился, что все эти люди – Анатолий Иванов, Игорь Шибачев, Оскар Рабин и другие – никакого отношения к нашему советскому искусству не имеют и не могут иметь. То, что ими превозносилось, оказалось гнуснейшей пачкотней наихудшего абстракционистического толка. Не говоря уже о том, что “произведения” Рабина вызывают настоящее физическое отвращение, сама тематика их – признак его духовной убого-

сти. Как самое лучшее “творение” он выдает свою, с позволения сказать, работу “помойка № 8”. Судите сами, как широк кругозор этого отщепенца!

Но вот “приятели” мои обо всем этом и о самом Рабине мнения иного. Только тут, в гостях у него, я понял, что вся эта группа молодых людей – духовные стилиаги, пустые, оторванные от жизни, наносящие вред нашему обществу. Так же, как Рабин, они топчут все светлое, человеческое. Их суждения о жизни и искусстве могли бы показаться бредом сумасшедших, если бы я не был уверен, что они люди нормальные.

Это не собственные слова Карпеля. Это он цитирует якобы присланное письмо в редакцию. Я подчёркиваю – «якобы», потому что в советской прессе не обязательно было получать подобные письма, достаточно их самому сочинить, чтобы, отталкиваясь от инициативы рядовых читателей, оправдать свой интерес к теме, особенно когда это касается определённой ситуации, назначенных для критики личностей. То, что Карпель заранее исполнял задуманное, показывает, как он отнёсся к героям процитированного письма. Он просто облил их помоями:

И вот мы беседуем с одним из этой группы, с тем самым “теоретиком” так называемого “абсолютного искусства” Анатолием Ивановым.

Слушаешь его, смотришь на него и диву даешься! Молодой, с высшим образованием, юрист по специальности, комсомолец – откуда у него вся эта ересь?..

И вот новоявленные примитивы XX века трогаются в путь. Дорога ведет их под Москву, в Лианозово, где обитает в небольшом захламленном домике знакомый Иванова – некто Оскар Рабин.

Когда-то были у него слабенькие способности к рисованию. Но желание славы оказалось намного выше его возможностей. А посредственностью слыть так не хотелось! И выход нашёлся. Много ли таланта нужно для того, чтобы ляпать кистью, как заблагорассудится? Он начитался всяких западных журналов и книг о “творчестве” абстракционистов. Даже макаки и шимпанзе, узнал он, рисуют “картины”. Неужто ж он хуже?

И стал Рабин “творить”.

Каждый журналист имеет право на собственное мнение и оценку явлений, действий людей, тем более – творчества художников. Это сугубо личное восприятие. Но зачем же при этом лгать?! К моменту публикации данного пасквиля Оскар Рабин уже доказал свой профессионализм. И не за границей, а дома. Да, за «формализм» его исключили из Суриковского института. Но ещё весной 1957 года он принимал участие в выставке молодых художников Москвы и Московской области, летом того же года на выставке произведений молодых художников Советского Союза, устроенной в связи с VI Всемирным фестивалем молодёжи и студентов, получил почётный диплом за натюрморт. Был участником Международной выставки изобразительного и прикладного искусства в Центральном парке имени Горького. И этот человек «ляпает кистью», «посредственность»?

Попутно Карпель лягнул поэта Игоря Губермана и его коллег по самиздатскому альманаху «Синтаксис».

«Духовный стилиага» Оскар Рабин, как и водилось в те годы, начал искать творческое счастье на Западе. Сначала выставлялся на зарубежных выставках и в галереях. А на родине его преследовали за «несоветское» искусство. В 1967 году выставку на Шоссе Энтузиастов, где и он был представлен, прикрыли через два часа после открытия! Осенью 1974 года Рабин становится инициатором и одним из главных организаторов известной выставки работ художников-нонконформистов на свежем воздухе – в Битцевском лесопарке («Бульдозерная выставка»). Три года спустя он так надоел нашим спецслужбам, что они предложили ему «добровольно» уехать в Израиль. Оскар отказался. Тогда его поместили в КПЗ. И, когда настойчиво рекомендовали отправиться по туристической путёвке в Европу, он уже был вынужден согласиться. Правда, выторговал у чекистов – вместе с женой и ребёнком.

Обосновался в Париже. Стал вполне успешным, то есть покупаемым художником.

Уже в новой России, вспоминая прошлое и в частности нападки в советской прессе, начатые статьёй в «МК» Романом Карпелем, Рабин рассказал, что Карпель повинился перед ним, сказав, что его на Лубянке заставили написать этот поклёп... Да, два мира – два Шапино.

Юрий Дружников (Альперович) в своих зарубежных воспоминаниях (интервью для газеты «Новое русское слово», Нью-Йорк, 2 октября 1992 года) так отозвался о Карпеле:

Меня учили жить старые газетные волки. Один из них, Борис Волк (настоящая фамилия), который работал в «Вечерней Москве», был гениальным учителем предмета, который я бы назвал так: «Теория и практика цинизма».

Другой – Роман Карпель, добрейший человек, работал в «Московском комсомольце». Больше всего на свете он любил кошек. И при этом написал либретто оперы «Павлик Морозов». Третий – Борис Иоффе, он же Евсеев, – мог один выпустить целую газету. Партийная исполнительность уживалась в нем с талантом открывателя подлинных талантов, которым он, однако, не мог помочь.

Закончу разговор о Карпеле. Юрий не знал, что «добрый человек» и «любитель кошек» сочинял по просьбе КГБ, не догадывался? Или, по его мнению, это нормально, что всё уживается в одном человеке?

Сам Юрий в эмиграции активно публиковался. Как следует из упомянутого интервью, свой роман о советских журналистах – «Ангелы на кончике иглы» он начал писать ещё в 1960-е годы:

Служа в газете, ежедневно видя воздействие этого оружия, я хотел понять его сущность, описать тайны двора, нити, кухню, то, что американцы называют ноу-хау. Вот так рождались «Ангелы на кончике иглы». Играть я не хотел и писал, не рассчитывая на публикацию, – максимум правды.

Чтобы его не застукали гэбисты, он, по его словам, прятал рукопись в металлическом контейнере, для которого сделал тоннель в гараже. В конце 1970-х вывез «Ангелов» за рубеж какой-то «отважный американец», спрятав рукопись в коробку из-под «Мальборо».

О судьбе Дружникова после моего ухода из «МК», а тем более после моего отъезда из Москвы в Якутск, я ничего не знал. Лучше всего и точнее всего об этом, разумеется, рассказал он сам – в интервью хорватской журналистке Ирене Лукшич (1998 г.):

Родился я и жил в центре старой Москвы. Меня, молодого писателя, воспитывали люди, которые вышли из лагерей после смерти Сталина, в том числе Копелев, Шаламов и Солженицын. Поэтому с самого начала писательской деятельности лучшие свои работы я прятал безо всякой надежды их опубликовать, а издавались детские книги, которые я писал шутки ради. С началом событий в Чехословакии в 1968 году мы решили, что следом за Пражской весной должна последовать Московская весна, но советские власти подавили Прагу и начали завинчивать гайки у себя дома. Об этом страшном времени тогда (1969 – 1976) я написал роман-хронику «Ангелы на кончике иглы», часть которого во время обыска у приятеля попала к надзирателям за мыслями.

За диссидентские дела (письма протеста, публикации на Западе, работу в Самиздате) группу писателей-диссидентов одним списком в 70-е годы выкинули из Союза писателей, но коллег моих сразу выпустили за границу, а со мной изменили тактику. Не дали визы, не издавали, мстили за публикации за границей (били стекла, обворовывали квартиру, беря только рукописи, на допросах грозили лагерем и психушкой). Коллеги-эмигранты основательно осваивались на Западе, а я значительно тише действовал в Москве: открыл творческую мастерскую для писателей, потом Литературный театр вдвоем с киноактером Савелием Крамаровым, потом маленькое независимое издательство «Золотой петушок», – все разгонялось известным учреждением.

Сперва вынудили печататься на Западе, а потом на очередном допросе в КГБ объяснили, что я живу в свободной стране и мне предоставят свободный выбор, куда хочу: в лагерь или в психушку. Американские писатели Бернард Маламуд, Курт Воннегут, Элия Визель включились в мою защиту, приняли почетным членом в ПЕН-КЛУБ (сейчас я так же спасаю от тюрьмы писателей в других странах). Остался выезд, но власти мне отомстили: десять лет не выпускали. Они ошиблись, не посадив или не убив меня бутылкой в подъезде: я много написал за десять лет немоты в Москве. Но они победили, на пятнадцать лет полностью изъяв мое имя из литературного употребления на родине. Лишь в 1987 году, после скандала с выставкой «10 лет изъятия писателя из советской литературы» и письмом Горбачеву от 64-х конгрессменов меня вытолкнули на Запад.

За кордоном Дружников опубликовал много. Кроме «Ангелов»: документальное расследование «Доносчик 001, или Вознесение Павлика Морозова», роман-исследование о замалчиваемых аспектах биографии Пушкина «Узник России», сборник воспоминаний и эссе «Я родился в очереди», книгу о трагедии отечественной литературы «Русские мифы»... После краха коммунистической системы, в новой России его книги были изданы и на Родине.

Молчаливый протест инакомыслия

*Кто полусытый – тот полуголодный.
Полусвободный – это полураб!*

Евгений Евтушенко, «Половинчатость».

При всей внешней разболтанности атмосфера в «МК» была творческой. А для меня интересной ещё и с идеологической стороны.

В «МК» тогда подобрались люди, не лишённые острого интереса к политике, причём многие – с критическим настроением к советской действительности. Радовались каждой успешной попытке в своём материале пропихнуть крамольную мысль или хотя бы намёк. Правда, они были скорее нигилистами, чем активными противниками советской власти. И они не отличались храбростью. Так, когда я от них узнал домашний телефон Солженицына, который в то время был в рязанской ссылке, и сказал, что хочу позвонить, они испугались: «С ума сошёл?!». Их понять можно: они вынуждены были сдерживать свои порывы. Ведь активных при малейшем подозрении на инакомыслие попросту выгоняли с «волчьим билетом», мешали публиковаться.

Зато это были продвинутые люди, более начитанные, чем я, имевшие тесные связи с миром культуры, с «шестидесятниками».

Формально на работу меня брал Виктор Липатов, он одновременно возглавлял наш отдел пропаганды и был заместителем главного редактора. Ему было не просто совмещать две хлопотные должности. И фактически повседневной жизнью отдела руководил Володя Чернов (впоследствии он стал главным редактором «Каравана историй», а потом – «Огонька»). К тому же вскоре Липатов ушёл в «Комсомолку» (затем руководил журналом «Юность»).

Наш отдел плюс отдел культуры – это была духовно сплочённая группировка. Причём при поддержке и активном участии редактора «МК» Алексея Флеровского, человека в чём-то необычной, а в чём-то и традиционной судьбы.

Его отец Иван Петрович Флеровский тоже был журналистом: редактором нескольких советских газет и журналов, заведовал отделом ТАСС. Жил в знаменитом Доме на набережной. Умер в 1959 году в Москве, но похоронен... в Кронштадте. Почему? Алексей Иванович никогда не делился семейными подробностями, не рассказывал об отце, чья жизнь могла бы стать сюжетом для литературного произведения. Старший Флеровский участвовал в революции 1905 года, был членом Петроградского военно-революционного комитета, обеспечившего победу большевикам в октябре 1917 года, занимал пост главного комиссара Балтийского флота. Если учесть, что большинство участников революционных событий были уничтожены Сталиным, особенно те, кто хоть как-то соприкасался с Троцким в период борьбы за большевистскую власть, то можно удивляться, что Иван Флеровский выжил в кровавом месиве.

Расспрашивать о таких вещах мне казалось не корректным. Да и говорить на эту щекотливую тему мне было не по чину. Находились мы на слишком разных административных ступенях. Хотя как главный редактор он никогда не возвышался над подчинёнными недоступной административной глыбой. Напротив, был прост в деловом общении. При этом оценивал материалы жёстко. И его искренность подкупала.

Журналист Галина Сорокина, работавшая в те давние годы в «Комсомолке» и других «центральных» изданиях, так впоследствии отзывалась о Флеровском и «МК»:

”Московский комсомолец” тех лет, когда главным редактором его был Алексей Иванович Флеровский – человек замечательно живого ума, нежного, стойкого, отважного сердца человек – во всем, я бы сказала, высшей квалификации, “Московский комсомолец” тех лет для условий той страны, какой наша страна была, переживал период невиданного для печатных изданий подъема. Едва ли не каждый номер в момент исчезал из киосков, потому что люди покупали по несколько экземпляров, чтобы снабдить газетой знакомых, чтобы послать в другие города, вплоть до Сахалина, Камчатки. Газета открывала новые имена, устраивала литературные круглые столы, поддерживала целую плеяду авторов, получившую кодовое имя – молодежная проза. Газета печатала не печатаемых в Москве, почти изгоев.

Флеровский почти всегда участвовал во всех наших дружеских застольях после трудового дня. Эти ночные гулянки не были похожи на те попойки, которые с детства окружали меня на нашей московской рабочей окраине. Пили не до свинства, а для разогрева крови, мозгов и языка. Говорили откровенно, хотя понимали, что среди нас мог быть сексот – это обычное дело в советской действительности. Да и сейчас, я думаю, спецслужбы действуют в подозрительной с их точки зрения среде так же. Хотя, быть может, в меньшей степени физическим присутствием, поскольку технические средства позволяют при необходимости следить за любым и в любом месте без личного контакта.

Слушали стихи и песни запрещённых и полузапрещённых авторов: Александра Галича, Владимира Высоцкого, Новеллы Матвеевой, Наума Коржавина, Геннадия Шпаликова... Делились впечатлением о суде над Даниэлем и Синявским, о только что вышедшем романе Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита», о будоражащих общественное мнение зарубежных фильмах – итальянских, польских, американских...

Из наиболее креативных (как теперь модно выражаться) рядовых журналистов того «МК» вспоминаются Владимир Шахиджанян, Александр Аронов, Леонид Коренев, Юрий Щекочихин.

Володя Шахиджанян тогда сильно увлекался кино. Здание на противоположной стороне Чистопрудного бульвара тогда занимал кинотеатр «Колизей», позже оно отдано «Современнику». Шахиджанян организовал там общественный кино клуб – с просмотрами, обсуждениями.

Саша Аронов был уже тогда признанным поэтом: и публичным (печатался не только в «МК»), и застольным. Мы с интересом слушали его стихи, особенно те, что не доходили до публикации. А песню «Если у вас нет собаки...» мы пели задолго до выхода рязановского кинофильма «Ирония судьбы» с музыкой Микаэла Таривердиева.

С Юрой Щекочихиным тогда мы были в разных возрастных группах. Он только со школьной скамьи пришёл в «МК», но мы прониклись друг к другу симпатией. Однако дружбы не получилось, потому что вскоре я ушёл из «МК», потом уехал из Москвы. И только после моего возвращения в столицу мы иногда встречались по журналистским делам, например – на пресс-конференции брежневского министра внутренних дел Щёлокова. Горбачёвская «перестройка» позволила ему смелее вскрывать пороки советской действительности. Его публикации в «Литературке» были остры и умны.

Однажды, правда, я решил, что он перегнул палку. Уже при Ельцине Юра опубликовал статью о том, что происходит с недвижимостью в Москве и какую гнетущую, пугающую атмосферу создают действия Лужкова. Я посчитал, что он сгустил краски, не так понял начавшийся процесс приватизации, который был, во-первых, прогрессивным шагом, а во-вторых, неизбежным действием для разрушения «социалистической собственности» и коммунистического строя.

Однако впоследствии я понял, что он был не так уж неправ. Мне тогда, в начале девяностых, нравились «решительные действия» столичного градоначальника – так быстро пошла

приватизация в Москве. А ведь под шумок и под демократические фанфары об успехе приватизации действительно творилось чёрт те что. Тогда как грибы плодились приближенные к власти компании, которым доставались лакомые куски. Потом это назовут «прихватизацией» и обвинят в этой вакханалии демократов, хотя этим занимались те же чиновники, что сидели во властных креслах и при советской власти.

Смерть Шекочихина стала неожиданностью. Я склонен согласиться с версией, что Юру попросту «убрали». Он слишком мешал своими раскопками, глубокими и аргументированными. Иным способом справиться с ним не могли – ни подкупить, ни напугать, ни засадить (у него был депутатский иммунитет), вот и устранили...

Особо тесные отношения у меня сложились с Лёней Корневым. Фактически первые, робкие шаги в профессиональной журналистике я делал и под его руководством тоже. Он был очень своеобразным человеком. Володя Чернов, учившийся с ним вместе на журфаке, рассказывал: читает Лёня университетский учебник русского языка и хохочет. Что может быть смешного в сухой грамматике? Оказывается – примеры, фразы, приводившиеся для иллюстрации правил. Он обращал внимание не столько на грамотность (или безграмотность) фраз, сколько на их идеологическую несуразность. Его инакомыслие сидело у него в крови.

Почему – я не знаю. Может быть, он как никто знал с детства фальшь советской пропаганды? Он родился и жил на Украине. Когда немцы захватили их город (кажется, Харцызск), его мать продолжала получать пособие на ребёнка, как... жена советского командира. Как долго это продолжалось, не помню, но получала. И этот факт никак не стыковался с официальной, которая замалчивала подобные истории.

Это только потом, когда началась перестройка, мы узнали, что немцы на оккупированных территориях нередко сохраняли административные органы и даже прежних, советских руководителей (конечно, не в комитетах компартии, а в исполкомах местных Советов). А расстреливали тогда, когда наши подпольщики и партизаны убивали немцев, подрывали поезда, уничтожали технику, поджигали дома. Ведь не все же немцы были нацистами. На фронт попадали и противники гитлеровской тоталитарной системы, в том числе и сочувствующие советскому социализму. Жестоко расправлялись с гражданским, оккупированным населением в основном эсесовцы, спецотряды.

Лёня тяготился запрограммированной, почти рутинной журналистской работой. Трудно представить, чтобы он, работая в отделе пропаганды, сделал интервью с каким-нибудь комсомольским функционером и тем более, чтобы сотворил отчёт о комсомольской конференции. Да его к этому и не привлекали. Думаю, в отделе вздохнули с облегчением, когда появился я, бывший функционер: на меня спихнули всю эту навязываемую сверху обязательку.

Зато Лёня с удовольствием взялся за выпуск специального уикэндовского номера «МК». Это была если не первая, то одна из первых в Москве попыток издания «толстушки». Толстым, на восьми полосах, номер стал благодаря уменьшению его традиционного формата А2 вдвое.

Кстати, эту идею поддержал новый редактор «МК» – Игорь Бугаев. В этом проекте не было идеологической опасности, зато повышался читательский интерес. Ведь «толстушку» старались делать преимущественно познавательно-завлекательным. Я, например, по просьбе Лёни для одного из первых номеров «толстушки» сделал разворот про Харитоньевские переулки (**«Большая история маленьких переулков»**).

С историей Большого Харитоньевского связано имя Александра Пушкина, который неоднократно проживал здесь. Когда он ещё под стол пешком ходил, семья снимала флигель у дворца Юсупова. Есть стихотворение-память о прогулке в «Юсуповом саду». А в «Евгении Онегине» Татьяну Ларину везут из деревни именно в этот московский переулок:

*В сей утомительной прогулке
Проходит час-другой, и вот
У Харитонья в переулке
Возок пред домом у ворот
Остановился.*

В старинном особняке в то время располагался президиум сельскохозяйственной академии – ВАСХНИЛ. С этой организацией связана жизнь выдающегося нашего отечественного учёного Николая Вавилова, погибшего в саратовской тюрьме, куда он попал во время борьбы Сталина с «буржуазной» наукой – генетикой и вымышленной Трудовой крестьянской партией...

Творческие искания Лёни в «МК» оборвались в связи с его переходом в Агентство печати «Новости». Потом он неожиданно оказался на телевидении, на «второй кнопке». Этот канал, в отличие от первого, был преимущественно познавательным. По его заказу я написал сценарий об антибольшевистских правительствах в годы Гражданской войны, был снят сорокаминутный телефильм. Но и на телевидении Коренев удержался недолго. Популярнейший тогда в журналистской среде главный редактор – Егор Яковлев – пригласил его под своё крыло. Яковлев превратил сухой, сугубо профессиональный малотиражный журнал «Советская печать» в «Журналиста» с более широкой палитрой общественных тем. Однако творческого удовлетворения от этого сотрудничества Лёня не получил. По его словам, Егор слишком давил на сотрудников, а этого свободолюбивый Коренев выдержать не смог. Потом, в новой России у Виталия Третьякова в «Независимой газете» он возглавил литературное обозрение. Но тоже что-то не сложилось.

Мы не общались много лет. Каждый шёл по жизни своим путём. И вдруг, уже во второй половине девяностых, он звонит мне. Лёня спросил, найдётся ли для него место в «Курантах». Однако у нас тогда наступил тяжелейший период сохранения газеты из-за финансовых трудностей. Мы не набирали сотрудников, а увольняли, чтобы сократить расходы. Вот если бы он с первых дней «Курантов» у нас объявился... Всё было бы иначе...

А можно ли нам дискутировать?

Вернусь к внутриредакционной жизни «МК». Наши посиделки, нетрадиционные разговоры дали мне очень много, я с совершенно другой стороны стал оценивать и исторические события, и критиков советской власти, да и свою журналистскую стезю.

Не скажу, что у меня открылись глаза. Я и раньше замечал несоответствие между словами «родной партии» и реальными делами – и в прошлом нашей страны, и в текущее время. Большевики сами воспитывали во мне недоверие.

Это недоверие усилилось, когда я начал для «МК» делать материалы по истории комсомола. Пожилая сотрудница архива ЦК ВЛКСМ, показывая фотографии прежних руководителей комсомола, тихо, печально приговаривала: «Этот расстрелян. Этот расстрелян. И этот... Вот эта группа ЦК вся расстреляна...». И это – про активнейших участников большевистской «революции»! И это – о руководителях коммунистического союза молодёжи!

Честные, преданные делу революции гибли массово, гибли ни за что. А мы в газете, через полвека после победы социализма, трусливо обсуждали: можно ли себе позволить подискутировать? Фактически мы как бы спрашивали власть: а вы, дяденьки, позвольте нам порассуждать о смысле бытия современной молодёжи, о том, как её вовлечь в активную общественную жизнь и каковы формы и цели этой активности?

За «круглым столом» в редакции я собрал тринадцать юных мудрецов, чтобы обсудить тему **«Молодежные клубы – гости и хозяева»** (опубликовано 5 марта 1967 г.). Тогда эта тема стала модной и позволительной для обсуждения. Партийная власть и комсомол реально ощущали, что усиливается безыдейность нового поколения, своего рода нигилизм. Ещё не протестные настроения против существующего режима (это было уделом очень узкого круга инакомыслящих), а просто разочарование в декларативных «идеалах коммунизма». Вот и пытались вовлечь «не охваченных» под своё крыло через клубы по интересам, молодёжные кафе.

Так, по инициативе Фрунзенского райкома комсомола при кинотеатре «Художественный» появился клуб любителей кино «Арбат». Как рассказал его представитель, в клубе, судя по выданным абонеентам, тысяча двести человек. Причём девятьсот из них регулярно участвуют в общественных просмотрах и обсуждениях фильмов. Цель создателей клуба – «пропаганда хороших фильмов и воспитание грамотного зрителя». И в те времена более «лёгкие» фильмы, как, например, «Подвиги Геракла» или индийский «Цветок в пыли», привлекали зрителей больше, чем те, которые пытались вовлечь зрителей в размышления о текущей жизни (пусть и в рамках соцреализма).

«А как же идеологическое воспитание? – спросил участник нашего «круглого стола», комсомольский функционер. – Просто просмотры, и всё? Не кажется ли вам, что в этих клубах интересных встреч мы воспитываем пассивность? Человеку придумали клуб. Он приходит, чтобы его развлекали там».

Но однажды в «Арбате» показали фильм «Обыкновенный фашизм», и в его обсуждении принял участие режиссёр Михаил Ромм. «Мы разбирали не только художественные достоинства фильма, но и его политическое содержание», – парировал представитель киноклуба. Это уже – кое-что. Правда, сомневаюсь, что на том обсуждении мог прозвучать хотя бы намёк на сходство двух тоталитарных систем – гитлеровской и коммунистической. За это, мягко говоря, по головке не погладили бы.

Но встречи по интересам в клубах и молодёжных кафе столкнулись с непреодолимым препятствием – «господином Планом». Зачем кинотеатру нужен киноклуб любителей, если не будет хорошего сбора? По признанию представителя «Арбата», администрация «Худо-

жественного» стала к ним серьёзно относиться лишь после того, как зал стал заполняться и давать плановую выручку.

С такой же проблемой столкнулись и молодёжные кафе. На волне эмоционального подъёма с двух сторон – «снизу» и «сверху» их появилось в Москве более двух десятков. Сейчас, когда в столице сотни разнородных кафе и ресторанов, эта цифра кажется смешной, а тогда это было похоже на кулинарную революцию. Но даже от этого незначительного количества к моменту нашего обсуждения осталось только два – «Молодёжное» и «Синяя птица». Правда, незадолго до нашего «круглого стола» открылось кафе «Лелль», представитель которого посетовал, что нет какого-то координирующего органа по работе молодёжных кафе. А что может поделать «координирующий орган», если посетителей недостаточно? Особенно там, где тогда вознамерились пропагандировать здоровый образ жизни и отказались от продажи алкоголя?

И, по сути, все участники «круглого стола» констатировали, что эти нововведения «по интересам» охватывают лишь малую часть московской молодёжи, в основном людей с высшим или незаконченным высшим образованием, – в сумме несколько тысяч, когда в столице около миллиона людей комсомольского возраста:

Говорят, в Москве все люди грамотные. Это абстрактно. Анкета, проведенная “Комсомольской правдой”, показала, что десятая часть молодежи не читает газет. Люди, которые ничем после работы не занимаются, не увлекаются, более склонны к антиобщественным поступкам... Они околачиваются в подъездах, на площадках и в лучшем случае гоняют консервную банку.

А ещё такая «не охваченная молодёжь» предпочитает танцевать – кошмар какой! – твист и тому подобные разлагающие наше общество западные танцы...

И вот я, сотрудник отдела пропаганды, как бы ни с того, ни с сего заинтересовался... танцами. Нет, не учиться пошёл, не в танцевальную студию записался, а отправился в Измайловский парк, где «топчется» молодёжь. Хотя поучиться правильно танцевать надо было! А кто тогда умел? Редко, кто танцевал красиво. В основном, как я «мудро» выразился в своём юношеском дневнике, танцы – это публичный способ обнять девушку. Танцы-обжиманцы! Ну, и «тряхнуть костями»!

Мы даже открыли рубрику «Приглашение к танцу». Мол, редакцию спрашивают, где научиться танцевать модные танцы – сиртаки, медисон, например.

Внештатник «МК» Л. Росин увлекался темой культурного отдыха молодёжи и предложил какие-то свои рассуждения. Но материал в отделе не понравился, и подключили меня. Мы начали подготовку моим испытанным способом – анкетированием. При всей разнице публики на двух разновесных танцплощадках Измайловского парка (одна – под крышей, с туалетом и буфетом, другая – попроще, под открытым небом), все были не очень довольны примитивным топтанием.

Наше резюме в статье **«На полтинник культуры»** (8 августа 1967 г.) стало призывом к функционерам:

Комсомольские организации бьются над созданием молодёжных клубов, ищут для них помещения, ищут лазейки для новых штатных единиц, но, рождённые с невероятными усилиями, они гибнут, не успев преодолеть детские болезни. А здесь – коллектив с общими интересами... Почему же не продумать систему художественного воспитания на танцплощадке? Показывать выступления лучших пар Москвы, с помощью самодеятельных артистов разучивать новое, устраивать конкурсы.

Никакого официального ответа на нашу публикацию газета не получила. Да, и что можно было ответить? Да и кто? Безусловно, комсомол не случайно заинтересовался досугом молодёжи, в том числе танцами, так как увидел в этом буржуазное влияние (а оно всё более проникало вместе с музыкальными записями современных западных исполнителей).

Потому и позволено было порассуждать о твисте и шейке. Но у комсомола были и «более серьезные» задачи: сбор взносов и металлолома, организация соревнования за присвоение звания «бригада коммунистического труда», мобилизация молодёжи на ударные стройки и субботники, шефство над школами и армией... Так что юные строители коммунизма сами выбирали, что танцевать, как танцевать, какую музыку слушать и любить, носить клёш или дудочки...

Конечно, тогда решительно боролись со стилиягами, которые увлекались всем западным. Об этом позорном действии комсомола недавно рассказал фильм Валерия Тодоровского «Стиляги». В общем-то, верно показана атмосфера тех лет. Однако представлять, что все комсомольские активисты ретиво гонялись за стилиягами, вырезали им чубы-коки, сдирали жёлтые пиджаки и брюки-дудочки, это было бы примитивно. Скажу о себе: когда я был комсомольским функционером, никогда этим не занимался и не поощрял эту «охоту». Я меня был друг – типичный стилияга. Комсомолец. Из бедной семьи. Но он, будущий архитектор, искал новые формы и оригинальные цвета одежды, которая своим однообразием нагоняла тоску на его творческую душу. У меня не было жёлтого пиджака, но вместо широченных шаровар я стал носить узкие тренировочные брюки. И за это улица стала меня называть стилиягой.

Но самые одиозные противники всего нового, усматривая идеологическую угрозу, и облавы устраивали на стилияг, и публично клеймили их: «Сегодня слушаешь ты джаз. А завтра Родину продашь». Однако предложить наиболее продвинутым ребятам что-то своё, равное по силе воздействия комсомол не всегда мог. Конкурентоспособные официозные песни были – Пахмутовой, Тухманова, «Самоцветов», но в танцевальной музыке – почти ничего. Юные тела предпочитали двигаться под шейк, твист, рок-н-ролл и прочие появляющиеся за кордоном новинки, а не под краковяк, вальс, даже если он был бостон. Даже танго и фокстрот уже не удовлетворяли.

Все эти новинки из «гнилого» Запада признавались идеологически вредными. Но побороть массовое увлечение не удавалось. Тому мешало появление магнитофонов и привезённых зарубежных записей. Особое беспокойство у идеологов вызывало увлечение транзисторами. Я сам лично слышал выступление высокопоставленного комсомольского функционера на каком-то совещании, который расписался в бессилии: «Они уходят со “Спидолой”, и что там слушают, под что танцуют, мы не знаем...» «Спидола» – спасибо Риге! – стала самым популярным радиоприёмником, поскольку питалась и от батареек. Можно было слушать, где угодно и что угодно – от «вражьих голосов» до «тяжёлого рока»...

Как эти опасения про неконтролируемое влияние Запада похожи на нынешние попытки ограничить интернет, который позволяет быть независимым от официальных предпочтений.

«Короли – рабочие, ферзи – комсомолки...»

Моим любимым занятием стало листать страницы старых газет. Подтолкнуло меня к этому чтение третьего издания собрания сочинений Ленина и книжки Герберта Уэллса «Россия во мгле», а точнее – приложений к основному тексту. Там приводились такие документы, исторические факты, о которых прежде, до хрущёвской оттепели, наше юное поколение не знало и не догадывалось. Особенно в глубоком неведении оставались те, у кого не было в семье участников революций, учёных и других интеллектуалов, которые знали истинную правду о событиях, могли хранить старые газеты и журналы, запрещённые книги.

К тому же была и практическая польза от такого чтения – для публикации в газете. Так, я подготовил тематическую полосу по страницам старых изданий – «**Здоровье молодежи – капитал революции**» (9 сентября 1967 г.).

Казалось бы, ну какое открытие я могу сделать, знакомясь с публикациями в большевистских газетах первых лет советской власти о физкультуре и спорте? А любопытного оказалось немало. Ведь официальную историю советской периода нам преподносили во многом иначе, чем она была на самом деле. Её приглаживали в соответствии с новыми требованиями. А публикации в старых газетах, даже в советских, были правдивее. Прочитав некоторые самые неожиданные и занимательные информации. В 1924 году «Красный спорт» писал:

17 января в кружке игр и праздников при ОППВ (опытно-показательная площадка Всевобуча) состоялось собрание, посвященное специально вопросу о месте и значении лаун-тенниса как спортивной игры.

С большим и содержательным докладом выступил проф. В. Гориневский – “Лаун-теннис с биологической точки зрения”. Он указал, что теннис имеет большую гигиеническую, педагогическую и воспитательную цель... Единственным отрицательным качеством тенниса профессор называет слишком малый риск в игре. Плохо именно то, что участник это сознает. Опасность же воспитывает волю и мужество.

Докладчику возражает С. Сысев. Он говорит, что игру нельзя оценивать лишь с точки зрения ее полезности. Теннис определенно индивидуальная игра. Здесь отсутствуют товарищество и коллективность – именно те, факторы, недостаточным развитием которых страдает русский человек. Теннис является вместе с тем самой дорогой летней игрой. Все эти мотивы говорят за то, что теннис в современных условиях не может и не должен получить в СССР такого распространения, как другие массовые, коллективные игры.

Что «не может» в бедной стране, с этим ещё можно было бы в тот период разрухи согласиться, а вот что «не должен» – это уж слишком по-большевистски. И ведь теннис действительно долгие годы никак не развивался в стране диктатуры пролетариата, его и по затратам и по отсутствию коллективизма признавали буржуазным занятием. Вот пирамиды устраивать – это пожалуйста: дешево и коллективно. Это когда группа якобы гимнастов выстраивает на сцене фигуры из своих тел, забираясь один на другого. А ля гоп – пирамида готова. Покрасовались, прыгнули, разбрелись – все довольны. И никакого индивидуализма. Будучи школьником, я не раз участвовал в таких пирамидах. Удовлетворения не получал. Какое-то скучное, инертное занятие.

Вот ещё экзотические виды спорта:

6 сентября в Москве на вновь оборудованном стадионе совторгслужащих имени Профинтерна состоялся первый профсоюзный праздник физкультуры [полагаю, автор слегка ошибся: не “на вновь оборудованном”, а – “на недавно оборудованном”: вряд ли такой стадион существовал до этого дня].

После приветствий на поле выкатили гигантский мяч – “пушбол”. Мяч выше роста человека. Приводится демонстрация новой, доселе не виданной игры.

Этот восторженный репортаж газеты «Известия спорта», опубликованный в 1923 году, раскрывает типичное двуличие отечественной политики. Совсем недавно большевики отразили нападения интервентов из капиталистических стран, а тут пропагандируют их игры!

То же издание далее пишет, как бы исправляя идеологический перекося предыдущего абзаца:

На середине поля впервые в СССР состоялась игра «живыми шахматами», где фигурками были люди, одетые в красочные одежды. Играли т. Фрейдберг, металлист из Харькова, и Грязнов, текстильщик из Серпухова. Впервые были применены новые названия фигур: короли – рабочие, ферзи – комсомолки, слоны – краскомы, кони – всадники, ладьи – военморы, пешки – физкультурницы.

То, что подобными играми в «живые шахматы» увлекались шахи, падишахи и прочие кровавые тираны, авторам данной игры и публикации, кажется, невдомёк. Но зато «короли – рабочие» – это по-нашему, по-пролетарски! Вот только не понятно, как было отличить «ферзей-комсомолок» от «пешек-физкультурниц»? По интеллекту на лице, что ли?

Новый, революционно-пролетарский спорт разрушал прежние представления о морали, нравственности, стыде и скромности. «Комсомольская правда» в 1925 году нарисовала такую вот провинциальную картинку:

Престольный праздник “9-е Воскресенье” и большой базар в Юрьеве издавна собирают крестьянство со всей округи в город. Съезжаются за 20 – 30 верст...

Вдруг в толпу врываются непривычные звуки оркестра.... Головы всех поворачиваются в сторону звуков. Глаза впиваются в невиданное зрелище. Под звуки марша стройными рядами длинная молодая колонна загорелых ребят в трусиках пересекает базарную площадь.

– Бесстыдники, – говорит кто-то из женщин.

– Вот так чудеса, – медленно соображает вслух подвыпивший мужичок.

– Ишь ты, без штанов, да с музыкой!

Деревенская молодежь, до того сонно бродившая, грызшая подсолнухи, взбудоражена. Всех невольно тянет пойти за складными ребятами – физкультурниками. Надо посмотреть. Ведь бесплатно. Да и с музыкой.

Коль зашла речь об одежде, продолжим тему. И вот что писала та же «Комсомолка» три года спустя:

Многотысячные массы зрителей, посетившие в эти дни наши стадионы, должны были бы следить не только за высотой прыжка, за скоростью бега – они могли видеть элементы нового стиля, воплощенные в жизни и в живом движении...

На всякую моду можно смотреть, как на стандарт. Эти моды диктует парижский портновский трест, требованиям которого мы пассивно подчиняемся. Эти требования нам чужды и во многом непонятны, поэтому так уродливо одеты люди.

Ну, что сказать на это? Вроде бы мы можем улыбнуться по поводу опасений и заблуждений автора. Вот только, похоже, что и ныне, в двадцать первом веке, чуть ли не сто лет спустя, вновь в нашем особливом Отечестве звучат голоса о происках «парижского треста», о том, что наши люди (о, ужас!) «пассивно подчиняются», что нам ихнее чуждо, непонятно и уродует нас...

Немало любопытного открылось мне и при подготовке полосы к пятидесятилетию «Великой Октябрьской социалистической революции» (подборка **«Революция – локомотив истории»** опубликована прямо в день юбилея, 7 ноября 1967 г.). Так, из воспоминаний Николая Подвойского, который в октябре семнадцатого года возглавлял Военно-Революционный комитет Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, делаешь вывод, что,

вопреки ярким картинкам советских кинофильмов, большой битвы за взятие Зимнего не было. Многие защитники цитадели Временного правительства Керенского разошлись ещё до первых символических выстрелов по зданию. Лишь юнкера до последнего пытались защищать лидеров демократических преобразований в России. Но юных сопротивленцев было слишком мало...

По сути, прокоммунистическими агитками стали мои тематические подборки по старым газетам про создание комсомольских организаций на селе («**Первые борозды**», 18 июля 1967 г.) и об истории комсомольского билета («**От баррикад до Ангары**», 10 и 11 февраля 1967 г.). Они также были подготовлены в связи с полувековым юбилеем «Великой Октябрьской революции»). В этих моих публикациях ничего нового для более свежего осмысления событий не было. Я делал их в русле официальной пропаганды. Скажем, в сельской подборке я ни слова не упомянул о «головокружении от успехов» при массовой коллективизации, то есть, по сути, о насильственном создании колхозов. Однако некоторые детали той давней жизни были любопытны, хотя бы потому, что со временем большевики о многом старались умолчать или представить совсем в ином свете, чем было на самом деле.

К тому же эти мои материалы не были столь же «трескучими» и шаблонными, как если бы со своими воспоминаниями выступали участники тех далёких событий.

В историю комсомольского билета я вставил информацию о комсомольской путёвке. Тогда были на слуху призывы к молодёжи и отправка поездами («Едем мы, друзья, В дальние края») на целину, на «стройки коммунизма» Сибири и Дальнего Востока. Одна из самых известных строек – Братская ГЭС. Мне повезло, что одним из тех, кто туда поехал по комсомольской путёвке, был мой старый знакомый – Валентин Кузьмин, корреспондент Фотохроники ТАСС. По совместительству он был старшим пионервожатым подмосковного тасовского пионерлагеря, где я поработал одно лето. Не знаю, почему он, сдавая экзамены в театральное училище, в августе 1967 года, вдруг отправился на берег Ангары. Не помню причину такого крутого поворота, и в публикации я об этом не написал. На красочной путёвке я заметил коряво написанную простым карандашом букву «в». Оказалось, это – отметка, что обладателю сего документа выдали валенки...

«Искру» называли «Фёклой»

Любой человек должен уметь грамотно говорить, доказательно выступать на собраниях. Особенно – комсомольские активисты, лекторы. Хотя, конечно, эту статью – **«Запишите меня в Цицероны»** (20 октября 1967 г.) – я подготовил не для активистов, а для всех, кто хочет, чтобы его поняли, чтобы он повлиял на нужное ему решение. А грамотно, красиво и убедительно выступать тогда практически не умели. В лучшем случае – эмоционально, если ситуация была скандальной.

Помню, как сам я, оказавшись комсомольским деятелем, поначалу мучился на трибуне и мучил слушателей. У меня неплохо получалось доверительно поговорить с человеком тет-а-тет, но выйдешь на аудиторию и – поджилки трясутся, не могу подобрать нужные слова.

Поводом для публикации стали лекции по ораторскому искусству, организованные на философском факультете МГУ. Почему ребята заинтересовались этим непланным занятием?

«Иногда стою перед аудиторией – мыслью полна голова, а выразить точно не могу... Такой лекцией недовольны слушатели. И себя чувствуешь виноватым, словно я их в чем-то обманул», – объяснил один слушатель.

У другого иная, но не менее важная причина:

Я хотел бы стать научным работником. Мне придется отстаивать свои идеи... И в научном споре косноязычие может оказаться роковым для моих идей.

Третий студент проиллюстрировал надобность примером из преподавательской практики:

Вот сейчас была лекция... Очень нужная лекция. А как прошла? Скучно, да половину не поняли.

А вот мнение про комсомольских работников:

До чего же многие из них казенно говорят! Все их красноречие, весь пафос вкладывают только в одно слово: надо. Трибуна для них – место пытки.

И это, как я уже сказал, оценивая и самого себя, – истинная правда.

Преподаватель факультативного курса ораторского искусства зав кафедрой древних языков исторического факультета МГУ А.Ч. Козаржевский, во-первых, назвал свой цикл лекций иначе – мастерство устной речи, во-вторых, признался, что стал его вести совершенно случайно, это не по профилю его кафедры. И курс – экспериментальный, единственный в Москве, а может, и в Союзе (потому мы, газетчики, и заинтересовались им!), и во многом преподаватель ведёт его на ощупь. К тому же практически не было тогда «наглядных пособий» – записанных выступлений лучших ораторов мира, или они были очень низкого технического качества.

Козаржевский напомнил, что в истории московского университета был период, когда обучали «цветам красноречия», то есть как употреблять метафоры, эпитеты, гиперболы и т. д. И добавил:

Сейчас при запущенности культуры устной речи, одних «цветов» мало. Студентам я расскажу и о технике речи (дыхание, голос, дикция), и о культуре (орфоэпия, грамматика), и о стиле. И даже о внешнем виде.

Тема эта показалась нам в редакции интересной, перспективной – нам всем тогда не хватало культуры публичного общения, и мы вернулись к ней, опубликовав в «толстушке» «МК-воскресный» статью **«Инкрустация речи»** (3 декабря 1967 г.). Здесь я в соавторах. Материал внештатника оказался лишь набором любопытных фактов, но без обобщений и, главное, ужасно написанный. Ну, как говорить о культуре речи так неинтересно! Я его переписал, придумал этот заголовок и добавил какие-то любопытные детали: не шедевр, но и

не дерьмо. Таким образом мы продолжили разговор об использовании интересных исторических фактов, крылатых слов, пословиц и поговорок – будто организовали заочную школу ораторов. Хотя, как мне помнится, это была последняя публикация этой «школы», так как вскоре я покинул «МК».

Из всех фактов «инкрустирования» меня удивил только один, про который я тоже не знал: оказывается, большевики для конспирации называли свою газету «Искра» «Фёклой».

Не знаю, как эти публикации о культуре речи повлияли на читателей, но я многое взял на заметку. И это помогло мне, когда я избирался и потом работал депутатом.

Двенадцать компромиссов Сергея Довлатова с советской действительностью...

Признаюсь, корреспонденция «Незапланированная песня» (6 января 1968 г.) – это мой позор, мой компромисс.

Мне дали очень ответственное задание – рассказать о Мытищинской городской комсомольской конференции. Ответственное – потому что оно было на контроле областного комсомольского начальства.

В каждом районе области и столицы проходили такие отчётно-выборные конференции. Ежегодно. И ничего особо нового в молодёжную среду они не приносили. Этакие традиционные междусобойчики. Но «МК», являясь официальным органом двух комитетов – городского и областного, обязан был освещать эту кампанию. Но кому охота писать о заранее срежиссированном мероприятии? Редакция не проявляла большого интереса к этим функционарским делам. Однако отчёты давать надо было, комсомольские руководители постоянно напоминали об этой обязанности газеты-органа. Почему выбирали тот или иной район, оставалось тайной. Предполагалось с позором прогнать прежнее руководство? Или, напротив, кого-то надо приподнять над функционарской средой: для примера, для того, чтобы проторить дорожку вверх перспективному руководителю? Или ещё по какой-то неведомой журналистам причине? Так что и я не знал, почему выбрали именно Мытищи.

Никаких особых напутствий мне не дали. Поехал, посидел, послушал, написал отчёт. Так сказать, пришёл, увидел и... не победил. Я позволил себе наряду с формальной констатацией, кто выступил и что говорил, о чём-то критически отозваться. Смутно вспоминаю: отметил, что много звона и мало деловитости. Беззлобно, но зацепил. И вдруг... Появилась она. Старая знакомая.

Оказывается, куратором этой конференции была Алла Северина. Бывший секретарь Фрунзенского райкома комсомола, где я когда-то работал и откуда ушёл от этой далеко не умной функционарки со скандалом. Она, теперь работник вышестоящего комсомольского органа, позвонила в редакцию и попросила показать мой отчёт до публикации. Я не знаю, согласился бы на такую цензуру Алексей Флеровский или нет. Но его уже сняли. А оставшийся у руля «МК» Александр Шифрин беспрекословно подчинился. Впрочем, думаю, и Флеровский не полез бы на рожон из-за рядового отчёта о рутинном событии.

Мне было крайне неприятно вдвойне. Во-первых, меня никто до тех пор таким способом не инспектировал. Во-вторых, этого потребовала именно Северина. Возможно, она специально настояла на предварительном знакомстве с текстом, когда узнала, что именно я автор.

Ей, конечно же, не понравились мои замечания о конференции, и она потребовала кое-что убрать. Это естественно: любая критика мероприятия, за который она отвечает, ей в минус. Я, сжав скулы, выслушал, но ничего не пообещал. Ведь я же ничего не соврал, написал, как было. Однако Шифрин сказал: надо! Я, тогда ещё начинающий журналист, не посмел ослушаться. Поправил текст, зализал «шероховатости. Мне было стыдно за своё малодушие.

Хотя, может, иногда, когда против лома нет приёма, лучше пойти на компромисс? Тем более что в данном случае я никого не облил грязью «по заданию», никого и не возвеличил незаслуженно, в общем я не соврал... Я просто умолчал кое о чём...

Просматривая теперь этот номер «МК» я обратил внимание на нижестоящую официальную подборку «Пленум ЦК КПЧ». Брежнев направил Александру Дубчеку поздравление с избранием его руководителем чехословацких коммунистов. В нём, к примеру, Ильич заверяет: «существующие между нашими странами отношения братской искренней дружбы...

будут и дальше крепнуть и развиваться...» А в тассовской биографии Дубчек, который, кстати, учился в советской школе, выглядел прямо героем, ну хоть премию мира вручай. До чего наши отношения «развились», мы узнали тогда через семь с половиной месяцев, когда в «братскую» страну вошли советские танки. Дубчек не проявил тогда твёрдости, не отдал приказ защищать страну от вероломных захватчиков, он пошёл на компромисс. И он оказался прав: живы сограждане, не разрушены родные города. А могучий Советский Союз развалился, рухнув под обломками коммунистической системы. Может, и правда – иногда компромисс лучше упёртости? И не так важно: касается этот компромисс целой страны или только заметки об одном районе, важнее – последствия...

Сергей Довлатов в автобиографическом рассказе поведал читателям о двенадцати своих личных компромиссах с советской действительностью. Он беспрекословно выполнял редакционные задания, писал то, что от него ждали, порой вопреки реальной ситуации. О компромиссе по мытищинскому материалу я только что рассказал. Но двенадцать компромиссов я не насчитал в своей практике. Тут две причины.

Первая и главная: я в отличие от Довлатова был добровольной частью этой системы, не по принуждению. Напрямую тогда не конфликтовал с ней. И заранее знал, о чём можно писать, о чём нельзя.

И вторая, тоже очень важная: я, конечно, мог о чём-то умолчать, но написать заведомую неправду по поводу конкретных событий и лиц не стал бы ни под каким давлением. Даже ценой наказания. И я всей дальнейшей журналистской работой это доказал. Можно даже в жёстких цензурных и идеологических рамках оставаться самим собой, не подличать, не гадить. В этом смысле совесть моя чиста. А то, что я не разоблачал советский строй, – это было тогда не по моему уровню знаний и взглядов.

Но в меру своих пока ещё ограниченных творческих возможностей и понимания профессии журналиста, как борца с недостатками, я пытался освещать негативные стороны жизни с первых своих материалов в «МК». Не всей, конечно, жизни – на это я ещё не мог покуситься, а – только комсомольской.

Я сначала придумал этот заголовок – «**Лебедь рак и... скука**», а потом, набрав фактов, написал статью (30 мая 1967 г.). Проблема мне была хорошо известна. Райкомы комсомола в основном работали с крупными организациями. Достаточно дать команду, скажем, комитету комсомола Завода имени Лихачёва, и он обеспечит явку десятков человек на любое мероприятие: субботник, спортивный парад, встречу с иностранными гостями... Кто организует громкую, на всю Москву, а то и на всю страну какую-нибудь акцию, патриотический почин? Конечно, организации, где сотни и даже тысячи членов ВЛКСМ. Но в любом районе столицы были сотни предприятий и учреждений, где насчитывалось лишь по десять – двадцать комсомольцев. Формально, для отчёта, там можно раздать всем по поручению: кто-то отвечает за выпуск «комсомольского прожектора», кто-то за сбор металлолома, кто-то – за шефство над... Над кем или чем угодно. И отчитаться о «проделанной работе». Но в результате никакой дружбы, никакого единства, общих интересов в такой первичной организации нет. Каждый тянет в свою сторону, как герои крыловской басни. И таких организаций в стране было большинство...

Вызвало у меня критическое отношение и работа комсомольской организации Математического института имени Стеклова. Строго говоря, я и не анализировал их работу. Чего анализировать, о какой общественной работе можно было говорить, если собрались комсомольцы лишь второй раз за год? Теперь – на отчётно-выборное собрание. Собрались, а о чём поговорить, не знают. За двадцать минут успели и отчёт секретаря выслушать (о шести проведённых мероприятиях), и выбрать новый состав комитета комсомола. А потом целый час члены комитета ломали голову, кого же избрать своим вожаком. Пользуясь своими познаниями математики на школьном уровне, я изобразил ситуацию в виде задачи:

Дано: 39 человек на комсомольском учете, из них два научных сотрудника, остальные аспиранты.

Требуется:

– первое – извлечь корень зла, второе – найти «X», то есть подходящего секретаря.

...Корень зла извлечь не смогли. «X» нашли примитивным школярским способом – подогнали под ответ.

Использовал я математический подход и к названию статьи – **«Изолированные точки»** (28 ноября 1967 г.). Есть такое научное понятие. Оно подошло для характеристики комсомольской организации стекловцев. Уж слишком изолированно друг от друга существовали они, чтобы иметь общие интересы и дать объективную оценку избранным активистам.

После моей публикации «математики» пришли в редакцию жаловаться на меня. Их обидело не жёсткая оценка их бездеятельности, а приведённые мною критические, саморазоблачающие высказывания самих же участников собрания. Выслушав их претензии, замглавреда Шифрин спросил у меня: «Их высказывания зафиксированы у тебя в записной книжке?» Услышав утвердительный ответ (диктофонов-то тогда не было), он успокоился. А что касается сути – формализма во многих, если не в большинстве, небольших комсомольских организациях, так это было общеизвестно. В том числе и самим функционерам, только публично, особенно в прессе, говорить об этом они не стремились. А я говорил... При этом не будучи противником комсомола вообще. Скорее, сторонником, но меня удручала массовая пассивность молодёжи...

За что сняли Алексея Флеровского?

Комсомол тогда процветал, властно распоряжался своими газетами. Хрущёвская оттепель во второй половине 1960-х годов сводилась на нет, и попытки Флеровского очеловечить «МК», подвигнуть читателей к размышлениям, встречались с каждым днём всё настороженнее, всё враждебнее. Флеровского вызывали на комсомольский «ковёр», предупреждали, но он не шёл на компромисс, не менял редакционную политику, и нашли предлог его уволить.

По моим сведениям, уволили за киношный материал, опубликованный в «МК» 5 февраля 1967 года. Автор Сергей Чудаков написал статью «Вкус и мера “Шантеклера”», в которой разругал нашумевший тогда музыкальный испанский фильм «Королева “Шантеклера”». Но причём тут страсти вокруг судьбы певички кабаре и советская действительность?

Прежде всего, дело в том, что Чудаков уже был на примете у идеологов КГБ своей робкой попыткой давать оценки нашей жизни в иной интерпретации, чем велит партия. Он писал стихи не в русле правящей идеологии и печатался в Самиздате. Слышал я также, что он дал интервью какому-то западному телеканалу, без разрешения инстанций – тогда это было равносильно предательству! Да ещё на фоне мусорного ящика! Если уж сейчас мусороборочные места не украшают столицу, особенно когда задерживаются с их очисткой, то можете себе представить какая это была клоака – деревянные короба, переполненные отходами и окружённые стаями собак и ворон! В общем, опозорил Чудаков родной Советский Союз, «пятая колонна»!

Так что к его публикациям присматривались с особым тщанием и в кинокритической статье якобы обнаружили выпады против нашей социалистической действительности. Я эту статью тогда перечитал несколько раз и ничего крамольного (даже при моём ещё не выветрившемся комсомольско-функциональном сознании) в ней не нашёл. Но, как говорили в редакции, идеологические цензоры узрели негатив во фразе, что по сравнению с Испанией у нас климат холодноват. Приведу её дословно, благо эту статью теперь воспроизвели в «Живом журнале»:

Нет, наличие определенных приятностей в “Шантеклере” я не хочу отрицать. Краски, глазки. Здоровые, приятные люди в ситуациях волнительных или разнеживающих. Вообще после двадцатиградусного мороза ни на что смотреть не хочется, как только на пейзажи курорта – Сан-Себастьяна.

Говорили, что слова о морозе в нашей стране восприняли, как намёк на плохую политическую погоду в СССР! И вообще тут заметили желание покинуть родину. Идиотизм...

Конечно, намёк скорее всего был: ведь как-то же надо было инакомыслящим авторам изловчиться, чтобы сквозь партийно-цензорское сито протащить хотя бы одно зёрнышко правды, хоть малую частицу своих мыслей, своих идей, своих надежд на демократизацию. Может, потому и была журналистика в советское время с точки зрения языка и фабулы более тонко выстроенной, более грамотной, более отточенной, чем сейчас, когда статью можно слепить за полчаса, не слишком-то заботясь о «великом русском языке» – лишь бы чем-то зацепить внимание читателя, даже откровенным враньём, даже нецензурщиной, даже плагиатом...

А может, не понравились вот эти слова Чудакова, уничижающие советское кино:

С чем сравнивает этот фильм загнивший и зритель? С осадком впечатлений от среднестатистического фильма в нашем прокате. А каким словом характеризуется наш среднестатистический фильм? Увы, очень часто словом “посредственный”.

Впрочем, есть и другая версия недовольства высоких идеологических инстанций статьёй в «МК». Говорят, будто бы этот фильм был снят на деньги Испанской компартии, которая хотела от её проката подзаработать средства для своей подпольной деятельности при

диктаторском режиме генерала Франко. А резкая критика Чудаковым этой примитивной киноистории якобы могла нанести материальный ущерб, и испанские коммунисты пожаловались в Москву. Сомнительная, на мой взгляд, версия, так как рецензия молодёжки с ограниченным ареалом распространения и с относительно небольшим тиражом, вряд ли могла повлиять на прокатный результат. И фильм-то всё равно уже шёл по всей Стране Советов и с большим успехом.

Появлялся и такой намёк. Некоторые люди, хорошо знавшие Чудакова, утверждали, будто он – сын генерала КГБ и сам был осведомителем этой организации. И что эту публикацию он затеял в провокационных целях, дабы был повод для снятия Флеровского. К сожалению, самого Алексея Ивановича я так и не расспросил об истории его снятия.

А Чудаков, подававший надежды как поэт (о его стихах хорошо отзывался Иосиф Бродский), так и не смог при жизни в полной мере опубликоваться. В 1974 году его арестовали и признали невменяемым, отправили на принудительное лечение в психушку. Потом ещё он попадал в психиатрическую больницу. В 1997 году умер от сердечного приступа на улице. Рассказывают, накануне он продал свою квартиру на Кутузовском проспекте (!) и остался бомжом...

Когда сняли Флеровского, я вслед за некоторыми другими сотрудниками «МК» заторопился поискать иную редакцию. Меня удерживали. Намекали на повышение, и даже на то, что при моём комсомольском прошлом быть мне замом главреда. Да, комсомольские функционеры ценились в комсомольских газетах. Недаром же главными редакторами «МК» впоследствии становились выходцы из комсомольских органов: Аркадий Удальцов, Евгений Аверин, Павел Гусев... В данном случае я не оцениваю их деловые и творческие качества.

Уговорам я не поддавался, посчитал, что уже окончательно вышел из комсомольского возраста. Хотя возраст тут не причём: в «МК» работали и до самой пенсии. Просто об административной карьере в журналистике я ещё не помышлял. Да и работа в региональной молодёжке считалась тогда лишь некой ступенькой перед большой журналистикой. «МК» был базой для пополнения рядов многих более статусных изданий тех лет. Мне хотелось увидеть другие горизонты, расширить кругозор, быстрее стать более профессиональным журналистом и, чего греха таить, больше зарабатывать. И такая возможность мне представилась в Агентстве печати «Новости».

АПН – агентство советской пропаганды

«Бди!»

Козьма Прутков.

АПН называли «могилой неизвестного журналиста», поскольку большинство сотрудников работали не на внутреннего читателя. Это была пропагандистская машина для создания благоприятного образа СССР за рубежом. Как в дружеских «странах народной демократии», так и в сугубо «враждебных» – капиталистических.

Но было одно неоспоримое творческое преимущество работавших там: дозволялось и даже поощрялось касаться таких щекотливых тем, проблем нашей жизни, о которых для внутреннего потребления писать было запрещено или, если разрешали, то с «правильным» освещением темы. Чего же скрывать от западного и даже от восточноевропейского читателя наши болячки, которые им были хорошо известны из вполне достоверных, не советских источников? Благодаря этому мы, журналисты АПН, получали больше информации (например, из специальных выпусков ТАСС), чем работники сугубо внутренних изданий. Глубже влезали в советскую проблематику. Это развивало кругозор. Помогало снимать шоры...

Кроме того, в АПН я научился редактировать чужие материалы. Главной нашей повседневной задачей было не написать что-то своё, оригинальное, а подготовить чужое. Мы использовали не только заказанные нами статьи журналистов и писателей, но и вырезки из любых изданий. Резали их, как хотели, подделывали под вкусы зарубежных читателей, которые не любили длиннот, пустобрехства. Главное для них: факты и мнения авторитетных людей. Выжимали всю советскую водичку, которой любили разбавлять нашенькие авторы и которая мешала читателям добраться до сути проблемы.

И это в дальнейшем мне сильно пригодилось: беглого взгляда было достаточно, чтобы увидеть и грамматические огрехи, и лишние слова. В чужих материалах, в своих же – это проблематичнее. Что, боюсь, заметно, и по тексту этих моих воспоминаний.

АПН создано на базе Совинформбюро, которое появилось через два дня после нападения нацистской Германии на СССР и обеспечивало выверенной информацией о ходе войны, чтобы, несмотря на сокрушительные поражения Красной Армии и её гигантские потери в первые месяцы, во всем мире, а в нашей стране тем более, должны были верить: СССР победит.

Несмотря на то, что АПН называли «могилой неизвестного журналиста», тем не менее высокие по советским меркам гонорары и оклады, а также возможность поработать за рубежом привлекали людей. Устроиться туда можно было только по протекции. Меня перетащили Борис Алексеев, выходец из «МК», и тот же Лёня Коренев.

В силу престижности АПН туда охотно пристраивали детей и жён из именитых семей. Так, в нашем отделе работала жена кинорежиссёра Вениамина Дормана, прославившегося фильмами о резиденте.

Рядом со мной сидел Александр Губер – никогда не унывающий балагур. Сын дворянина (!), академика, известного советского востоковеда, а потому не случайно, что Саша специализировался на Вьетнаме. Несколько лет работал там собкором. При мне редактировал ежемесячный журнал «Лиен Со», который АПН выпускало для вьетнамского читателя. Рассказывал нам про эту бывшую французскую колонию, разделённую на две идеологически противоположные части. Саша побывал в боевом отряде, маршировал с ним в джунглях. Сам парень крепкий, крупный, он был поражён выносливостью внешне хилых, тощих бойцов. Они могли долгими часами тащить на себе немалые тяжести, а он, такой большой, выдыхался и без груза. Саша объяснял эту выносливость, помимо тренировки конечно, ещё

особенностью их ходьбы. Она была пружинящей. Вьетнамец как бы приседает на ноге, а потом ему легче разогнуть мышцы и толкать вверх тело и груз.

Я подружился с писателем Виталием Новлянкиным. Он сочинял юморески и микробасни. Помню такое: «Юла учила молодёжь: “Пока юлишь – не упадёшь”». Миленко, мне понравилось и запомнилось на всю жизнь. Но за микробасни платили микрогонорары. Они же были построчные – сколько строк накропал, за то и получай. А строк – кот наплакал. На такие доходы не проживёшь. И Новлянкин, потрудившись на поэтическом поприще и изрядно отощав, периодически устраивался в какое-нибудь СМИ на год – два, дабы пополнить семейный бюджет и потом какое-то время более или менее сносно просуществовать...

Но самой желанной целью работы в АПН было добиться права поработать за границей. Работа за рубежом – это не только экзотика, но и хорошие доходы – иностранная валюта, бонусы для «Берёзки» (закрытая спецторговля для иностранцев и для владельцев не рублей), закордонные шмотки, которые можно выгодно перепродать в советском раю.

Чтобы попасть за границу, надо было знать иностранный язык, а лучше – несколько. Английским я владел слабо. Взясся за польский. Ведь я же работал в Главной редакции социалистических стран. А главной соцстраной для нашей редакции была Польша. Мы для поляков выпускали еженедельный иллюстрированный журнал «Kraj Rad» («Страна Советов»). Что-то типа отечественного «Огонька».

Однако даже если и не представится возможность поехать за рубеж, знание языка было полезно с материальной точки зрения – за каждый язык давали десятипроцентную надбавку к окладу. Правда, вся суммарная прибавка не могла превышать двадцать процентов, если даже ты и полиглот.

Языком занимались в рабочее время. Преподавателем у нас была настоящая пани – полячка, эмигрировавшая из Польши вместе с семьёй, когда их страну захватили нацисты. Интеллигентная женщина, переводчик, хорошо владела и русским языком. К сожалению, я успел позаниматься лишь два месяца, но уже хорошо понимал преподавательницу, а она на занятиях говорила с нами только по-польски!

Однажды я ездил в составе представителей АПН в посольство Польши. Там мы по-дружески, бесплатно одалживали польские фильмы, которые были отдушиной в тесном социалистическом кинореализме. Некоторые фильмы уже демонстрировались в кинотеатрах и были чрезвычайно популярны (типа «Пепел и алмаз», «Рукопись, найденная в Сарагоссе» и др.). Но в посольстве были и такие ленты, что ещё не успели дойти до широкого советского зрителя или вовсе не получили одобрения на прокат. Мы как раз и приехали к польскому атташе по культуре (располагался неподалёку от Патриаршего пруда), чтобы заполучить новинку. Нам предложили полуэротический фильм «Амазонки». Мы, конечно, согласились. Во время беседы я, сам на то не обратив внимания, живо реагировал на разговор и даже вставлял короткие реплики. Зато на это обратил внимание мой апэновский начальник: «Да ты уже освоил польский?!»

Жаль, что мой уход из АПН помешал полному освоению польского языка, который мне очень нравился.

Но мы не только польские фильмы смотрели, нам привозили и американские. Помню, на меня произвела жуткое впечатление лента «Рождённые обречёнными». Сюжет, как потом, после падения «железного занавеса», выяснилось, традиционный для Голливуда. Банда беспредельщиков терроризирует маленький городок, насилует и убивает ни в чём не повинных людей или повинных в том, что не попытались противостоять этому террору. Показано эффектно, натуралистично. Таких откровенных сцен насилия в советском кино не допускалось. Я был в шоке. И после просмотра у меня невольно вырвалось весьма патриотичное: «Как хорошо, что мы живём в Советском Союзе!». И это даже несмотря на то, что показали

хеппи-энд в голливудском стиле: в городке нашёлся герой-одиночка, и в конечном итоге он расправился со злодеями!

Увы, при отсутствии правдивой информации о разгуле преступности в СССР, мы в Москве жили в некоторой изоляции от провинциальной действительности, где разгул преступности не уступал американскому, однако героев-спасителей практически не находилось, поскольку правоохранные органы (чтобы там ни говорили защитники СССР) не справлялись со своими обязанностями или так же были повязаны с криминалитетом, как и сейчас, а на судей тоже давило телефонное право, особенно когда задевались интересы государства, органов власти или их отдельных представителей. Всё было шито-крыто. Это с одной стороны.

А с другой, – голливудские страсти и настоящая повседневная жизнь в США; это, как говорят теперь не только в Одессе, две большие разницы. Не потому что в Америке нет преступности, просто там, при всех демократических свободах, борются с ней эффективнее, чем у нас. Но об этом я узнал, только когда побывал в США.

Поскольку АПН было связано с заграницей, то оно находилось под контролем КГБ. Прямые контакты с этой конторой касались только тех, кто работал за рубежом или собирался туда. Поскольку я не доработал до такого варианта, никаких контактов со штатными представителями КГБ у меня не было.

Зато были контакты с некоторыми знаменитостями. Обычно – мимолётные. Так дважды довелось пожать крепкие руки космонавтов – Германа Титова и Павла Поповича. Они в сопровождении руководителя нашей Главной редакции приходили к нам как почётные гости. И был более долгий контакт с Вольфом Мессингом. Не рукопожатный, не персональный, а массово-публичный.

О фантастических возможностях этого легендарного человека тогда были наслышаны практически все, но подробности его жизни скрывались. Это потом мы узнали, что его жизнь каким-то невообразимым сюжетом была связана и с нацистской Германией, и с самим Гитлером, и с не менее опасным тираном Сталиным. Так, Мессинг якобы предупредил Сталина о катастрофе самолёта, в котором должен был лететь его сын. Заботливый папаша побеспокоился о сыночке. А самолёт действительно разбился, погибла вся футбольная команда ВВС, где командовал тогда генерал Василий Сталин. Но это не спасло Мессинга от преследований и за «неправильное» прошлое, и за то, что он знал лишнее, и за то, что вёл «антинаучную» деятельность. Ему запретили выступать официально, и всё, что ему оставалось, – бывать в трудовых коллективах по приглашению. За профсоюзные копейки...

Зал АПН был заполнен до отказа. А помещалось там не менее трёхсот человек. Экстрасенс демонстрировал свои обычные способности: Мессингу завязывали глаза, что-то прятали в кармане у одного из зрителей, сидевшего в середине зала, он, конечно, находил – под всеобщий вздох удивления и одобрения. Потом на сцену вызывали добровольцев, которые под влиянием Мессинга застывали, будто от внезапно охватившего их сильного мороза. Потом он «оживлял» их.

На провокационный вопрос, а может ли он усыпить весь зал, Мессинг решительно заявил, что может, но это ему запрещено. Его упорно уговаривали. Тогда он согласился на частичное усыпление. Он стал посылать невидимые сигналы нервическими движениями своих старческих рук. Зал постепенно затихал. Я увидел, что многие из моих соседей уже склонили обессиленные головки на грудь. Что-то давило и на меня, но я не поддался. А потом Мессинг освободил зал от своего гипнотического влияния, и все зашумели, стали делиться впечатлениями от пребывания в насильственном сне.

Позже я ещё раз убедился, что с трудом поддаюсь демонстрационному гипнозу. Была ещё одна встреча с экстрасенсом, в другой редакции. Зал «уснул», а я просто почувствовал себя плохо и вышел, так и не уснув. Некоторые специалисты утверждают, что нет людей, не

поддающихся гипнозу. Возможно. Но, вероятно, это зависит от человека и конкретной ситуации: если ты сознательно сопротивляешься воздействию, тебя одолеть не так-то просто, а если ты расслаблен, потерял контроль над реальностью, то ты можешь и сам себя загипнотизировать. Иначе чем объяснить глупейшее, неподконтрольное поведение даже разумного, добропорядочного человека в некоторых ситуациях?!

Из творческих будней в АПН запомнилось не многое. Первой моей успешной акцией стала серия материалов под рубрикой «Первый экспонат». Идея не моя, но она действительно интересна. Так, ленинградский собкор сообщил, что кунсткамера была заложена Петром Первым на месте и по поводу находки сосны, которая сама себя закольцевала. Бывает такое в растительном мире. Почему-то сук, совершив кольцевой поворот, слился в экстазе со стволом.

Информация из Магадана всех рассмешила. Самым первым тамошним экспонатом оказался суслик, или по-местному евражка. В музей он попал как очень древнее и оригинальное животное, сумевшее приспособиться к исключительно суровым местным условиям, в зоне вечной мерзлоты.

Неожиданными даже для самих журналистов оказались материалы о собаке с двумя головами и о терменвоксе. Собачку нашли в Биологическом музее Москвы. Естественно, уже чучело. Вторую голову ей пришил знаменитый советский учёный Владимир Демихов. Он одним из первых в мире занялся трансплантологией. Собакам пересаживал сердце, печень и дважды пришивал вторую голову. Его достижения признавались во всём мире. Вот только в нашей стране он не нашёл достаточной поддержки своим выдающимся экспериментам. Учёный тяжело переживал травлю и довольно рано получил инсульт.

Электромзыкальный инструмент терменвокс был создан ещё в 1919 году. Его изобрёл Лев Термен. Ему удалось продемонстрировать этот оригинальный инструмент Ленину. Изобретатель сам исполнял на нём классические произведения – Глинки, Сен-Санса, Скрябина... Терменвокс дожил до нашего времени, активно используется для извлечения оригинальных звуков. Мелодия возникает не от нажатия каких-либо клавиш, а от движений рук в электромагнитном пространстве.

Готовил я материалы и на более серьёзные темы. Например, на модную тогда в нашей стране тему о дискуссионных клубах. По сути, я продолжил то, что начинал освещать ещё в «МК». Статье я дал неплохой, на мой взгляд, заголовок – «**О брюках клёш и смысле жизни**». Он, так сказать, показывал диапазон дискуссионных тем в нашей стране. Однако смелая в определённой степени для советской действительности тема (мало ли куда заведут эти дискуссии и дискуссионные клубы?!) даже для «социалистической» Польши, например, где дискуссионность была частью общественной жизни, не была откровением. Что уж говорить о дискуссиях, если члены Польской объединённой рабочей партии после своих собраний, не боясь быть исключёнными, ходили в костёлы. Об этом мне рассказал высокопоставленный член ПОРП, приехавший в СССР как турист.

Да, уровень общественного сознания в СССР и «странах народной демократии» сильно отличался. Несмотря на притеснения инакомыслящих и в Восточной Европе тоже, там ситуация была несравнима с нашей закупоренной тоталитарной системой. Там люди ещё помнили довоенное время, когда жили в относительно демократических условиях, по крайней мере, при частной собственности и многопартийности. Свежи были и воспоминания о кровавом подавлении восстаний против советской деспотии в этих «странах народной демократии» в 1950-е годы. Плюс ещё не выветрившийся европейский менталитет. Всё это не могло не сказаться и на правящих коммунистических партиях. И случилась «Пражская весна». Я оказался свидетелем советской пропаганды на чехословацкой земле, по сути, вмешательства во внутренние дела другого государства.

Одного из наших опытных сотрудников по фамилии Чернов откомандировали на спецзадание. Он занялся выпуском газеты на чешском языке «Тыгодник актуалити». С кем он его готовил, не знаю. Это происходило вне стен нашей редакции. Но в наших комнатах вдруг появились кипы этого издания, которого до августа 1968 года у нас не было. Газета, естественно, пропагандистская, рассказывающая «правду» о чехословацких руководителях, их «предательстве» – ревизионизме и прочих грехах. Как будто сами чехословаки не знали, кто такой новый генеральный секретарь Компартии Александр Дубчек и его соратники, что они предлагают, от каких коммунистических идей (тоталитарного толка!) они хотят отказаться, какие меры по демократизации предлагают. Как видно из кинохроники тех лет, чехословацкий народ поддерживал перемены нового руководства страны и враждебно встретил войска «освободителей» – из стран Варшавского договора.

Чернов, одетый в офицерскую форму, отправился в норовистую страну с пачками свежеиспечённой газеты. По возвращению он не очень охотно делился впечатлениями, потому что радости от этой командировки не испытывал. Вероятно, понял, что наше вмешательство во внутренние дела страны, которая хотела гуманистических перемен, но вовсе не выхода из «лагеря социализма», оказалось чрезмерным, а приезд незваного «московского гостя» с пачками никому там не нужных газет оказался пустопорожним.

Во время «защиты социализма» в Чехословакии к нам зашёл наш давний автор – фотокор «Комсомолки». С перевязанной головой. Он рассказал, как въезжал в Чехословакию на танке вместе с советской колонной. С каким хлебом и с какой солью встретил «освободителей» братский народ.

Александр Дубчек поступил мудро. Он распорядился, чтобы их войска не оказывали военного сопротивления. И действительно, практически не было инцидентов с военными. Но гражданские вели себя так, как посчитали нужным.

Колонна, в которой ехал фотокор, пересекала горную местность. По очень узкой дороге. Я ездил на машине по Чехословакии, и всегда удивлялся узости и извилистости их дорог. У меня сердце замирало, когда наш автомобиль, ведомый опытным местным водителем, круто заворачивал вдоль скал. И хорошо представляю состояние советского водителя первого в колонне танка, когда он на полном ходу чуть не раздавил людей, перекрывших дорогу за очередным крутым поворотом. Это были не военные – гражданские, в том числе женщины и дети. То ли от слишком резкого торможения, то ли водитель предпочёл не давить людей, и танк свалился под откос. Остальные машины резко застопорили. Наш знакомый фотокор стукнулся головой о танковую броню. Такой вот «хлеб с солью»...

Ровно десять лет спустя, в августе 1978 года мы с женой и ещё одной семейной парой приехали в Чехословакию по приглашению здешних друзей. Недели полторы они возили нас по стране, показывая достопримечательности: Карловы Вары, Марианские Лазни, замки, ну и, конечно, Братиславу и Прагу. Нас познакомили с изготовлением пива на заводе, которому в тот год исполнилось шестьсот лет! Мы посетили частные питейные заведения. В одном – весьма скромном, без изыска – пивном ресторане местные сельские жители справляли свадьбу. И везде, не опасаясь и не понижая громкость, мы говорили по-русски. Нас никто не оскорбил. В нас никто не плюнул, не кинул гнилой помидор. С нами говорили приветливо. И это – с представителями страны, поправшей их свободный выбор!

Один из новых братиславских знакомых оказался каким-то руководителем научно-исследовательской организации (то ли административным, то ли партийным). Он признался нам, что накануне их собирало городское руководство и просило проявить бдительность, чтобы не случилось никаких не разрешённых выступлений, провокаций. И в целом обстановка была вполне удовлетворительная. Власть, конечно, перестраховалась. Непосредственно в годовщину вторжения в ЧССР войск Варшавского договора на улицах Брати-

славы мы видели три грузовика, в открытых кузовах которых сидели вооружённые солдаты. Машины проехали по городу, и это всё, что напомнило о трагедии десятилетней давности.

Я понимаю разницу между Словакией и Чехией. «Заварушку» с «пражской весной» в основном затеяли чехи. Словаки всегда терпимее относились к СССР, и они спокойнее восприняли замену руководства тогда единого государства. Но и в Чехии, насколько я знаю, не было в 1978 году никаких эксцессов. Дело даже не в том, что спецслужбы задавили (вероятно, не без этого) возможные проявления недовольства, а просто у населения этой страны ещё оставались тёплые чувства к нам, как к освободителям от нацизма в 1945 году. Так зачем же надо было танками подавить волеизъявление братского народа, пожелавшего построить социализм с человеческим лицом под руководством Коммунистической (!) партии? И чего удивляться, что впоследствии, при первой же реальной возможности рухнули и Варшавский договор, и «дружба навеки» с нашей «великой державой», и уплыли обе части бывшей Чехословакии в Европейский Союз и под крыло НАТО?

Недавно я услышал от одного знакомого, побывавшего в современной Чехии, что, мол, всё больше появляется доказательств, будто в том далёком 1968 году «Пражская весна» произошла при поддержке ЦРУ. Старые песни о главном! Как где народ выступает против тоталитарной системы, так там нашим пропагандистам видится «рука Вашингтона». Безусловно, агенты ЦРУ есть по всему миру, но говорить об их решающей роли в восстании народа, по меньшей мере, глупо. Почему-то при этом не говорят о «руке Москвы», которая в той же Чехословакии открыто, беззастенчиво держала за горло всю тамошнюю власть, по своему усмотрению насаждала чуждый, антидемократический большевистский строй. И пришли туда наши танки, а не американские, не натовские...

Да, похоже, тот исторический урок с подавлением «Пражской весны», когда мы вели себя, как слон в посудной лавке, не пошёл для некоторых нынешних политиков впрок... Снова давление на соседей, снова бряцание оружием...

В мусульманском закавказье

В АПН я сумел съездить лишь в одну командировку. Зато в какой край! Уже началась вторая половина октября, в Москве – сыро, холодно, а там – тепло, светло, сухо, кусочек рая...

Мы тогда делали серию публикаций об автономных республиках. Некоторые – не выезжая на место. Скажем, я отправлял руководителю Коми вопросник. Местные журналисты готовили и присылали ответы партийного босса. Дополнительную информацию и иллюстрации добывали из имеющихся архивов и из прессы.

Но с Нахичеванской республикой так поступить не удалось бы. Слишком далека она, и не было уверенности, что там есть достаточно квалифицированные фотографы и русскоязычные журналисты, которые могли бы сделать подборку на высоком уровне.

Поездка была уникальной. Само расположение и история республики неординарны. Это – азербайджанская территория внутри Армении. И живут там сейчас в основном азербайджанцы. Нет такой национальности – нахичеванцы. А когда-то здесь преобладало армянское население. Но, теснимое мусульманскими соседями, оно постепенно уступало, мигрировало и даже уничтожалось.

Чтобы добраться туда, мы, я и фотокорреспондент Лобов, сначала прилетели в Баку на самолёте, затем долго ехали на поезде. Железнодорожный путь своеобразный. Дорога проходит впритык к границе с Ираном. Во многих местах от соседней страны отделяет только река Аракс. При этом с советской стороны два ряда колючей проволоки пограничники умудрялись расположить даже на обрывистом берегу. Тогда как на иранской стороне я не видел никакого ограждения! И были ли пограничные посты – трудно сказать. На некоторых иранских склонах стояли глинобитные сооружения без окон и дверей – может, это и были наблюдательные пункты?

Единственный ограждённый на иранской стороне участок был только в зоне строительства совместной гидроэлектростанции. С нашей стороны тоже оградили. И по обоим берегам Аракса получилась нейтральная строительная площадка для работников из двух стран. При этом с нашей стороны попасть туда можно было почти как за границу. Правда, нас, корреспондентов, приехавших из далёкой Москвы, всё же туда допустили, не оформляя загранпаспортов.

Самым многолюдным населённым пунктом по дороге была Джульфа. Город разделён на две страны. Когда потом мы возвращались из Нахичевани, иранская Джульфа была пышно иллюминирована: отмечали день рождения шаха.

Вдоль железной дороги – практически голые, безлюдные гористые нахичеванские места. Присутствие человека заметили лишь в нескольких точках. Точнее отсутствие. Как солдаты в строю, рядами стояли сотни каменных стел – хачкары. «Здесь раньше были армянские сёла, – пояснил нам сосед по купе, судя по одежде – гражданский лётчик. – Их вырезали турки». Жуткое впечатление.

К сожалению, в 2000-е годы азербайджанская власть уничтожила все хачкары в районе Джульфы. Несмотря на протесты ЮНЕСКО, защищавшей их как памятники культуры. А мы ругаем ИГИЛ (запрещённый у нас) за разрушение древнейших исторических объектов! Или вспоминаем уничтожение церквей большевиками! Но и в двадцать первом веке процветает варварство даже во вроде бы вполне цивилизованной стране!

Нахичеванская республика – край древний. В её столице нам показали башню-мавзолей Момине-Хатун, построенную в 1186 году!

Но есть древность, история, а есть – архаичность. Идешь по городу, и вдруг оказываешься в каменном тоннеле. С обеих сторон улицы – глухие глинобитные заборы. В Средней

Азии их называют дувалами. Как в Нахичевани – не спросил (или позабыл). Они создают удивительную ситуацию. Вот идёт впереди тебя человек и вдруг исчезает в стене. Или, наоборот, внезапно появляется, открыв калитку, не отличимую от остального забора ни цветом, ни формой.

Но дело не только в архитектурных особенностях бытия. А в менталитете нахичеванцев. Понятно, что у мусульман, даже у советских, всё иначе, чем у жителей христианской части СССР. Но была заметна разница и с теми мусульманскими районами, что ближе к центру страны, и к Баку.

У меня создалось впечатление, что с нашим приездом в Нахичевани началась декада советской власти. Мы ощущали себя гостями не части нашей страны, а далёкого зарубежного азиатского города. Дело не в заунывной восточной музыке, которая окружает тебя повсюду. К этому фону мы привыкли ещё в Баку. И это – естественно. Не естественно, когда женщины ходят в платках, прикусывая его уголок и как бы закрывая часть лица. Стоит внимательнее, подольше посмотреть на нахичеванку – тут же отворачивается, убегает. Хорошо, в парандже никого не видели.

Вообще отношения к женщине нам показалось весьма специфическим.

Все частные дома – двухэтажные. Первый, низкий, – хозяйственный. Там и кухня. Второй – как на Руси горница – для гостей и праздников. Поднимаясь туда, мы непременно оставляли обувь перед порогом. Это нормально. Ненормально иное: мы никогда на втором этаже не видели женщин, их туда не пускали. Они внизу готовят еду, но приносят её наверх только мужчины.

Единственный населённый пункт Аджарии, где мы обедали вместе с женщинами, это было армянское село Арынч. Христиане! И мы почувствовали себя почти как дома, в привычной цивилизованной обстановке. Без напряжённости, без непонятных нам условностей...

Нас пригласили на свадьбу в азербайджанское горное село Ашагы Кышлак. Едем на «Газике». Внизу, у ручья девушка плещется водой – то ли играет, то ли что полощет. «Это – невеста», – сказал нам сопровождающий. Девятнадцатилетнюю Гюру, доярку, дочь чабана, отдавали замуж за двадцатипятилетнего колхозного библиотекаря Гашама (а его отцу, между прочим, было девяносто восемь лет!). Как же так – свадьба, а невеста гуляет вдали от дома и в одиночестве?

Свадьба здесь, объяснили нам, длится несколько дней. Попробую её описать по путевым заметкам в записной книжке и по тексту моей статьи в журнале «Край Рад».

Накануне свадьбы, в четверг молодожёны ездили в нахичеванский загс. Там жених обычно вручает невесте кольцо, серьги, часы, платок. Вручает ли что невеста жениху в этот день, у меня не записано, да и вряд ли.

На первый день свадьбы, в пятницу, собирается совет стариков-аксакалов. Что они там решают, не знаю.

Приглашают на торжество всё село и всех родственников и знакомых из соседних сёл, даже из Баку и Москвы. По пригласительным билетам. Причём жених отдельно приглашает, невеста – отдельно.

Далее процитирую свою журнальную статью:

Свадьба началась в пятницу. Началась отдельно: в доме жениха и в доме невесты.

Еще с утра были забиты бараны. И на улице, на длинной ленте углей жарились шашлыки. На огромных противнях женщины пекут целые простыни лаваша – хлеба толщиной с блин.

Гости собираются неспеша. Кто приходит пешком, кто подъезжает на автомобиле, кто на ослике. На женщинах яркие платки шириной с Каспийское море. Им накрываются

почти до пят. Мужчины предпочитают черные и темно-серые костюмы и кепи с большим козырьком.

Угощают гостей так: сначала подают шашлык, накрытый лавашем, и разные ароматные травы и только потом наливают водку, коньяк, вино.

Оставив по восточному обычаю обувь у порога, в самой большой комнате дома собрались человек 150. По кругу поставлены столы. В середине, прохаживаясь, поет народные песни ашуг.

А на улице – танцы. Маленький оркестр – две флейты и барабан – с утра до полночи играет нескончаемые мелодии. Мужчины, взявшись за руки, танцуют народный танец яллы. Вначале медленно. Потом все быстрее, быстрее.... Женщины – в роли зрителей. Впрочем, в опустевший круг вошла девочка лет тринадцати и так лихо под национальную мелодию исполнила твист, что даже невозмутимые аксакалы заулыбались.

К вечеру родственники жениха с подарками пошли в дом невесты.

Жених через родственников передаёт невесте (пока встречаться им не положено) хонч – металлический поднос. На нём подарки: туфли, готовое платье или ткань, из которой уже к воскресенью надо сшить невесте свадебное платье.

В субботу проходят девичники и мальчишники. С одной стороны, это как бы прощание жениха и невесты с холостой жизнью, а с другой, – передача эстафеты следующим парам. У невесты собираются молодые девушки, будущие невесты, у жениха соответственно – будущие женихи. При этом совершают такой странный обряд: девушки окунают в хну пальцы, а парни – половину мизинца.

В этот день родственники невесты принесли подарки жениху: мебельный гарнитур, занавески, ковёр, одеяла...

На третий день свадьбы ещё больше гостей. В этот день жених и невеста наконец-то вместе. Она в новом платье, которое за сутки сшили из ткани, подаренной женихом.

Тамада объявляет, что пора дарить подарки. Тут же идёт их сбор. Родственники жениха и родственники невесты здороваются, целуются. Гости произносят длинные тосты, заказывают ашугу песни, прославляющие мужество мужчины, верность и красоту женщины.

Восточная свадьба обязательно должна была заканчиваться после брачной ночи демонстрацией простыни, испачканной кровью невесты. А если она ещё раньше потеряла девственность? Или что-то не получилось у жениха? Селяне рассказывали нам о приёмах хитрых родственников невесты, чтобы скрыть её добрачный грех. Например, убивали голубя. Говорят, его кровь наиболее близкая по внешним признакам к человеческой. Но если аксакалы раскрывали подлог, то дело могло дойти до скандала. И даже до расторжения брака. Правда, в советские времена это уже бывало редкостью. Практически всё обсуждалось заране. Главное, чтобы с подарками всё сошлось, как договаривались...

...С самой неожиданной стороны открылся «женский вопрос», когда я решил сделать зарисовку о современной советской женщине, нахичеванке-интеллигентке нового времени, освободившейся от древних восточных предрассудков. И кто как не учитель должен нести в массы светлое, новое, прогрессивное... Мне порекомендовали одну юную учительницу. Не помню, что она преподавала, кажется математику. Но разговора не получилось. Нет, не потому, что плохо владела русским языком. Создалось впечатление, что она боится со мной беседовать. Почти на любой, самый обыкновенный вопрос о занятиях, учениках, она отмалчивалась. То ли боялась сказать что-то не так при сидящем рядом с ней директоре школы, то ли мусульманские порядки не располагали к откровенному разговору с чужим мужчиной. Я был обескуражен. Так и не смог подобрать ключик к сердцу и мозгам нахичеванской интеллигентки. Задумка сорвалась.

Были у нас целевые поездки по республике.

На Араксе уже около года строился совместный с Ираном гидроузел. Пригласили сюда опытных специалистов-гидростроителей со всего Союза, особенно было много с Волги, Украины, и, конечно, азербайджанские. Использовалась главным образом советская техника: мощные экскаваторы, самосвалы – «БелАЗы» и «КрАЗы»...

С территории будущего водохранилища собирались переселить жителей из восьмисот глинобитных домов. На советской стороне к сносу готовились три села. Как восприняли это насильственную перемену места жительства, осталось тайной: с протестами и нежеланием покидать родовые гнёзда или с искренним желанием пожить в более комфортных условиях? О такой проблеме советская пресса в те годы не сообщала.

Правда, через восемь лет после нашего посещения Аракса о подобной проблеме эмоционально поведал иркутский писатель Валентин Распутин в повести «Прощание с Матёрой». Но это – художественное осмысление, личная оценка автора. А газеты рапортовали о перекрытиях рек, о гигантских искусственных морях, о введённых в эксплуатацию мегаваттах. Всё для блага человека! И в каждый исторический период весь советский народ знал имя этого Человека. Того, кто рулит страной из Кремля и думает обо всех и за всех... Правда, после смерти такого Человека выяснялось, что у него случались ошибки, но вот новый Человек, утверждали, всё исправит...

Во втором по численности жителей после Нахичевани городе – Ордубаде посетили консервный завод, где нас угостили редкими, неожиданными видами варений из кавказских фруктов. В том числе из... грецких орехов!

Удивило обилие бочек на территории завода. В них росли лимоны с созревающими плодами. В этом горном крае много солнца, но на высокогорье случаются морозы, и при резком похолодании бочки с лимонами заносят в помещение.

В Ордубаде ещё одно экзотическое производство – кокономотальная фабрика. Технология не простая, капризная. Шёлк – дело тонкое. Но выгодное. Продукцию отсюда поставляли даже за границу – в Италию и Японию. Странно было видеть гору белых коконов, формой похожих на более известный нам земляной орех арахис.

В Бадамлы попили очень вкусной местной минеральной водички. Жаль, что в Москве она не продавалась. Да и сейчас её не видно – далековато везти, к тому же теперь – через границы. Вообще минеральных источников в республике много, но этот был самый производительный, самый обустроенный, возможно и по химическим характеристикам он превосходил другие.

Неожиданно на розливной конвейерной линии увидели рабочего – не кавказца, а парня славянской внешности. Он явно не хотел с нами вступать в разговор. Как его занесло сюда? Прячется от милиции или бывших криминальных дружков? Сбежал от алиментов?..

А как занесло в отдалённую Нахичевань других русских, представителей других не кавказских национальностей?.. Это – тема дополнительного расследования. И, возможно, приоткрылись бы удивительные судьбы – счастливые и трагические. Но на это у нас не было времени.

Свозили нас на Шахбузский винзавод. Новый. Но он уже отмечился медалью в Будапеште. Однако нам не повезло. Вдвойне. До очередного урожая далеко, и огромные чаны, где мнут виноград, пустовали. Жаль. Хотелось воочию посмотреть, как мнут. Босиком! Помните итальянский фильм «Укрощение строптивого»? Как там Адриано Челентано под великолепную мелодию топтал виноград босыми ногами! Загляденье!

И попробовать местное медалированное вино тоже не удалось: так долго виноделы у себя его не хранят, всё до последней бутылки отправили в торговлю. Или сами уже распили – в ожидании нового урожая.

В упомянутом горном селе Ашагы Кышлак чабан Байрам Ахмедов рассказал о своём нелёгком труде. Водит он колхозное овечьё-баранье стадо уже много лет. Начисляют ему по

одному рублю семьдесят две копейки на трудовень. В месяц выходит по сто – сто двадцать рублей. Торговец «свежей» баранинкой или цитрусовыми на столичных рынках зарабатывал тогда намного больше. И виноградарям в армянском совхозе имени Шаумяна платили больше – по четыре рубля за трудовень. Впрочем, сколько набегало трудовней у тех виноградарей, сейчас сказать не могу. Но разница в цене трудовня возникала из-за уровня прибыльности того или иного хозяйства.

Чабанить – это очень тяжёлое круглогодичное и круглосуточное занятие: грозы, бураны, волки, медведи... Байраму же стукнуло уже семьдесят лет. Правда, выглядел он превосходно: крупный, сильный, с загорело-обветренным лицом почти без морщин. А как он быстро, словно юноша, поднялся к стаду, которое в ходе нашего затянувшегося разговора стало заворачивать не туда, куда следует маршрут! И, хотя у него куча детей и внуков, сам он посчитал себя ещё вполне молодым.

Конечно, семьдесят лет для горцев – не старческий возраст. Тут много долгожителей. Нам называли имена тех, кому уже давно за сто: сто тридцать и даже сто сорок. Правда, к этим данным надо относиться осторожно, так как документов, подтверждающих точную дату рождения у многих горцев, не было, и возраст им начисляли по их рассказам. Первый секретарь обкома Компартии Г. Ибрагимов потом назвал нам конкретных людей по именам. Всего разменявших второй век официально числилось семнадцать человек. Почему-то особенное сосредоточение их оказалось в селе Коланы Шахбузского района. В их числе Сакина Едикарова – сто двадцать пять лет, Зульфущар Гаджиев – сто двадцать и т. д. Это было документально подтверждено. И когда ныне СМИ сообщают о самом старом человеке на планете в возрасте сто десять лет, это у меня вызывает недоумённый вопрос: или Нахичевань настолько отделена от остального мира, что не попадает под статистику, или все старожилы там поумирали, а в новых поколениях таких же долгожителей, как прежде не оказалось?

Когда спустились с гор, нас познакомили с председателем колхоза имени Димитрова Фархадом Ширалиевым. Человек с высшим образованием! С философским!! Кандидат наук, защищался по теме «Искусство и религия»!!! Как, почему здесь? Купил диплом? Или купил должность? Или чей-то родственник? Хотя – не боги горшки обжигают...

Отец его умер после войны. Был малограмотным. Мать – вообще неграмотная. Но все их четверо сыновей получили высшее образование. Трое из них стали кандидатами наук. Один брат, Гасан, заведовал в бакинском университете кафедрой научного коммунизма. Шулан, тоже кандидат наук, преподавал персидский язык. Самый младший, Асиф, – журналист по образованию, после окончания ВПШ (высшей партшколы) устроился в райкоме партии. Возможно, их связи и авторитет позволили философу возглавить вполне успевающий (раз нас привезли сюда) колхоз.

Заметив наше невольное удивление его назначением в колхоз, Фархад подчеркнул, что агроном и экономист – профессионалы с высшим бакинским образованием. Почему философ оказался здесь, так до конца мы и не выяснили. С одной стороны, он вернулся на родную землю, чтобы навести порядок и вытащить убыточное хозяйство в успешные. Что ему удалось. С другой стороны, работать руководителем колхоза даже выгоднее профессорской должности: здесь много материальных плюсов – прямых и, чего греха таить, скрытых. Да и воздух тут полезнее бакинского.

Колхоз занимался животноводством, птицеводством, пшеницей, табаководством. Заложили виноградники. Но главное – хлопок. Впервые я воочию увидел это тяжёлое, нудное дело – сбор коробочек. Согнувшись в дугу, женщины рывками срывали их в фартуки, потом высыпали в мешки. Труд особенно изнурительный в жару. А надо собрать до дождей... Хлопкоуборочные комбайны есть. Но не на всех участках они применимы. Да и качество ручного сбора намного выше.

Философ с гордостью показывал колхозные стройки – фермы, детский городок (ясли и сад), школу. И жилые дома – их только за минувший год появилось более двух десятков. Так что не зря кандидат наук отдал шесть лет своей жизни этому хозяйству.

Но далеко не каждый здешний колхоз жил так благополучно. Этот был выставочно-показательным...

После знакомства со своим хозяйством председатель угостил нас в колхозной столовой. И не только шашлыком, но и великолепным местным пятизвёздочным коньяком. В буфете столовой мы купили по бутылке. Позже я пожалел, что так мало – такого ароматного, с тонким вкусом больше нигде и никогда не удалось попробовать. Названия не запомнил. Купить его нигде кроме как в Нахичеванской республике, видимо, невозможно – уж слишком маленький объём выпуска...

Эта автономия была настолько далека от центра СССР, что многие здесь еле-еле разговаривали по-русски. А некоторые старики, которым почти по сто и более лет, и вовсе его не знали. И часто мы общались через переводчика. Обком нам выделил своего сотрудника в качестве сопровождающего, который одинаково хорошо владел и русским, и азербайджанским. Живой, общительный, к тому же с претензией на писательство.

О чём может написать человек, живущий в укромном уголке Закавказья? О горцах, о пастухах, о виноградарях, о виноделах?.. Об Америке! Его очень волновала проблема войны и мира. А США – наш главный враг и того гляди развяжут новую мировую войну. И этот инструктор отдела пропаганды обкома Компартии настроил целую повесть! Вот эффективность советской пропаганды! Правда, книгу пока не издали. Наверно, уж слишком примитивно-графоманская.

В Нахичевани я узнал о случившемся здесь незадолго до нашего приезда землетрясении. О количестве жертв нам не сказали. Но о масштабе трагедии можно судить по такой цифре: было полностью разрушено шестьдесят пять домов и пять школ, пострадало две тысячи хозяйств. Каждой пострадавшей семье выделили по сто рублей. Два миллиона дали организациям и учреждениям для ликвидации последствий. Списали колхозам более полутора миллионов рублей долга государству. Это не считая страхового возмещения. И, тем не менее, помощь слишком мала.

А ещё случилось сильное наводнение, в низинном районе. Сто двадцать палаток пришлось поставить, чтобы разместить семьи, оставшиеся без крова.

Вы полагаете, доблестная советская пресса сообщала об этих катастрофах? Может, и сообщала. Но так, чтобы никто не обратил особого внимания. Дали «крупной» непарелю по десять строк. Я, например, даже готовясь к поездке, не узнал об этих катастрофах. Обычно такой информацией не хотели омрачать счастливую жизнь советских людей. Даже об Ашхабадском землетрясении 1948 года, когда спящая столица Туркмении превратилась в руины с огромным числом трупов (до ста с лишним тысяч!), было запрещено публично рассказывать. Мы узнавали подробности из слухов...

Партийный лидер республики, рассказывая о достижениях Нахичевани, как водилось в те годы, сравнил уровень производства с дореволюционным периодом (обычно – с довоенным 1913 годом): сейчас столько выпускается продукции за два дня, сколько тогда за целый год. Ну, чем не достижение?! А развёрнутое строительство: жилья, новых производств, Араксской гидроэлектростанции (до революции, подчёркивает Ибрагимов, вообще электричества не было – а где оно было на территории Российской империи кроме как в крупнейших городах?! А какие новые перспективы открываются: найдены молибден, свинец! Медный рудник уже закладывается. Традиционный строительный материал травертин (туф) пользуется всё большим спросом, в том числе и за рубежом.

Но при этом только треть городского населения пользуется газом, только сто литров воды приходится на одного городского жителя, очень мало асфальтированных дорог (в этом

мы убедились, глотая пыль из-под автомобильных колёс)... И вообще: если эта древняя земля такая богатая, то почему население такое бедное? Даже по советским меркам – весьма бедное... Власть, ответ? Не дала ответа. Да, я тогда и не посмел у партийного секретаря спросить об этом. А если бы посмел, то вышколенный деятель сослался бы на тяжёлое наследство от царских времён. Ну, и доложил бы, куда следует о том, что я опасный элемент.

Нахичеванцы жили бедно не из-за царского наследия, не потому, что этот край, как и вся Российская Империя, был бедным до 1913 года. Все европейцы перед Первой мировой войной тоже были не слишком-то богатыми, а после неё – даже бедными, и после Второй мировой – тоже бедными. Но почему-то они весьма быстро поправили свои дела. А мы-то, в том числе и райский край Нахичевань, почему так отстали в развитии?..

Ещё одна сценка из повседневной жизни Нахичевани.

Мы попросили познакомить нас с хорошим врачом, обязательно азербайджанцем. Ведь Советский Союз гордился своими достижениями в медицине. Опять-таки в сравнении с пресловутым 1913 годом. Хотя, когда мы приехали в эту республику, с тех далёких царских времён прошло пятьдесят пять лет! Зачем же так лобово сравнивать две отдалённые эпохи?

Нас привели в республиканскую больницу, открыли перед нами дверь врачебного кабинета. А там... идёт операция. Знаменитый местный хирург (фамилию не хочу называть) оперировал у больного раковую опухоль на шее (зоб). Мы опешили: ввалились без халатов, с пыльной городской улицы... Я замешкался, извинился и хотел выйти. «Да, ничего, ничего. Он под наркозом», – успокоил нас хирург. Он явно был доволен, что к нему пришли московские (такая неожиданность!) журналисты, отвернулся от пациента и стал преспокойно с нами разговаривать. Я едва выдержал те несколько минут, пока мой коллега фотокорреспондент снимал этого представителя современной нахичеванской интеллигенции – мы же должны похвастать перед друзьями и врагами нашей страны своими достижениями в развитии национальных окраин!

Я был обескуражен. Ну, как же так: опытный врач, заведующий хирургическим отделением, кандидат медицинских наук и – «пождёт». Этот пациент с надрезанной шеей для него НИКТО, и такое отношение врача к нему – это отголоски всей советской системы, где каждый человек, каждая человеческая жизнь ни во что не ставились. Главное: показать всеобщие достижения! Ну, и себя немножко...

Недолго я продержался в АПН. Заскучал. Одна командировка в год – это мало, в другую уже не пустили («зачастил!»). К тому же мне не хватало общения с читателями. Пишешь, пишешь – в лучшем случае соседи по кабинету что-то выскажут, да соборы из социалистических стран сообщат, как встретили наши материалы за рубежом. Использовать работу в АПН для прыжка в заграничное бюро я не захотел. Хотя и денежно, и престижно, но меня к этому не тянуло. К тому же фактически надо было становиться «подкрышником», то есть залезать под крыло КГБ.

Я поделился с коллегами желанием поискать журналистское счастье где-нибудь ещё. И тут один из соседей по кабинету поделился любопытным вариантом. Московская патриархия пригласила его к себе. В качестве журналиста. Оклад приличный – четыреста рублей. Это в два с лишним раза больше, чем в АПН. Но он отказался. Спросил меня: «Хочешь? Могу порекомендовать. Но... партбилет – на стол». Я тоже отказался от «выгодного» предложения. Не потому, что испугался расстаться с партбилетом. Мне, атеисту, в принципе с церковниками не по пути. Даже за большие деньги. Идеологически. А с точки зрения истории культуры – религией можно интересоваться и со стороны.

Меня удивила возможность церкви платить журналистам гораздо больше, чем в государственных СМИ. Значит, у РПЦ много денег! Значит, нам в официальных СМИ сильно не доплачивают? И находились светские, совсем не религиозные журналисты, которые уходили на хлебные православные места. И внезапно... становились правоверными...

Подкрышная организация, как и сама «крыша» не любит, когда её покидают перспективные сотрудники (а меня считали перспективным, растущим, подающим надежды, идеологически выдержанным). И при увольнении из АПН я, по совету коллег, заявил, что здесь мне всё нравится, благодарен агентству, но, поскольку нет возможности часто ездить в командировки, а в этом смысле мне, начинающему журналисту, ещё надо навёрстывать и расширять свой кругозор, то я уйду туда, где такая возможность предоставляется. Мы расстались по-доброму.

Водные проблемы затянули в антисоветчину

Я ушёл в менее престижную редакцию – газеты «Водный транспорт».

Переманили меня туда возможностью поездить чуть ли не по всему миру и открытием нового, почти научного отдела. Сосватал меня туда всё тот же Лёня Коренев. Его старый знакомый Валерий искал себе компаньона по отделу, и Лёнина характеристика моих профессиональных и поведенческих качеств его, видимо, удовлетворила. Но руководителем отдела был совсем другой человек, и надо было пройти смотрины.

Мы встретились в ресторане «Урал» на Пушкинской (теперь Большая Дмитровка). Не уверен, что это питейное заведение сохранилось. Там мы приятно посидели. За мой счёт, конечно, – это как бы был мой вступительный взнос. Такого способа знакомства с будущим работодателем у меня прежде ещё не было.

Зав отделом Виталий Валентинович Тарасов был уже в годах и выглядел не совсем здоровым. Он из военных моряков – кавторанг, то есть капитан второго ранга. Приехал в Москву с Дальнего Востока, где в последнее время служил журналистом, поработал в какой-то местной военной газете. Он произвёл на меня приятное впечатление – добропорядочного свойского мужичка. Я его тоже удовлетворил при первом взгляде. И, распрощавшись с престижным АПН, я оказался в «Водном транспорте».

Эта отраслевая газета по своему профессиональному уровню была так себе, но позволяла корреспондентам побывать во всех концах необъятного Союза. И даже за его пределами.

В то время в СССР было несколько ведомственных и узкопрофессиональных газет: «Воздушный транспорт», «Медицинская газета», «Учительская газета»... Формальными учредителями-издателями числились соответствующие министерства. Хотя фактически все они были под контролем сектора печати отдела пропаганды ЦК КПСС.

«Водный транспорт» выходил только три раза в неделю, обычным, «правдинским» форматом А2 на четырёх полосах. Он был органом Министерства морского флота СССР, Министерства речного транспорта РСФСР и соответствующего профсоюза. Тираж был по советским меркам небольшой, насколько помню, порядка ста тысяч экземпляров – капля в море.

Дабы увеличить тираж и идеологическое воздействие на довольно специфическую аудиторию, решили расширить читательский круг за счёт профессиональных рыбаков. Рыболовецкий флот СССР по численности судов и объёмам работ не уступал торговому и намного превосходил пассажирский. Но против включения Министерства рыболовной промышленности СССР и рыбацкого профсоюза в число учредителей газеты выступили действующие хозяева издания. Тогда новый руководитель «Водного транспорта» Гришин, направленный сюда с поста главного редактора журнала «Морской флот», пошёл на хитрость (думаю, с разрешения ЦК КПСС): он создал отдел проблем Мирового океана. Вроде бы – научный, но поскольку на пятьдесят процентов Мировой океан использовался как рыбная кормушка человечества, то и мы в отделе должны были заниматься рыболовецкими проблемами.

Тематика была чрезвычайно интересной. И с точки зрения научных исследований богатств водных глубин, и по чисто рыболовным делам. А какие командировки были у меня!

В творческом плане самое любопытное случилось, когда меня обвинили в написании... антисоветской статьи. Антисоветчиком я чуть не стал из-за цитирования мнений специалистов, которые они высказали мне в интервью об использовании внутренних водных ресурсов страны. Они назвали немало проблем, которые иллюстрировали ошибки в этой сфере, в том числе те, которые были запрограммированы «решениями партии и правительства».

Высказались, например, против нашумевшего в те годы строительства целлюлозно-бумажного комбината на берегу чистейшего и крупнейшего в мире хранилища пресной воды – озера Байкал. Увы, несмотря на протесты общественности, на острые публикации писателей и журналистов, комбинат впоследствии всё-таки построили. Главный аргумент «за»: байкальская вода позволяла получать самое качественное сырьё для изготовления самолётных шин. Временная (и сомнительная) выгода перевесила истинную заботу о будущем страны. История показала, что защитники природы были правы. Теперь ценой дополнительных расходов и покалеченных людских судеб производство там частично свернули. Однако, буквально на днях, летом 2017 года, проводя на берегу Байкала совещание по экологическим проблемам, Владимир Путин подчеркнул, что надо ещё выделить средства (и немалые!), чтобы обезопасить озеро, в котором ещё остаются миллионы тонн производственных отходов!

Не менее серьёзная, но мало освещаемая проблема – вред гидроэнергетики для сельского хозяйства и экологии. Советский Союз, чтобы «догнать и перегнать» «загнивающий» Запад, понастроил мощнейшие гидроузлы на равнине! Да, увеличилась выработка электроэнергии, которая срочно требовалась для индустриализации. Да, для судов повысилась проходимость мелеющих летом рек – Волги и Днепра. Да, появилась возможность пустить подпёртую водичку на поля для орошения во время засухи. Но...

О возникших проблемах мне, в частности, рассказал большой специалист в этой сфере – начальник отдела проектного института «Союзгипроводхоз» Игорь Герарди:

Водохранилища строились без обоснования оптимизации водных ресурсов страны и с целью использования прежде всего для энергетики. На Волге колебания воды в водохранилищах составляют до трёх – пяти метров. Затопили пойменные земли – около двух миллионов гектаров, пригодных для использования сельским хозяйством. На Днепре мелководье занимает тридцать процентов. Сине-зелёные водоросли забирают кислород, и рыба обходит мель. На Нижнекамском водохранилище предусматривали строительство дамб. Однако фактически только третью часть мелководья оградят. За восемнадцать лет на Цимлянском водохранилище обеспечивали потребности рыбного хозяйства только два года. На Волжском водохранилище – лишь в 1966 и 1967 гг. Надо разрабатывать комплексные схемы оптимизации водных ресурсов. При этом принять меры для создания условий сохранения природных ресурсов: уменьшить загрязнение, охранять леса и берега...

К этому добавлю затопленные леса, которые не успели (или не захотели ради экономии?) вырубать на дне будущих водохранилищ. Это происходило и в Рыбинске, и на Вилюе, и на Ангаре. И я не говорю о социальной проблеме – о насильственном переселении тысяч людей с обжитых, родных мест, со своей малой родины, от могил предков, о чём, как я уже говорил, ярко рассказал писатель Валентин Распутин в романе «Прощание с Матёрой».

Кто-то из моих собеседников сказал (при этом предупредил: не для печати), что недалёковидная советская гидроэнергетическая политика нанесла урон сельскому хозяйству страны не менее ощутимый, чем фашистская оккупация! Те пришли и ушли, а водохранилища по-прежнему наносят колоссальный ущерб. И до сих пор! Вот таков эффект нашей «дешёвой» гидроэнергетики!

При этом Герарди (вот парадокс!) доказывал мне необходимость переброски воды из северных рек на юг страны, поскольку расход воды в таких реках как Амударья, Сырдарья, Волга, Дон, Кубань постоянно увеличивается, и для развития сельского хозяйства её не хватает, и проблема обостряется. Он также напомнил, что Каспий и Аральское море мелеют. Его горячая защита этого предложения мне показалось странной, нелогичной для радетеля о земле, о комплексном использовании водных запасов. Конечно, эта переброска вроде бы на пользу сельскому хозяйству на засушливых южных территориях СССР, но экологические последствия осуществления столь масштабного проекта могут быть катастрофическими...

Чуть позже Герарди был назначен главным инженером проекта переброски воды из северных рек в Среднюю Азию. Грандиозный проект не был осуществлён. Но это уже другая история...

Статью мою, конечно, не напечатали. Более того, завотделом Тарасов, который ко мне хорошо, по-отечески относился, испуганно выпучив глаза, прошептал, что я написал антисоветский материал. И сказал, чтобы я не вздумал его предложить какой-либо иной редакции. Но я не понял, почему квалифицированные мнения специалистов, правда о реальной ситуации могут быть антисоветскими. Ну, а как же? Это же противоречило «мудрым решениям родной партии», её лидеров! Это что же – они неправы? Какие-то там инженеришки мудрее целой партии, которая неуклонно ведёт нас к светлому будущему?

А может, именно действия этой партии и были антисоветскими, то есть антинародными, антигосударственными, ошибочными, нерасчётливыми?

Предупреждение доброжелательного начальника на меня не подействовало, я предлагал этот, на мой взгляд, очень ценный материал другим редакциям, но безуспешно. Никто с «антисоветчиной» не захотел связываться. А кто-то, возможно, по узости своего гуманитарного мышления, даже и не разглядел «антисоветчину» в антигосплановских, антицэковских интервью со специалистами, не понял важности дискуссии.

А моё предложение написать статью об экологической проблеме Байкала в редакции встретили в штыки. Эту острейшую тему удалось вынести на общественное обсуждение лишь некоторым маститым писателям, а прессе фактически заткнули рот.

Ловись, рыбка, морская и речная, «золотая» и дармовая...

В соответствии с главной задачей отдела, я рассказывал читателям, что предлагают учёные рыбной отрасли для пополнения страны продуктами питания за счёт использования ресурсов Мирового океана, о научных и новейших промысловых судах, которые бороздили морские просторы по всей планете, вплоть до Антарктиды, чтобы разведать и вылавливать новые виды рыб. Писал я о том, что обнаружили огромные запасы криля – маленького рачка, похожего на креветку и богатого белком и аминокислотами. Его стали использовать для получения добавок, например, к... плавленому сыру. Учёные предложили рыбную муку – в качестве добавки к... хлебу, чтобы обогатить его полезным для человека лизином.

Оригинальное предложение было связано с коренным изменением рыбацкого труда: промысловика превратить в... фермеры. Потому и заметка называлась так – **«Рыбак станет фермером?»** (10 июля 1969 г.). В Азовском море установили садки и в них выращивали карпа, толстолобика, американского окуня. Акклиматизировали пресноводную рыбу в морской воде. А главное – за такой рыбой не надо уплывать в далёкие края. Сейчас морские садковые хозяйства есть во многих странах, где тому благоприятствуют природные условия. В России в них для товарных целей выращивают форель, осетровые, лосося, камбалу, кефаль, окуня, мидии, морские водоросли... Так что я оказался прав в своей корреспонденции.

Примечательно, что в «ВТ» я опубликовал единственный в моей журналистской практике фельетон. Я не фельетонист, и не стремился им быть. Это, считал я, удел особо одарённых, награждённых талантом умно смеяться даже на самые серьёзные темы. А тут вдруг взял да написал: **«Экспериментатор из Махачкалы»** (15 июля 1969 г.).

На этот раз в дальнюю дорогу меня позвало письмо в редакцию. Обычно жалобы читателей пересылали для принятия мер. Мало ли их поступало! На каждую не наездишься. Даже если пришлют отписку, но не будет повторной жалобы, то и с плеч долой, на перепроверку сил и времени не хватало. Но тут автор письма – капитан сейнера, Герой Социалистического Труда. Казалось бы, все советские Герои обласканы властью, к ним и отношение на местах особое, более внимательное, на любую их просьбу или предложение живо реагируют. А тут – отчаяние: помогите, на голодном пайке сидим! И это – промышляющие рыбаки, у которых еда буквально под носом. Под носом корабля, конечно.

До автора письма пришлось добираться долго, с пересадками. Формально он проживал в Махачкале. И сейнер туда приписан. Но промышляли рыбаки у самой границы с Ираном. В районе бухты Пирсагат. Это на юге Азербайджана. Шестьсот километров от дагестанской столицы. И ещё от берега десятки километров, чуть ли не у туркменского берега.

Добрался я на перекладных до плавбазы «Серго Орджоникидзе». Вокруг снуют маленькие судёнышки. И почти все – с названиями народностей Дагестана. Скажем, «Даргинец», «Табасаранец» и т. д. Но всех земляков рыбаки уважить не смогли, столько судов у них нет. Ведь, как мне сказали, в Дагестане до ста языковых групп. Бывает так, что жители у подножия горы не понимают тех, кто живёт повыше.

Схожая мешанина оказалась и на сейнере, которым командовал автор письма (сожалею, что фамилию не помню, а в фельетоне я его специально не упомянул): кумыки, аварцы, лезгины... «А я лакец, – гордо заявил мне улыбающийся парень. – Нас мало, но мы везде. Недаром говорят: арбуз разрежешь, и оттуда выскочит лакец».

Ночью я стал свидетелем лова. Спускают в воду конический трал. В центре горит очень яркая лампочка. Свет привлекает рыбу. Косяк кильки идёт ко дну вслед за тралом. Потом его электролебёдкой быстро поднимают. Над палубой открывают заслонку. И тысячи сереб-

ристых рыбёшек, переливаясь отражённым светом, прыгают, шелестят. Потрясающее зрелище!

Рыбаки ловят кильку, а если попадутся осётры, обязаны их выбросить в море. Тогда лов этой ценной рыбы, запасы которой истощились, был запрещён. За этим следила плавающая инспекция. Но... для дорогого гостя из Москвы, конечно же, сделали исключение. И я попробовал потрясающей каспийской ухи.

Ну, какой же голод грозит рыбакам, когда пищи – прорва? Только – черпай. А как вы себя будете себя чувствовать, если каждый день придётся питаться только рыбой? Героический Махачкалинский рыбокооп не смог нормально обеспечить картошкой, капустой, луком, мясом, свёклой. Ну, где же достать все эти продукты, коли живёшь в зоне вечной мерзлоты? Нет – в зоне вечной мерзлости. Тут и всеобщий советский дефицит с продуктами сказывается, и всеобщий раздолбай, и наплеватьство на интересы «трудящихся масс». Авось на подножном корме проживут, как французский врач Ален Бомбар, который в одиночку на резиновой лодке шестьдесят пять дней пересекал Атлантику, чтобы доказать: человек может выжить даже без снабжения рыбокоопа.

Интригующим было поведение работников этого достославной кооперации. Они понимали, чьё мясо кошка съела, то есть куда продукты исчезли и почему не смогли доплыть до рыбаков. Поэтому им очень хотелось задобрить меня. Я бы увернулся от этого. Не впервой попадать в подобную деликатную ситуацию. Но мне было любопытно, что же меня ожидает на берегу Каспия.

Они предложили проехаться, решили показать свои уголья. У них, оказывается, есть свои внутренние водоёмы, где они откармливают ценные сорта рыб. Очень им хотелось угостить меня заломом. Есть такая редкая и очень вкусная, как говорят, рыба. С заломом обломилось. Поехали дальше, на какие-то пруды. Вероятно, там молодёжь выращивают. Ничего не нашлось для приличного угощения. Ездили-ездили, в какую-то придорожную забегаловку заехали. Накормили меня обедом. А я так проголодался, что согласился съесть рыбный суп... из консервов. Сюжет – нарочно не придумаешь.

Ну, если себя не могут обеспечить, как же они обеспечат рыбаков за сотни вёрст от базы и складов?!

Через два с половиной месяца газета «вернулась к напечатанному». За это время были получены ответы из Дагестана. По моему фельетону какому-то виновнику бедствий рыбаков «строго указано». Но «указали» – не наказали. Ну, даже если бы выговор объявили, рыбаков сыт им не будет. Сомневаюсь, что снабжение махачкалинских промысловиков кардинально улучшилось. Сомнение породил ответ руководителя рыбокоопа. Он основную вину за плохое снабжение рыбаков свалил на... холодную зиму. Дескать, Каспийское море замёрзло, по воде снабжать было невозможно, а по берегу – затруднительно. Но я никакого льда на Каспии не заметил, тем не менее бедное меню по-прежнему оставалось. И всё же (вот парадокс!) сей начальник привёл длинный список мер, которые помогут впредь улучшить питание морских тружеников. Получается, многое недоработали, но виновата погода...

В конце того же июля 1969 года я ещё раз занялся рыбаками. Точнее, тем, как их неправильно ловят и как их травят. То есть браконьерством и отсутствием надёжных очистных сооружений. А край-то наипривлекательнейший – Краснодарский. Кубанская таранька на весь Союз была известна. Я рассказал обо всех проблемах на страницах «ВТ». Экземпляра газеты с этой статьёй у меня не сохранилось. Но пометки в записной книжке достаточно красноречивы и без моих тогдашних журналистских эмоций.

Из рассказа начальника управления рыбной инспекции Григория Тимофеенко (предполагаю – краевого управления):

Зарплата ниже, чем у рыбаков. [Потому люди и не рвутся на эту хлопотную и опасную работу. Правда, некоторые идут специально – в надежде использовать должность в корыстных целях.]

В 1968 г. две общественницы были ранены.

По Союзу: в 1967 г. было зафиксировано 120 тыс. нарушений, за первое полугодие 1968 г. – 73,6 тыс. [А сколько не зарегистрировано, когда не смогли поймать или, по взаимовыгодной договорённости, не стали составлять акт.]

В бассейне Азовского моря примерно 170 тысяч рыболовов-любителей, у них более 26 тысяч плавсредств, и 8,3 тысячи рыбаков-колхозников, у них 261 судно, у инспекторов 80 судов и 108 моторных лодок. Техника устарела, а ремонтировать негде. Плохо с моторами. В автопарке должно быть 726 автомашин и 1882 мотоцикла, фактически 225 и 960 соответственно.

Черноморская инспекция рыбоохраны зафиксировала: в Туапсе у рыбаков забраковали сорок тонн сельди – пропахла нефтью.

За год только на Бриньковском участке задержано 710 нарушителей, конфисковано 516 орудий лова, сдано в торговую сеть 20 тыс. кг рыбы.

В Приморско-Ахтарске не оказалось в продаже ложек – все на блёсны раскупили.

Два капитана двух СЧС [средний черноморский сейнер] из колхоза имени Ильича, находясь на промысле тюльки, стали ловить тарань. Работники милиции у одного нашли 290 килограммов, у другого – 412.

В Темрюкском районе в прошлом году погиб общественник.

Но не менее, а может, даже более серьёзное беспокойство вызывают «скрытые браконьеры». Ежесуточно на Кубани сбрасывается полмиллиона кубических метров неочищенных сточных вод. Например, только в Краснодаре в сутки – 170 тысяч. Кропоткинский химкомбинат – 33 тысячи кубов, а ниже по течению – основные нерестилища осетровых. Двести водозаборов не имеют заградителей от рыб, и рыба попадает на рисовые поля.

ТЭЦ в Краснодаре слили десять тонн нефти. Из 270 проверенных предприятий только на 130 есть локальные очистные сооружения, в том числе на 84 – они не эффективны.

92 руководителя предприятий были оштрафованы. Однако это слишком малая доля от реального числа нарушений. Одна из причин – некачественно оформляются дела. А если прошёл месячный срок, то уже нельзя привлечь к административной ответственности. И потому часто штрафы с предприятий и с их руководителей отменяются.

Кроме того, в регионе не простая рыбопромысловая обстановка: пыльные бури, морозы, мощный лёд – из-за недостатка кислорода гибнет рыба в лиманах. По данным Азовского НИИ рыбного хозяйства, погибло пятьдесят тысяч центнеров судака, то есть восемь процентов запаса, сорок тысяч центнера тарани – более трети. Выловлено вдвое меньше плана.

Добавлю к этим записям. При этом государство тратило немалые средства на разведение промысловых рыб. То есть эффективность такого вложения если не сводится на нет, то очень снижается.

Край романтиков, бичей и бешеных денег

Поездка в Мурманск в середине октября 1969 года запомнилась разными яркими событиями. Сам же город произвёл унылое впечатление. Серый, мокрый, пропахший рыбой, суетливый, разухабистый, блудливый...

Там я впервые услышал это слово – бич... Возле флотских контор ежедневно выстраивались десятки, а то и сотни людей, жаждущих наняться на рыболовецкие суда. Люди съезжались со всего Союза. Манила не столько морская романтика, сколько деньги.

Наняться на транспортное или пассажирское судно, которое ходит по всему свету, было заветной мечтой многих советских людей. Чтобы попасть в командный состав или техническим специалистом – нужно было долго учиться. И это не для всех – на всю жизнь связать свою судьбу со скитальческой жизнью моряка. А можно просто какое-то время поработать – хоть помощником кока, хоть кем угодно, зато на судне с заходом в иностранные порты. И ты обеспечишь себе сносную жизнь на несколько лет. Это почти так же выгодно, как поработать за границей в наших посольствах или торговых представительствах. Тут тебе и бонусы, и валюта, и закордонные шмотки, которые потом выгодно перепродашь! Жизнь удалась!

Но к морякам, высшей касте, попасть сложно: и требования очень жёсткие, и кораблей не так уж и много. Наняться к морским рыбакам – попроще. Рыболовецких судов – прорва. СССР в то время располагал, наверно, самым большим рыбопромысловым флотом в мире. А Мурманск был самым крупным советским рыбацким портом.

Приезжие устраивались чаще всего на один рейс. Он продолжался от трёх до шести месяцев. Суда уютжили не только ближайшее Баренцево море, но и всю Атлантику, вплоть до берегов Америки. В полугодовое плавание уходили группами – могучая плавбаза вместе с небольшими судами, непосредственными добытчиками морского богатства. Обосновывались на какой-нибудь банке (подводная морская отмель). Сейнеры и траулеры бороздили её вдоль и поперёк, сдавая добытое на плавбазу. Там – фабрика по переработке, и сразу же делают консервы и пресервы.

На плавбазе – сотни работающих. И туда, кстати, в отличие от маленьких судёнышек, брали женщин. Полгода вдали от родного дома, от семейного очага! Тело просит, невтерпёж... Всякое бывало. Не все выдерживали этот максимально разрешённый медиками срок плавания без захода в порты, без нормального отдыха и регулярного секса. Случались психические срывы.

Но заходить в иностранные порты нашим судам не разрешалось. Не только для предотвращения вражеских происков мирового империализма и из-за боязни наших спецслужб, что очередная порция наших несознательных сограждан сбежит в «буржуазный ад». Но и из-за экономии. Зайти в порт, заправиться там горючим, пополнить запасы воды и продуктов – это больших валютных денег стоило. С валютой было туго, её не хватало на закупку современного оборудования, ширпотреба, зерна. Государство экономило на этих людях.

Ну, а если человек заболит? Регулярно из порта приписки к плавбазам ходили наши танкеры и водолеи. Они попутно доставляли замену заболевшим, почту. И увозили тех, кому нужна была неотложная медицинская помощь в стационаре. За помощью к «врагам» обращались в исключительных случаях.

Но люди терпели неудобства. При удачной ловле они обогащались. Ведь ещё и северные надбавки причитались. Советские люди шалели от таких денег. Кто побогаче (из командного состава) и поумнее, тот до следующего рейса отправлялся на «материк», к родственникам, или на Юг, погреться возле ласкового Чёрного моря.

Люди не стеснялись своих доходов, заработанных тяжким трудом, с риском для жизни. Даже кичились. Мне рассказывали, что некоторые, прилетев в южный аэропорт, отправля-

лись к месту отдыха, заказав три такси. В одной машине рыбак ехал сам, в другой – его чемодан, в третьей – фуражка. Эту байку потом красочно описал Георгий Владимов в своём тогда нашумевшем романе о мурманских рыбаках «Три минуты молчания»

Но далеко не все рыбаки наслаждались красотой своей сытой жизни. Многие просаживали пачки денег в течение нескольких дней: гудели по-чёрному, отмокая в злчных местах после морского похода. Сами пили-ели, друзей и всех кого попало поили-кормили, женщинами наслаждались...

О разгуле разврата в «рыбацкой столице» я понял, поселившись в гостинице объединения «Севрыба» – «Доме рыбака». Только я в своём номере залёг в постель, как вдруг рывком открывается дверь, бесцеремонно заходит дежурная. Молча оглядывает, как надзиратель в тюрюге, и, убедившись, что «посторонних» нет, так же молча захлопывает дверь. Но я же помню, что запираю дверь на замок! Оказывается, здесь такой порядок: замки снаружи запросто отпираются служебной отмычкой, и в любой момент к тебе могут ворваться, дабы позаботиться о твоём моральном облике...

Те, кто за неделю-другую просаживал все деньжата, тут же вставали в очередь на следующий рейс. Но охочих до рыбацких заработков – вся нищая страна, жди своей очереди. Но как-то же надо прожить до следующего рейса! А как – если всё внутри горит? Люди спивались, теряли человеческий облик, превращались в бичей.

Это слово по-разному объясняют. Например, как «Бывший Интеллигентный Человек». Но это слишком красиво и нереально. А чаще – от английского слова «берег». Бич – это тот, кто застревает на берегу, без денег, без крыши над головой, без перспективы снова пойти в море. Кто же опустившегося человека рискнёт взять на борт в многомесячный рейс? Даже в самый короткий, на месяц – полтора, и то не рискнёт... Тем более при такой живой очереди желающих зашибить деньгу. Вот так и опускались люди на дно... И это в «благостное» советское время...

Я устроился не на промысловое, а на поисковое судно. Прошёл медкомиссию, получил «Санитарную книжку моряка». Договорились, что проплаваю дней пять – шесть не более. А как обратно? «С попутным доберётесь», – успокоили меня. С попутным, так с попутным. Рыбакам в море виднее.

Прибыл я на траулер «Симферополь» часа за два до отхода. Но в назначенный час судно не ушло. С берега капитана всё время донимали: «Доложите, почему не уходите?» «Старпом задерживается на берегу», – отмахивался Василий Алфертьев, моряк бывалый и спокойный. А пока старпом добирался, капитан угощал меня водкой, рыбой и чифирём. Такого крепкого чая я до тех пор не пил – ложка стояла в добротной гуще. Отчалили за полночь. Когда закончился... понедельник. Старпом тут не причём. Просто такая примета у моряков: в понедельник в рейс не выходить. Ну, и конечно женщин на борт не брать. В бога вряд ли верили, а вот в приметы... Ну так, на всякий случай...

Загуляли мы крепко, по-моряцки. Проснулся я уже в открытом море. Да, и всё равно никакого Кольского залива я бы не рассмотрел – кромешная тьма. Вроде бы уже наступил день, но не понятный: то ли ещё не рассвело как следует, то ли уже темнеет. Вот так в сумерках, под нарастающий шум порывистого ветра, дождя и рёв волн прошёл первый день. Как выяснилось, самый спокойный день.

В открытом море штормило: баллов семь – восемь. Наш траулер болтался, как Неваляшка. «Не перевернёмся?» – забеспокоился я. «Нет, – заверил капитан. – Траулер шведской постройки, надёжный. Только конструкция у него такая – вот он и сильно качается».

Мне отвели спальное место выше всех – в каюте с третьим помощником Виктором Ермаковым, да к тому же на верхнем ярусе. Меня возило по матрацу так, что я подумал, не сотру ли себе кожу на всех выпуклых местах. Чтобы защитить своё брненное тело, упёрся вытянутыми пальцами ног, а к голове подставил два кулака. Но как в такой позе уснёшь?

Ночью раздался грохот. Пишущая машинка, хоть и закреплённая на столе, свалилась на пол. Потом ожил огромный, тяжёлый ящик с линеметателем (это устройство для выбрасывания тонкого троса – линия). Его кидало от одной стенки к другой, разбивая переборки. Утром я еле встал – меня тошнило. Не стесняясь, я выплёскивал из себя желудочную гадость за борт, но коварный ветер разносил мою блевотину по судну. Хорошо, что каплям дождя и волн удавалось её быстро смывать. Я провалялся до обеда. Меня вывернуло наизнанку, но даже думать о еде не хотелось. Хозяин каюты принёс мне тарелку солёных огурцов. Я с большим отвращением начал жевать, но после первых же глотков мне полегчало.

Шатаясь, я отправился на ужин. Самое странное и непривычное ощущение было в замкнутом пространстве, когда идёшь по коридору и не видишь падающую или взмывающую линию горизонта, когда ты не понимаешь, в какую сторону начинает крениться этот взбесившийся Ванька-встанька и какая переборка ударит тебя в бок или по лбу. И кажется, что ты сейчас потеряешь сознание...

За ужином я познал всю «прелесть» застолья в шторм. Стол был накрыт мокрыми полотенцами, чтобы ничего не сваливалось на пол. Миску с ухой надо было держать за один край и в такт судна покачивать её.

На следующий день шторм не ослабел. Но мне стало намного легче. Даже рискнул принять душ. Там проще переносится качка, чем в других беззаконных помещениях: тебя мотает из стороны в сторону, но дальше стен душа-пенала не упадёшь. Одного я не предусмотрел: какой-то шутник отключил снаружи холодную воду, и я чуть не ошпарился. Заорал во всю мочь, пытаюсь перекричать вой ветра. «Ошибку» исправили. Но кто и зачем поиздевался над московским гостем, осталось загадкой. Может, таким способом экипаж благословил меня на вхождение в клан морских рыбаков и отметил пересечение какой-то северной параллели? Не признались...

Когда команда стала собираться к обеду, заметил, что страдаю не только я, новичок. Люди по-разному реагируют на качку. Кто-то продолжал, отлёживаясь, болеть, а кто-то ходил по кораблю, не держась за поручни и переборки. Рыбу, конечно, не ловили, и почти всё время я проводил в рубке. Мой вестибулярный аппарат приспособился, и я тоже мог подолгу раскачиваться, держа тело в соответствии с земным притяжением и ритмичным покачиванием, нивелируя крен судна. Как настоящий морской волк.

Проходил день за днём – без лова. Команда заскучала. Кто чем пытался заполнить безработное время. Пытались играть в шахматы, то и дело поднимая падавшие фигуры. Читали журналы и книги. Вели разговоры.

Морской труд особенный, и байки особенные:

Моряк должен быть всегда вежлив, тщательно выбрит и слегка пьян.

Моряк должен уметь подойти – к столу, к женщине и к причалу.

Рыбу – стране, деньги – жене, сам – носом к волне.

Или такие бортовые присказки:

*Солнце красно поутру –
Моряку не по нутру.*

*Солнце красно к вечеру –
Моряку бояться нечего.*

*Солнце светит и палит –
В отпуск едет помполит.*

Солнце светит, и туман –

В отпуск едет капитан.

Однако солнце выглядывало сквозь лохматые обрывки низких туч редко, и по нему предсказать, какая будет погода, не представлялось возможным.

На пятые сутки шторма достиг критической, девятибалльной силы. Моё нутро, хоть и протестовало против такого издевательства, но уже без тошноты. Однако голова с тревогой воспринимала, что наш шестидесятиметровый траулер буквально ныряет в волну. Казалось, мы сейчас уйдём в пучину взбунтовавшегося моря и не вынырнем. Волна перехлёстывала через нос корабля, брызги долетали до рубки и... замерзали на стекле.

На шестой день волна и ветер поутихли. Капитан решил, что, несмотря на пять – шесть баллов, пора взяться за работу. У поискового судна нет плана. И не его вина, что всё время штормит. Главное – сделать рейс. Но, сидя у трескучего приёмника, капитан всё время слышал грустную сводку: суда в пролове. И, посоветовавшись с помощниками, он коротко сказал: «Пробежимся!». Мы были в намеченном месте, на Демидовской банке. Это где-то посередине между европейским берегом и Шпицбергенем. Поисковый прибор зафиксировал здесь рыбные косяки. Удастся ли поднять на борт рыбу, это ещё вопрос. Но без пробы ничего не узнаешь.

«Симферополь» – траулер среднего размера. Это на большом траулере (типа БМРТ) трал спускают через корму, по специальному коридору. А здесь трал опускают с борта. И принимают тоже через борт. Важно грамотно поставить судно относительно волн. Надо не бояться стоять у леера, несмотря на накатывающуюся волну. Конечно, на рыбаках – специальная непромокаемая роба. Но лицо не спрячешь. И каждая волна бьёт по-разному. Случалось, во время такого лова в экстремальных условиях рыбаков смывало за борт. При мне всё обошлось.

Первый же трал принёс добычу. Ящик на палубе заполнился кишасей разноцветной массой. Полтонны. Не плохо, но недостаточно, чтобы сообщать другим судам.

Обычно на одно траление уходит часа два. Из рубки лишь следят, чтобы ничего не случилось. Но что может случиться в открытом море? Здесь же нет подводных камней и коряг! А случилось...

– Эй, Иван, как дела? – Это по международному радиоканалу раздался голос норвежца с проплывавшего неподалёку тоже рыболовецкого судна.

– Ответить? – спросил я капитана.

– Ни в коем случае! – Он даже руками испуганно замахал. Советским судам категорически запрещалось контактировать в море с иностранными судами. Радиостанция всегда включена на этом канале, куда могло прийти «SOS». Но никаких разговоров! А то придётся долго и с непонятными последствиями оправдываться перед пограничниками, перед КГБ.

Только мы разошлись с этим кораблём, как капитан взорвался:

– Да что же он, гад, делает!

Поперёк нашего курса, чуть не в корму траулера, шла подводная лодка.

– Да он же за трал зацепится! Ну-ка, прибавь ходу!

И рассказал, что уже был случай, когда норвежская подлодка запуталась в трале нашего судна, и пришлось таким сцепившимся способом заходить в порт. Тут ведь такая опасность: кто кого и куда перетянет, ещё не понятно...

Поисковое судно уходит в рейс почти на месяц, но мне уже пора возвращаться. А как? Мы так далеко и от родных берегов, и от других судов. Капитан успокоил тем же обещанием: «С попутным доберёшься... Лишь бы шторма не было. Прогноз хороший, ветер слабеет». Да где ж попутный в открытом море найдёшь, коли поисковик бороздит водные просторы в стороне от мест производственного лова?

Вскоре меня предупредили, что завтра будет пересадка: какой-то сейнер идёт в Мурманск и подхватит меня. Этот ближайший попутный транспорт был в... ста восьмидесяти милях от нас. «Утром встретимся», – предупредили меня. Я не поверил.

Но рано утром я увидел на горизонте чёрную кляксу корабля. Стал поспешно собираться. «Да не торопись, позавтракай. Успеешь...» Я и умылся, и позавтракал, а мой попутный транспорт всё ещё двигался и двигался к нам, медленно прибавляя в росте. Когда сейнер приблизился, я посмотрел вниз, на волны, и меня обожгла мысль: как же я буду при такой волне – выше человеческого роста – пересаживаться?

Борт о борт швартоваться нельзя – волна разобьёт. С подветренной стороны спустили ялик. Вместе с боцманом – самым мощным моряком нашего судна. Волна мотала ялик, как скорлупку: то поднимала лодку почти до нашей палубы, то кидала, казалось, в бездну. При очередном подъёме я успел передать в руки боцмана мой кофр с фотоаппаратурой. При следующем – я прыгнул и быстро присел. Полдела сделано. Теперь оставалось преодолеть по волнам метров двадцать до сейнера, пришвартоваться к нему и так же расчётливо перебраться на борт корабля-попутчика. Процесс этот оказался более затяжным: одно дело спускать ялик вдоль борта, а совсем другое – приблизить его при такой волне! Но боцман успешно справился, и вот я на другом судне!

...В порту услышал бодрый голос Эдуарда Хиля из уличного репродуктора:

*А нам не страшен
Ни вал девятый,
Ни холод вечной мерзлоты –
Ведь мы ребята,
Ведь мы ребята
Семидесятой широты.*

Это – зовущая на подвиги популярная в советские годы песня Станислава Пожлакова на слова Леонида Лучкина. Да, не страшен, коли не бывал в морских переплётах...

Благодаря этому приключению на первой странице «ВТ» появился репортаж о рейсе «Симферополя» (18 ноября 1969 г.). Безо всяких прикрас и выдумок. Но и за скупыми строчками первополосного материала было видно, что будничная работа судна-поисковика полна приключений и опасности. О встречах траулера с иностранными судами на морских перекрёстках, как и положено, умолчал. Как и об обилии бомжей.

Когда я вернулся в Москву и от метро ехал на автобусе, то вдруг обратил внимание, что, несмотря на крутые повороты я, в отличие от остальных пассажиров, не держался за поручни – настолько тело автоматически реагировало на автобусную качку...

Визиты к Эдит Piaф и к человеку-амфибии

В Москве у редакции «Водного транспорта» была дурная слава. Считалось, что там склочный народ подобрался. До прихода туда, я об этом не слышал. Но в справедливости этих утверждений (хотя бы частичной) я убедился.

При мне был такой конкретный случай. Звонят из райкома партии главному редактору: «Почему это у вас пьяный разгуливает по редакции?» Откуда узнали? Какой-то редакционный доброжелатель доложил. Может, за что-то мстил новому редактору?

Но были и приличные люди. К таким я, в первую очередь, причисляю моего непосредственного руководителя.

Уникальный человеком оказался сосед по кабинету – Юрий Рыжов. В паспорте у него было записано, что родился в Токио. Его отец кем-то там работал. Впоследствии, когда меня уже не было в редакции «ВТ», он устроился «помполитом» на мурманское рыболовное судно. Он сделал то, что я тоже хотел осуществить, побывав в Мурманске. Я намеревался такой моряцкий опыт использовать в творческих целях – написать книжку о рыбацком промысле в море.

Не помню, как точно, по-морскому, называлась эта должность, для которой не требовалось специальной подготовки. «Помполит» числился в ранге какого-то помощника капитана (чуть ли ни первого), отвечал за моральное состояние в экипаже, за политпросвещение.

Написал ли Рыжов, какую-то книжку – художественную или документальную – не знаю. Может, просто устраивался, чтобы заработать деньги на кооперативную квартиру или на машину. Хотя на телеэкране видел его комментарий про рыбацкие дела.

С уважением относился я и к ответственному секретарю Киму Панфёрову, сыну в то время известного писателя, автора романа «Бруски». За его порядочность, выдержку и деловитость.

Но более всего я сблизился с Виктором Щербаковым. Он работал в отделе культуры. Ведь он был писателем, переводчиком. Вне редакции пользовался псевдонимом «Легентов». Переводил поэзию с турецких и других языков.

С болгарского перевёл пьесу Камена Задинова «Царская милость». Она с успехом шла в московских театрах, в частности во МХАТе. Там были заняты такие советские звёзды, как Павел Массальский и Алла Тарасова. По этой постановке сделали телеспектакль.

Виктор был также автором оригинального произведения. Его «Эдит Piaф» поставили на сцене театра имени Моссовета. Главную роль исполняла Нина Дробышева. До этого она получила признание за роль в знаменитой киноленте «Чистое небо». Была достойной партнёршей Евгения Урбанского.

Скажу для тех, кто никогда не видел этот знаменитый фильм Григория Чухрая: в определённой степени его можно назвать «перестроечным». В нём показана трагедия лётчика, попавшего в плен и которого, в соответствии с указаниями вождя, отвергала советская действительность. И тем горше был «хэппи энд», когда после стольких лет унижений, лётчику вручили звезду Героя. Но на лицах мужа и жены не было радости, появились слёзы. Тема незаслуженно наказанного человека была очень злободневной в 1960-е годы, в период развенчания культа личности Сталина, критической переоценки его действий в годы войны с нацизмом и организованных им массовых репрессий.

И вот неожиданная роль Дробышевой – перевоплотилась в знаменитую французскую певицу, чья популярность в нашей стране тогда была на высочайшем уровне. Но пьеса не про успешное песенное творчество, а про сложную личную жизнь «Воробышка»: счастье и разочарования, обретения и утраты.

Спектакль шёл с большим успехом. Он держался более двух десятилетий! Помимо сценического варианта ещё была и радиоверсия. И там тоже главную роль сыграла Дробышева. Безусловно, именно её великолепное воплощение роли французского «Воробышка» в гармонии с фонограммами самой Эдит Пиаф предопределяли успех спектакля.

Мы с Виктором часто общались после работы. Я заходил к нему в гости. Он с женой (редактор в «Политиздате») и дочкой Алёной жил в стареньком здании, что стояло позади ресторана «София». Теперь на этом месте – тоннель под площадью Маяковского. А вместо «Софии» – пиццерия и КФС.

Как-то по пути из редакции Виктор сказал: «Зайдём к Нине Дробышевой». Запросто, без предупреждения – к звезде кино и театра? И буднично так предложил, словно к теще на блины позвал.

Нина и её супруг Виталий Коняев жили неподалёку – на какой-то Брестской улице. Мы зашли в подворотню, квартира была на первом этаже старого кирпичного здания. Дома нас встретил Виталий. Нины не было. «Если хотите, можете подождать. Она скоро должна появиться», – предложил он и заторопился в театр, оставив нас на попечении дочки. И тут произошло то, из-за чего у меня до сих пор мороз по коже, как только вспоминаю.

Лене было лет шесть. Я привык резвиться и пугать деток. Держа под мышки, я подбрасывал их вверх, приседал и ловил возле пола. Ребёнок: «Ах!». А я ловлю его внизу. Это я проделывал много-много раз. И всё обходилось: ребёнок, получив порцию адреналина, радостно попискивал, просил повторить. А тут...

Комната была густо уставлена мебелью. Возможно, здесь часто собирались гости. И особенно много было стульев, стоявших там и сям без всякой упорядоченности. И когда я присел, чтобы поймать Леночку внизу, ударился своим мягким местом об стул и нырнул вперёд. Каким-то чудом я успел завести свои руки чуть назад над головой, поймал-таки ничего не понявшего ребёнка и устоял на ногах. А то неизвестно, как сложилась бы судьба будущей актрисы Елены Дробышевой, получи она тогда какое-нибудь увечье. Да и моя судьба была бы осложнена.

Вряд ли Леночка запомнила тот случай. Она-то ничего не заметила. А я с тех пор перестал таким способом забавляться с детишками.

Другой наш с Виктором визит в гости обошёлся без испуга. Хотя мы отправились в логово «человека-амфибии».

Как и когда Виктор познакомился с Владимиром Кореневым, который стал знаменитым после роли морского чуда – Ихтиандра в кинофильме «Человек-амфибия», не знаю. Скорее всего, у них нашлись общие знакомые и интересы в театральной среде.

Мы долго ехали на юг столицы. И где-то там, в новых домах разыскали этого актёра-красавца, мечту тысяч советских поклонниц. Я с немым восторгом, снизу вверх в прямом и переносном смысле, смотрел на знаменитость.

В жизни Коренев показался сдержанным, без игривости и позы. Простой советский человек. В домашнем халате. Без выпендрёжа.

Зачем Виктор приезжал, не вспомню. Возможно, он готовился сделать с «Ихтиандром» интервью для «ВТ». А поводом мог служить не только морской сюжет фильма, но и то, что отец актёра был контр-адмиралом.

Пробыли мы не долго. Особым угощением Коренев нас не побаловал. Всё по-деловому, коротко и чётко. Сын военного! Но причина краткости нашей встречи не только в этом: день актёра расписан по минутам.

В современной России на Коренева я посмотрел иначе – уже без восторга. Мне не понравилось его истерическое поведение в связи с приходом в их Театр имени Станиславского нового режиссёра – Александра Галибина. Тот, по договорённости и контракту с Департаментом культуры Москвы, попытался внести свежую струю в затухающую творче-

скую жизнь коллектива, застрявшего на старых позициях. Естественно, что некоторым ветеранам это не понравилось. Жить по старым заслугам и устоявшимся канонам приятнее. Тем более на дотации города. Но зачем же стулья ломать? Противники новшеств устроили масштабную атаку на нового руководителя с первых же его практических шагов. И Коренев, как самый известный актёр, в этой травле, к сожалению, играл ведущую роль...

Мой отъезд в Якутию надолго разлучил нас с Виктором. Мы изредка переписывались. Прочитав в «Водном транспорте» интервью с Корневым, я просил передать актёру приглашение приехать в Якутск: зимой на строганину или летом – на рыбалку...

Прилетев в Москву в отпуск, я позвонил Виктору. Встретились. Я подарил ему свою книжку – «Этюды о профессиях». Книжка, конечно, не ахти какая, но я был горд, что написал её по собственной инициативе, что её опубликовали, и она ведь у меня первая! Он сообщил, что переводит стихи якутских поэтов, и они уже печатаются. Но я не был ни знатоком, ни любителем современной якутской поэзии. Вот эпос «Олонхо» – это впечатлило! Впрочем, я не исключаю, что были современные стихи и более высокого качества, только их не печатали по идеологическим соображениям.

Когда я совсем вернулся в Москву, то Виктор сам вышел на контакт со мной. Но только тогда, когда я уже стал редактором «Курантов». Он был приветлив, поздравил с газетой, отметив её интересной. Просил обратить внимание на проблемы отечественной литературы. «Куранты» не забывали эту тему, но, видимо, не в том ключе и не по тем сюжетам, которые интересовали его. Он также попросил осветить намечавшиеся мероприятия, связанные с именем Пушкина. Виктор был членом какого-то общественного комитета по их устройству.

Разговор в менторском тоне, с категорическими советами мне не очень понравился. А главное: предложения были выдержаны в духе уходящего советского времени. С чем я уже не хотел мириться. Стало понятно, что идеологически мы разошлись, как в море корабли. И наши контакты с Щербаковым-Легентовым оборвались... Увы.

На «даче Эйзенхауэра»

«Мы им покажем кузькину мать!»

Никита Хрущёв.

У меня появилась мысль сплавать к берегам Америки. Вариант разработал я такой. Вблизи этого далёкого континента, на Джорджес-банке, рыбку ловила обширная советская флотилия. Рассказывают, президент Кеннеди возмущался, что, сидя у себя на ранчо, на берегу Атлантики, он вынужден смотреть, как всего в нескольких милях туда-сюда снуют советские рыболовецкие суда. Но по тогдашним международным правилам наши уютжили атлантические воды на дозволенных расстояниях от берега.

Я договорился с руководством объединения «Запрыба», штаб которой располагался в Риге, что на попутном транспорте меня подбросят на Джорджес-банку, где находится плавбаза и куча сейнеров. Как раз в ближайшие дни намечался выход туда из Риги судна, доставлявшего воду. Водолеи и танкеры ходят быстрее рыболовецких судов. До Джорджес-банки, сообщили в «Запрыбе», ходу четыре дня. Четыре – обратно. Ну, и там можно побыть столько, сколько позволит ситуация с возвращением «чартерным» транспортом в Ригу. С этими расчётами я обратился к руководству редакции, почти уверенный, что получу добро. До меня ещё никто из журналистов «ВТ» не забирался так далеко в Атлантику.

Возвращается с редколлегии, где решалась судьба моей заявки, сосед по комнате, редактор отдела речного флота: «Едешь!» Я обрадовался. «В Иркутск и Якутск», – добавил он, усмехаясь.

Оказывается, министерство и ЦК профсоюза решили с нового года закрыть многотиражки, которые издавались каждым речным пароходством. Это было накладно, а информационно-идеологический эффект этих невысокого качества изданий, как, видимо подсчитали в партийных органах, был минимальным. Если вообще таковой был. Но, чтобы не потерять связь с трудящимися, надо было попытаться уговорить их переподписаться на «Водный транспорт». И чтобы профсоюзы помогли в этом. Делать нечего – я солдат. К тому же при нормальной ситуации попасть в эти далёкие края по редакционной командировке практически было невозможно. А края-то уникальные, экзотические.

И вот под Новый год я лечу в Иркутск. Мороз там – сорок градусов! Совершив обязательный визит к местным речным профсоюзникам (в баском-флот), отправился на заветный берег «священного моря». Здесь у меня была особая творческая цель.

В посёлке Листвянка, у истока Ангары, находился единственный в стране Лимнологический институт Сибирского отделения Академии наук СССР. Мне рассказали об уникальной системе Байкала. О том, что здесь чистейшая вода, я был наслышан, и что она холодна даже в жаркую погоду, и что скатывается в эту тектоническую впадину из трёх с лишним сотен рек, а выливается лишь через одну – Ангару. Однако о здешней живности почти ничего не знал. А здесь обитают десятки рыб-эндемиков, то есть те, которые больше нигде на планете не встречаются. Среди них в первую очередь интригует голомянка. Не размером, а тем, что она живородящая. Не мечет икру, сразу выпускает мальков.

Из промысловых рыб особо ценится байкальский омуль. Его много, и он очень вкусен.

И про кого я ничего не знал, так это про местную нерпу. Она – тоже эндемик. Вообще на Земле, как утверждают учёные, есть лишь три вида пресноводных тюленей. Как же это морское животное попало в озеро, отстоящее от морей на большом расстоянии? Тут общего мнения до сих пор нет. Кто-то утверждает, что могла проникнуть сюда по Енисею и Ангаре, кто-то, что – по реке Лене, когда она вытекала из Байкала. Но, может, всё «проще»: когда-то миллионы лет назад, озеро было частью Мирового океана?

Когда я был на Байкале, официальная охота на нерпу была разрешена. Однако позже, с 1980 года промысел запретили. Но, увы, по-прежнему находятся браконьеры. А в 1987-1988 годах погибло шесть тысяч тюленей, заражённых вирусами. И ещё остаётся вопрос, удастся ли сохранить популяцию этих любопытных животных, занесённых в «Красную книгу».

В институте меня удивили неожиданной исторической информацией. Оказывается, он занимает «дачу Эйзенхауэра». И рассказали такую историю, о которой в советской прессе, конечно, не распространялись. Тридцать четвёртый президент США должен был посетить Советский Союз. Он изъявил желание побывать на Байкале. Ну как не удовлетворить желание генерала, командовавшего войсками союзников в Европе при открытии Второго фронта против гитлеровской Германии, кавалера советского ордена Победы?!

По нынешней версии сайта Лимнологического института, его интерес был связан с проблемой загрязнения Великих озёр. Но тогда сотрудники назвали мне другую причину. Дело в том, что в начале двадцатого века дед Дуайта промышлял золотишко в Забайкалье. И семидесятилетний генерал решил воспользоваться официальным визитом с СССР для удовлетворения своего любопытства о таинственной страничке истории семьи. И эта версия мне кажется наиболее правдоподобной и убедительной. Как можно сравнивать положение Великих озёр, зажатых индустриальными комплексами, с Байкалом, находившемся в те годы фактически в заповедной зоне (целлюлозно-бумажный комбинат построили позже).

Хотя не исключаю, что президент США, чтобы его не обвинили в использовании служебного положения в личных целях (у них там с этим строго, а политические противники не дремлют, да и «продажная буржуазная» пресса запросто раздует любой промах, особенно в предвыборный период), он именно такую цель приезда на Байкал и избрал официально: познакомиться с уникальным, самым большим в мире пресноводным водоёмом.

«Дачу» построили, начали прокладывать из Иркутска до Листвянки новую, современную дорогу (это порядка семидесяти километров). Да пилот Фрэнсис Пауэрс помешал. Первого мая 1960 года его отправили в разведывательный полёт над Советским Союзом. Над Уралом его сбили. Хрущёв разгневался, рвал и метал, обещал показать кузькину мать, «исторический» визит Эйзенхауэра он отменил. Листвянка не приняла именитого гостя. Хорошую дорогу туда не достроили. Зато «дача» досталась учёным.

Тогда же мне рассказали, будто глава правящей, коммунистической партии Восточной Германии Вальтер Ульбрихт, побывав здесь, заметил, что если от Байкала до Европы построить водопровод для снабжения европейского населения чистой водой, то это вполне окупится. Хоть он и коммунист, но всё же европеец, ему видней. До водопровода дело не дошло, а построили вредное производство.

Однако в последнее время к Байкалу проявляют повышенное внимание китайцы. И уже начали бутилировать здешнюю водицу и поить своё двухмиллиардное население. Более того, они обратились с просьбой разрешить им построить здесь завод с этой же целью – торговать нашей водой. Местное население, экологи выступают против. Байкал и так в опасности, а тут – завод на берегу...

В Новый год самолёты не вылетают. По «техническим причинам»

*«Мне надо, где метели и туман,
Где завтра ожидают снегопада.
Открыты Лондон, Дели, Магадан,
Открыли все, но мне туда не надо».*

Владимир Высоцкий.

На 31 декабря у меня был запланирован вылет в Якутск. Там также надо было провести разъяснительную работу с парокходством и баском-флотом. Но рейс по техническим причинам отменили. Объяснили: там большие морозы, сильный туман и лётчики не рискуют туда лететь. На самом деле причина совсем другая. Кто же под Новый год отправится почти за две тысячи километров? Ясно, что, по санитарным нормам, в обратный путь разрешат вернуться лишь на следующий день. Новогодний праздник без семьи, друзей и вообще без застолья?! Вот и нашли «технические причины».

А мне всё равно, где встречать Новый год в одиночестве...

Уж полночь близится. Новогодняя. Тоска зелёная. Сидеть в номере невмоготу. В ресторан тоже не захотелось идти. Вышел на улицу. Вокруг – белое безмолвие. Куда идти в незнакомом городе? Даже спросить не у кого, все уже устроились по своим компаниям, скрылись в своих городских кельях... И вдруг...

Идёт мимо гостиницы сибирская красавица. Куда она в одиночку в такую позднюю пору? Конечно же, в компанию, решил я. Это, может быть, мой единственный шанс! Не мешкая, подхожу к ней и вежливо-культурно, предельно откровенно объясняю, что я из Москвы, в командировке оказался совсем один: не могла бы она меня пригласить в свою компанию, расходы на моё питьё и еду компенсирую. Она строго, оценивающе оглядела меня, без дополнительных вопросов и проверки документов предложила: «Пойдёмте». Вот удача!

Компания оказалась весьма малочисленной. Кроме моей новой знакомой Люды – её старшая сестра со своим женихом. Те с подозрением посмотрели на меня. Удивились и, кажется, не поверили, что Люда могла вот так запросто «подцепить» на улице и пригласить в дом совершенно незнакомого мужчину. Тем более что, как потом предупредила меня сестра, девушка она весьма строгих правил в отношениях с парнями.

Сестра преподавала в местном музыкальном училище, а Люда там училась. Летом, после его окончания, предполагала поступать в какой-нибудь московский вуз – консерваторию или в Гнесинку.

Когда Люда назвала свою фамилию – Щапова, я сразу насторожился. Это же весьма именитая в Иркутске фамилия. Был такой в девятнадцатом веке общественный деятель Афанасий Прокопьевич Щапов – философ, историк освоения Сибири, писатель. Преследуемый царским режимом. Как выяснилось, она какая-то его дальняя родственница...

В первый день нового, 1970 года аэропорт Якутска волшебным образом открылся. «Технические причины» уже не помешали, и я отправился на «летающей лодке» «Ан-24». Нет, на воду этот самолёт не садится. Просто внешне похож. Эта машина предназначена для местных рейсов. Раз летает на короткие расстояния, то и не обязательно ей быть комфортабельной. Это громыхающее создание на маршруте до Якутска приземлялось несколько раз. Взлетаем – садимся, взлетаем – садимся... Ведь линия-то – местная. И не важно, что протяжённость её около двух тысяч километров. Сами по себе эти посадки выматывают душу. Да

ещё в воздушных ямках попрыгаем... Да крепкие морозы досаждают: пока высадим одного-двух пассажиров, пока столько же добредут от аэровокзала и рассядутся, салон заполняется пронизывающим холодом. Закройте дверь, а то дует – это не для местных линий.

Меня удивило, что в Якутске оказалось теплее, чем в Иркутске – лишь сорок градусов ниже нуля, а на берегу Ангары термометр перед нашим отлётом опустился до минус сорока пяти! В Якутском аэропорту было светло и солнечно. На душе, несмотря на изматывающий полёт, оптимистично. И, устроившись в гостинице Ленского речного пароходства, я с ходу занялся исполнением своего задания.

На следующий день в Якутске похолодало, сгустился туман, и дальше четырёх – пяти метров на улицах ничего не было видно. Минус пятьдесят с лишним, а я в пижонском чешском демисезонном пальто, естественно, безо всякого утепления и с коротким кожаным воротничком. К тому же от такого мороза пластмассовые пуговицы полопались. И вот картинка, достойная голливудского триллера: все местные жители в меховых куртках и пальто, в торбасах или меховых ботинках, а я в расстёгнутом пальтишке и полуботинках. Хорошо, туман не позволял прохожим рассмотреть меня. Но кто сталкивался со мной вплотную, шарахались, полагая, что я сумасшедший.

В Якутии так считают: ежели человек плюнет и плевков замёрзнет на лету – значит мороз не менее пятидесяти градусов. Чтобы не замёрзнуть на ходу, как плевков, я преодолел двухсотметровый путь от гостиницы до конторы Ленского пароходства с посещением обогреваемых помещений. Забежишь в магазинчик, посмотришь на прилавки, потом до следующего. Путь лежал по центральной улице (конечно, именем Ленина названной), где хоть что-то общественное располагалось. Но в основном Якутск в те годы был одноэтажным, деревянным. И на многих улицах никаких магазинов и прочих обслуживающих население заведений я не видел. Да и как их увидишь? Идёшь или едешь в такси по улице – как в молоке. И так бывает целых два месяца самой холодной зимней поры.

В Москве первый вопрос коллег по редакции, конечно, был про морозы. Я красочно описал моё выживание в якутском «молоке». «Но потом, когда я улетаю, потеплело», – завершил я рассказ про ужасы якутской зимы «И сколько было?», – не удержались спросить любопытствующие москвичи. «Минус тридцать семь». Всеобщий хохот: вот так «потеплело»!

Мой вояж в эти края не дал особой прибавки в числе подписчиков «Водного транспорта». Так же как и попытки моих коллег повлиять на потенциальных читателей в других речных бассейнах. Да и трудно было ожидать, что люди переключатся со своей местной газеты, пусть она и хуже качеством, на всесоюзную, которая гораздо реже пишет о твоём пароходстве. И тогда в министерствах и ЦК профсоюза приняли судьбоносное (для меня!) решение открыть новые корреспондентские пункты.

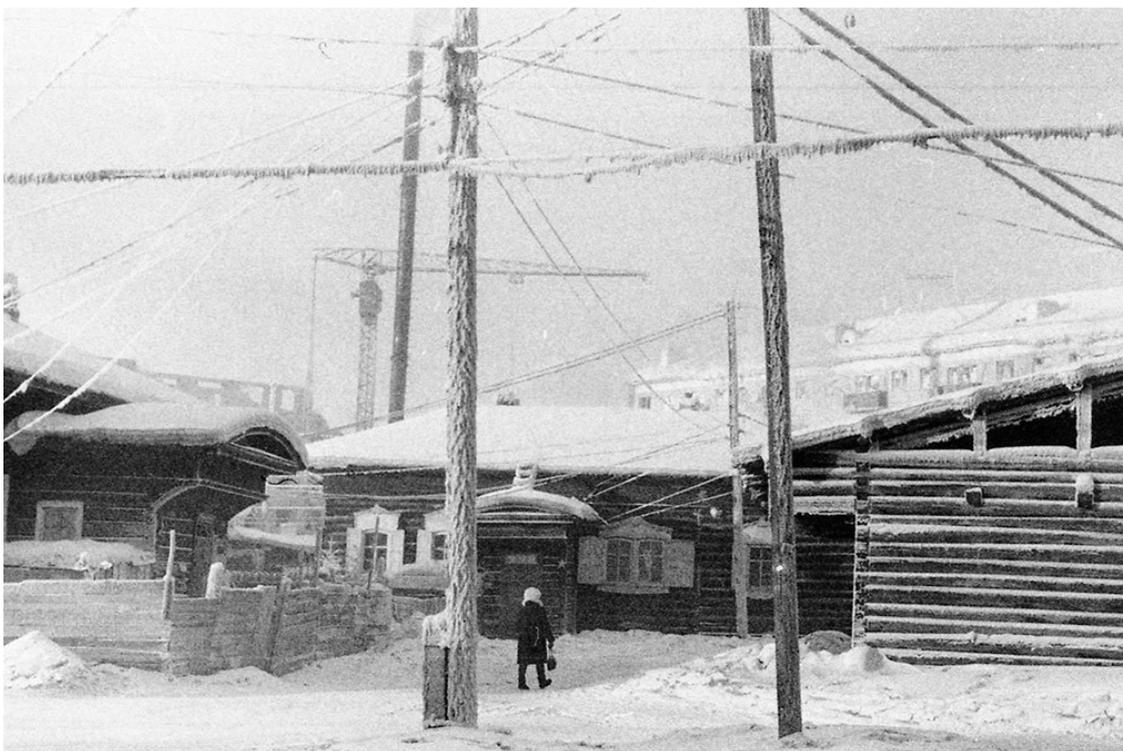
Я загорелся желанием незамедлительно отправиться в даль неизведанную. Меня уже ничего не держало в Москве. Мама умерла. Семья распалась, с большими осложнениями после развода. Из столицы без потери прописки и жилья я мог уехать только туда, где работа давала бронь. Приемлемыми вариантами были Сахалин и Якутск. Мой начальник Тарасов, бывший дальневосточник, расписывал прелести жизни на Сахалине. «А какая там шикарная осень!» – восклицал он. Но меня тянул Якутск. «Да что ты о Якутии знаешь? Что ты там видел?» – укорял начальник. «Мороз и туманы», – не тушуясь, отвечал я иронично. Действительно, ничего не знал. И практически, из-за туманов, ничего не видел. И всё же...

Меня раздирали противоречивые желания.

Сахалин, море, рыбаки и дальние рейсы – завлекательно! У меня даже родилась шальная мысль написать роман о жизни моряков, скорее – о жизни их жён и подруг. И заголовок уже сам собой родился – «Залив Терпения».

Но и Якутия со своими экстремальными климатическими условиями и богатейшими природными кладовыми, как магнитом, притягивала к себе.

И я решил бросить жребий. Есть у меня такая игра с самим собой: успею – не успею. Успею запрыгнуть в автобус, электропоезд, успею перейти улицу на зелёный свет – сделаю задуманное, не успею – вряд ли... Спускаясь с перехода на станцию метро «Площадь Свердлова» (теперь – «Театральная»), я загадал: если успею на поезд, который уже впускал в свои растопыренные двери торопливых пассажиров, то поеду в Якутск, не успею – на Сахалин. Успел. Двери сомкнулись, поезд тронулся, и вдруг я понял, что в спешке перепутал: еду не по своему направлению, а в противоположную сторону. Но, коли всё же успел на этот поезд, надо ехать в Якутск, решил я окончательно.

Такими были задворки центра Якутска в 1970 году. Но многоэтажные новостройки уже вытесняли старинные дома

Главный редактор благосклонно принял моё желание отправиться в край «северного сфинкса», как образно называют вечную мерзлоту. Редколлегия меня утвердила. Я встретился с председателем Ленского баскомфлота, который как нельзя кстати оказался в Москве. Главный вопрос, который надо было решить безотлагательно: где мне жить? А где буду жить я, там и будет корпункт.

На моё счастье, пароходство готовилось к заселению только что построенного пятиэтажного жилого дома в самом центре Якутска, на улице Ленина. И профбосс пообещал найти в нём уголок и для меня. Я скромно попросил себе квартиру на третьем или четвёртом этаже. Получив принципиальное согласие, стал готовиться к тому, чтобы отдать швартовы...

В краю «северного сфинкса»

«Сломай дом – построй корабль».
Греческая пословица.

Первый улов на реке лене

Многочасовой полёт из Москвы в Якутск на «Ил-18» оказался экзотическим. Мы вылетали в ночь. Но из-за разницы во времени, едва пролетев часа два, уже встречали рассвет. Я показал стюардессе своё редакционное удостоверение и попросил поговорить с командиром, чтобы он разрешил посмотреть восход солнца из кабины. В иллюминатор увидеть не удалось бы – солнце вставало точно по курсу. Командир разрешил, и я пристроился за спинами пилотов.

Это неопишное зрелище! Авиалайнер нёсся навстречу быстро поднимающемуся над тёмной, ещё не проснувшейся Сибирью солнцу. Будто какой-то невидимый маг торжественно, завораживая зрителей, вытягивал из тьмы огромный золотой диск. В безоблачном пространстве чистота благородного металла казалась несомненной.

Когда небесное светило поднялось повыше над уплывающим горизонтом, оно потеряло драгоценный блеск и занялось своим будничным делом – освещать шестую часть планеты. Я покинул кабину, уверенный, что этот восход обещает мне успех в том восточном краю, где вставало золотое солнце и куда так стремился...

Часа за полтора до приземления стюардесса предупредила: в Якутске восемнадцать градусов мороза. После тёплой московской весны это сообщение бросило в дрожь. Но, когда мы вышли из самолёта, нас встречала радостная апрельская капель, со звоном падавшая с крыш... Вот такие дневные перепады температур! А каковы ожидают годовые: от плюс тридцати пяти до минус шестидесяти! К этому предстояло привыкать.

Новый дом пароходство ещё не заселяло. И разместило меня в своей служебной гостинице.

Я представился руководству. Начальник Ленского объединённого речного пароходства (ЛОРП) Василий Максимович Дубровский на первой же встрече стал меня уговаривать обустроиться в их гостинице. Мол, поскольку я человек не семейный, лучше мне пожить на «полном обеспечении». Я понимал, что, при острейшей проблеме с жильём в Якутске, ему жаль терять целую квартиру и отдавать её невесть откуда свалившемся на его голову корреспонденту. Но я от «отеческой заботы» отказался. Так называемая гостиница пароходства – это фактически обычное общежитие. Причём живут здесь не постоянно, а те, кто волею производственной судьбы попадает в Якутск на короткий срок. Все удобства – на этаже. Отдельный номер вряд ли дадут. Если и дадут, то ввиду наплыва гостей, будут подселать. А при круглосуточном обилии речников, постоянно снующих в довольно тесном гостиничном помещении, устроенном в жилом доме, невозможно ни сосредоточиться, ни выспаться. А где мне беседовать с гостями? И разве смогу я стучать по ночам на машинке, когда нужно будет срочно отправлять информацию в Москву? К тому же что значит – холост? Сегодня холост, а завтра... Мне ж только тридцать один годик. Я ещё – ого-го! Мужчина на выдане.

Не имея никакой базы, я сразу же запросился в командировку. Появился информационный повод – началась навигация на реке Лене.

Навигация на сибирских реках, на тысячи километров растянувшихся с юга на север, начинается не так, как в Европейской части страны. Если на Волге растает лёд, то почти одновременно на всём её протяжении. На речных меридианах Сибири всё иначе. Сначала ото

льда освобождаются верховья. И ледовая масса, неспешно, пугая население и весь животный мир своей мощью, спускается к Ледовитому океану месяца два! В Якутске река ещё была накрыта толстым ледовым панцирем. Поэтому, чтобы открыть навигацию на Лене, я полетел на юго-запад – в город Усть-Кут.

Там, на иркутской земле, железная дорога упиралась в реку, и грузы переваливались со станции Лена в порт Осетрово. Вот такое это своеобразное географическое место: три названия одной и той же точки!

Я встречался с местными речными и портовыми руководителями. Однако сделать пространственный материал для газеты, не имея понятия о технологическом процессе, я, конечно же, не мог. И даже не попробовал. Единственный мой улов: крохотная заметулька о том, что на реке Лене началась навигация 1970 года.

Нет, не единственный «улов». Был ещё один. Я встречался с начальником тамошнего речного училища. Хотелось узнать, кого и как оно готовит для пополнения кадрами гигантского пароходства, раскинувшего свои владения на тысячи километров, почти от берегов Байкала – до Ледовитого океана и Колымы.

Когда беседа подошла к концу, в кабинет заглянула девушка. Начальник попросил её подождать. Когда я выходил, то понял, что меня эта незнакомка «зацепила». И стал её ждать. Не уверенный, что в свою очередь я смогу «зацепить» её своим «ненавязчивым» разговором, взял в руки шикарную десятицветную (!) итальянскую ручку. Уж на это яркое жёлтое пятно красавица должна обратить внимание, подумал я.

Мы познакомились. Лена работала в местной школе учителем английского языка (я при первом взгляде подумал, что она – какой-нибудь «культурный» работник: завклубом, массовик-затейник и т. п.; впрочем, не намного ошибся – учитель это тот же «затейник»). В речном училище вроде бы образовалась вакансия по её специальности, а здесь платят больше, чем в местной средней школе...

Сейчас, сорок семь лет спустя, я пишу эти строки на нашей даче, а Лена копошится в саду, оживляя после зимней спячки цветы и ягодные кусты... А на ручку, на моё ярко-жёлтое итальянское сокровище, как потом выяснилось, она внимание даже не обратила...

На четвёртом этаже, как заказывал, я и получил квартиру. Однокомнатную. С балконом. В центре города – на улице Ленина и в то же время на окраине – в двух сотнях метров от реки Лены. С видом на широченную долину, на старинные одноэтажные дома, скособо-ченные от капризов вечной мерзлоты, и на башню Якутского острога, построенную казаками-первопроходцами в середине семнадцатого века.

На самом-то деле они воздвигли её в другом месте. Там два с половиной века сохранялись сооружения острога – до Гражданской войны. Во время противостояния белых и красных заблокированная в городе советская власть распорядилась для спасения населения в морозную пору разобрать башни на дрова. Оставили для потомства только одну. Она в отличие от других не глухая, а с воротами и со смотровым балконом. Вот её, одинокую сиротинушку, и перенесли сюда, на площадку рядом с музеем. К сожалению, несколько лет назад и она сгорела. Говорят, подожгли. Чтобы уничтожить напоминание о колонизации русскими этого края?

В квартире со всеми удобствами долгое время не было ни газа, ни горячей воды. Это в «лучших советских традициях»! И никакой мебели. Всё, что я привёз из Москвы – один фанерный ящик, в котором доставили мне разобранный велосипед и что-то ещё по мелочи.

Пустую квартирную коробку хотелось поскорее заполнить для нормализации быта. Но при тогдашнем дефиците осуществить это быстро без «знакомства» было невозможно. Люди записывались в очередь, оставляя у продавцов открытки с обратным адресом. Или платили им «задаток», то есть взятку. Или чуть ли не ежедневно навещая магазин, надеясь на удачу,

что нужный товар неожиданно «выбросят», а это происходило весьма редко, тем более в Якутии, удалённой от железных дорог.

В пароходстве мне пожертвовали старую, грохочущую пишущую машинку, не менее старые письменный стол и стул. Спал на полу (то есть была буквально – половая жизнь).

Что ещё надо для работы? Совсем «немного»: связь с миром – телефон и знание профессионального дела речников. У меня не было ни того, ни другого. С телефонизацией в Советском Союзе была повсеместная беда. А знания – дело наживное, но никакой скандально-критический повод, чтобы я сходу мог вмешаться и выстрелить громким материалом, не возникал.

Визит к партийному боссу

Так было положено. Надо было представиться не только «речному хозяину» – начальнику пароходства, но и партийному. Куратором по промышленным и транспортным вопросам был второй секретарь обкома партии Александр Власов. Мои новые коллеги-журналисты охарактеризовали его как весьма контактного и информированного деятеля. И, действительно, он охотно согласился поговорить со мной о задачах транспортников в связи с активным хозяйственным развитием Якутии. Был любезен и откровенен.

Ощущалось, что он, выпускник Иркутского горно-металлургического института и бывший шахтёр, неплохо разбирается в здешних производственных делах. В помощь мне для лучшего познания проблем Якутии подарил книгу-сборник о развитии производительных сил республики, в издании которой он принимал непосредственное участие – как руководитель редакционного коллектива. Книга оказалась полезной. Она была насыщена конкретикой, что выгодно отличало от чисто партийных деклараций, ведь в числе авторов выступали специалисты.

Не знаю, как бы потом сложились наши с ним отношения, когда я стал писать критические материалы о подопечной ему сфере. Но вскоре его взяли на работу в ЦК КПСС. И он сделал головокружительную карьеру: первый секретарь Чечено-Ингушского обкома КПСС, первый секретарь Ростовского обкома КПСС. Новый лидер компартии Горбачёв нуждался в обновлении кадров и использовал его на всех «фронтах». Бывший горняк неожиданно становится министром внутренних дел СССР в чине генерал-полковника. При нём был создан ОМОН. Он получает особое партийное назначение – возглавил правительство РСФСР. Его избирают кандидатом в члены политбюро ЦК КПСС.

Уже при последнем вздохе КПСС он возвращается непосредственно на партийную работу – зав отделом ЦК. И главное: он становится соперником Бориса Ельцина на Первом съезде народных депутатов РСФСР при выборе председателя Верховного совета. Однако, несмотря на богатый послужной список, он уступил Ельцину. Настало новое время – новых идей, деятелей реформаторского толка.

После путча ГКЧП Власов ушёл на «заслуженный отдых». К его чести – он не вёл активную антиреформаторскую, реваншистскую деятельность. Видимо, понял, что время «партийных хозяйственников» прошло.

Вот такие люди работали и на якутской земле. Ну, и совсем другие, конечно же.

Много воды утекло...

Да, с тех пор много воды утекло, а мне всё ещё с болью вспоминается моё фиаско в должности собкора «Водного транспорта».

Было много факторов, объективно помешавших мне начать плодотворно работать.

Самой серьёзной проблемой для начала работы оказалось отсутствие телефонной связи. Лишь через несколько месяцев смогли меня обеспечить номером АТС. Как же связываться со специалистами-водниками, если речной транспорт – это не только контора пароходства, что находится в соседнем здании, но и разбросанные на громадной территории Северо-Востока страны порты, ремонтные базы, путейцы... К тому же флот взаимодействует со всеми отраслями края... При этом ты ещё никого не знаешь.

Для связи с редакцией приходилось ходить на телеграф, заказывать переговоры, долго ждать, потом мучиться от постоянного прерывания «по техническим причинам». При этом помнить про шестичасовую разницу во времени. Да и редакция не могла со мной экстренно связаться, чтобы передать какое-то задание. А без оперативности любая заметка опаздывает. В информационном вакууме нормально работать невозможно.

Войти в трудовой ритм помешала и смена климатической зоны. Сначала выбивала из колеи... жара. В середине лета в Якутске температура воздуха может превышать тридцать градусов. «За что же вам надбавки начисляют? – удивилась одна москвичка, с которой меня по ошибке соединила телефонистка. – Мы думали, вы там замерзаете...» Но ещё тяжелее я переносил сушь. В то лето более двух жарких июльских недель не было ни дождинки. Радоваться бы мне – курорт! Но после влажного московского климата я тяжело вживался в якутскую Сахару. Не мог нормально существовать без влаги. Вынужден был или в день по два-три раза отправляться на купание в реке Лене (а до неё, несмотря на видимость из окна, не близкий путь), или дома принимать холодную ванну. Всё это отнимало силы и время.

Наступили зимние холода, и возникла новая проблема для моего организма. Одно дело – во время командировки «прошвырнуться» по центральной улице, а совсем другое – жить в этом непроглядном «молоке» при пятидесяти градусах. Впервые в жизни я всё время ощущал потребность больше есть и пить: есть мясо и пить горячий чай. Алкоголем для «сугреву» не злоупотреблял. Больше пить требовал не только мороз, но и продолжавшаяся сушь: при низких температурах снег практически не выпадает.

Вообще в Центральной Якутии осадков выпадает не больше, чем в пустыне Сахара, однако территория не превращается в пески благодаря мощному (в несколько сотен метров) слою вечной мерзлоты, который в летнее время подпитывает почву снизу.

Для выхода на морозы надо было приобрести тёплую одежду. С этим в советских магазинах всегда была проблема. Что-то скромное, не меховое, приобрёл для согрева тела. А вот, чтобы не отморозить ноги, надо было иметь меховую обувь, лучше всего торбаса. Это такие высокие «сапоги» из оленьих или лосиных шкур. Или хотя бы – унты, они покорооче и подешевле. Но ни то, ни другое в торговой сети не продавали, а на рынке или на заказ они были дороги – не менее двухсот рублей. Напомню: средняя официальная зарплата по стране равнялась ста пятидесяти рублям. В Якутске, конечно, доход благодаря северным коэффициентам и надбавкам был выше. Но у меня ещё не было надбавок, а городской якутский коэффициент составлял лишь сорок процентов. При этом надо было обустроить совершенно пустую квартиру. Поэтому заказал себе обувь подешевле – не торбаса, а меховые ботинки. И не из оленьей шкуры, а из лошадиной.

Ещё одна физиологическая проблема для выходцев из европейской части – аномально высокое атмосферное давление. Оно держится довольно долго. И зимой, и летом. А если и уменьшается, то случаются весьма резкие перепады. Как и температурные.

Помню один такой случай в начале декабря. Если двадцатиградусный мороз в октябре уже практически норма, то что говорить о декабре. Но однажды в начале этого зимнего месяца случилось внезапное потепление, на улицах образовались лужи. А потом в течение нескольких часов температура упала ниже тридцати градусов. И рябь на лужах так и замёрзла волнами.

Когда город при пятидесятиградусных морозах окутан туманом и это продолжается не один месяц, наступает психологический стресс. И прежде всего у только что поселившихся в этом экстремальном крае. Это тоже надо преодолеть.

Ещё одной весьма серьёзной проблемой (и неожиданной для меня) оказалось негативное отношение ко мне некоторых членов редколлегии. Неожиданной – потому что в Москве это никак не проявлялось.

Но оказалось, что редактор общественно-политического отдела затаил на меня обиду за то, что я, выскочка, будучи официальным обозревателем на очередной летучке, позволил себе назвать материалы этого отдела «трескучими», сославшись при этом на схожую оценку определённых газетных публикаций Лениным. Причём тут Ильич и «Водный транспорт»? Но вот такой я был прямолинейный «правдоруб». И теперь этот редактор отомстил мне.

Я по заказу отдела речного флота подготовил подборку информации по Ленскому пароходству. Отдел её одобрил, отдал в печать. Вместе с этой подборкой должно было стоять моё представление: что вот теперь в Якутске есть собкор газеты. Это важно для обратной связи с читателями. Но дежурным редактором номера был тот самый «политик», и под каким-то предлогом он вынул из номера мою подборку. Представление меня читательским массам Якутии и её окрестностей не состоялось. Пока судили-рядили, подборка устарела.

Подлость проявилась и с моим первым большим и интересным (это я сужу даже сейчас) материалом – об исследованиях якутских мерзлотоведов на водных акваториях. Ранее считалось, что под водой не может быть мёрзлых пород. Ведь морская вода, насыщается солями, порой не замерзает до минус восьми градусов. Однако эти предположения основывались на отрывочных сведениях. Впоследствии выяснилось, что вечная мерзлота может быть и при глубине моря менее двух метров (такого размера достигает толщина льда), а на большей глубине – реликтовая, сохранившаяся с древних времён.

Как сказал мне зав лабораторией криолитологии Института мерзлотоведения Евгений Катасонов, исследования якутских учёных помогут ускорить экономически выгодные разработки полезных ископаемых в Ледовитом океане, а также в развитии здесь водного транспорта. Ведь более точные знания позволяют грамотнее, с учётом конкретных условий, возводить сооружения, прокладывать более надёжные пути в устьях сибирских рек.

Материал напечатали («**За морскими кладами**», 13 августа 1970 г.) и даже, как мне сообщили доброжелатели, похвалили. Но опять-таки никакого представления меня как собкора не удосужились сделать. Под предлогом, что это... не профильный материал. Видимо, «профильной» была бы статья о выполнении или невыполнении пароходством производственных планов.

Но на такие «серьёзные» производственные темы я тогда не рискнул замахиваться. Считал себя недостаточно компетентным. Решил, что раз приехал сюда минимум на три года (по трудовому договору), то надо накопить знания, а потом уж и выступать квалифицированно. Старался лучше познать всю речнофлотовскую технологию.

В июне того же 1970 года я запросился во вторую командировку в Усть-Кут. Дали разрешение нехотя. Я решил воспользоваться возможностью проплыть на грузовом судне, увидеть команду в действии, познать опасности плавания в верховье реки и, разумеется, увидеть ленские красоты.

Мне разрешили доплыть до Якутска на СП-816Т. Увы, речные суда не блещут оригинальными названиями. Их так много, что большинству давали серийные названия: скажем

«Морской-1» (или «2», «19»), «Волгонефть» с порядковыми цифрами и т. д. И ещё менее романтично – аббревиатурой. Имя доверенного для моего плаванья судна расшифровывается так: «сухогруз палубный, толкач». Ну, а порядковый номер означает, что таким по счёту построили его на советской верфи.

Сам по себе СП-816Т длинный, а ещё впереди себя он толкал, накрепко прикреплённую баржу, и общая длина была очень внушительной – порядка ста тридцати метров! Это увеличивает производительность, но осложняет маневрирование. Особенно там, где фарватер узкий. А в верховье Лены он везде неширок. И мы с затруднениями выруливали из порта Осетрово в далёкое плавание.

– Главное – до Витима добраться, – констатировал капитан с бравой фамилией Орлов. – Там посвободнее будет...

Общаясь с ним, я понял, что он стеснялся своего полного имени и отчества – Владимир Ильич. В эпоху построения коммунизма это обязывало, а он – простой ленский капитан. Ну, как простой? На судах ходил с сорок второго года. Начинал рулевым. Воспитывался в святости к своему кораблю:

– Механик, у которого я учился, заходил в машинное отделение и, даже если никого не было, говорил: «Здравствуйте». Вот так...

Я не мог сидеть в каюте пассажиром, и всё время находился в рубке. Отсюда и речная панорама в лучшем виде, и можно следить за командами капитана и действиями рулевого.

Вскоре я решил, что уже всё понял: как надо расходиться со встречными судами, как держать курс по бакенам и береговым створным знакам. И... попросился порулить. Мне разрешили. Естественно под присмотром. Держать нос чётко по створам у меня получалось неплохо. Сложнее было на значительном расстоянии от встречного судна и на крутых поворотах русла понять, какими бортами мы будем расходиться, когда сблизимся. Но вскоре и эту азбуку я освоил, к тому же научился понимать лоцманскую карту. И несколько часов подряд, не отходя, рулил судном. Это завораживало. Меня с трудом уводили на камбуз подкрепиться. Команда привыкла к моему «дежурству», и однажды...

Дело было под вечер. Потемнело. Засветились бакены и береговые створы. Смотрю я на эти светящиеся точки и точно держу курс на них. И вдруг в рубку вбегают испуганный Ильич, отталкивает меня и круто даёт лево руля. И тут только я понимаю, что вёл судно точно в берег. То ли я устал уже, то ли глаз, что называется, замылился, но я перепутал костёр на склоне высокого берега с огоньком створного знака. Я с ужасом наблюдал, как наш длиннющий сухогруз-толкач, несмотря на предельно резкий поворот рулями, стремительно приближается кормой к берегу. Мы едва не задели его.

Я понял, что мне уже не дадут порулить, да и я, весь дрожа от испуга за чуть не содеянную аварию, перешёл в ранг добропорядочного пассажира.

Вести такие длинные суда по верховью Лены даже профессионалам не просто. В этом я убедился на следующий день. Мы проходили Щёки. Это – громадные береговые скалы, образующие каньон. С быстрым течением. К тому же – извилистый. Глубины хватает. Но из-за узости хода важно правильно маневрировать и не приблизиться к берегу, где можно зацепиться за острые подводные выступы.

Когда Щёки оказались позади, капитан обратил моё внимание на сухогруз, который залез носом на пологий берег.

– Поцеловал камень. А чтобы не утонуть и на месте подремонтироваться, вот и сел на берег, – пояснил Орлов.

К аварийному теплоходу уже подогнало другое судно, велась перегрузка...

Чтобы в подобных узких местах не произошло столкновения судов, здесь устанавливали... светофоры.

А ещё в верховье есть и такая опасная скала, как Пьяный Бык... Да и на притоках без аварий ни одна навигация не обходится: то судно на мель сядет, то бережок зацепит.

Не так уж невинна и доброжелательна красавица Лена. Только в начале навигации, по высокой воде, можно проплыть от Усть-Кута вверх по течению до Качуга, и по многим её притокам. В межень мелководные участки бассейна становятся труднопреодолимыми для судов. Без потери винтов, посадки на мель, а то и пробоин ни одна навигация не обходится, рассказали мне речники.

Когда я ещё стоял у руля, то особое напряжение у меня возрастало при обгоне лесосплавных сигар. Тут свои особенности. Нельзя слишком быстро идти, чтобы волна не разрушила этот длиннющий плот. Но долго идти параллельным курсом, особенно там, где фарватер не широк и извилист, тоже опасно.

Трудно представить, как такую сигару длиной в несколько сотен метров проводить по извилистым участкам. Это же каким мастерством, опытом и чутьём нужно обладать! А плотогонам – быть эквилибристами. Я видел, что на некоторых плотах стояли палатки. То ли так положено, то ли это самостоятельное решение?

Вообще этот вид доставки круглого леса – анахронизм. Он был вызван отсутствием у лесоотправителей соответствующих погрузочных механизмов и надёжных подходов к реке. Да и откуда всему этому взяться в глухомани? Конечно, он более прогрессивный, чем молевой сплав, когда лесорубы просто скатывают брёвна с берега в воду, и река сама доставляет их вниз. Потом их вылавливают с помощью бонных заграждений. Но этот способ применим лишь на небольших речках, где нет судоходства. И он опасен для экологической обстановки. Немало брёвен застревают по пути, гниют.

Но и сплав в плотах тоже не надёжен. Случалось, что из-за шторма и сильного волнения плот разрушается, и вся эта гигантская масса устремляется вниз, до самого океана. Что-то, может быть, и успеют выловить, но потери огромны. И побережье Ледовитого океана было усеяно брёвнами. Долго находящиеся в воде, бесхозные брёвна превращаются топляки, которые и не совсем тонут, и не видны на поверхности, становясь опасными, как боевые торпеды. Столкнувшись с ними, суда рискуют получить пробоину. Особенно опасны они для быстроходных судов на подводных крыльях. Поэтому самый правильный, экологически и экономически выгодный способ доставки леса – на борту судов. И не кругляк надо доставлять на Крайний Север, где нет лесобрабатывающих производств, а пиловочник. Но таких специализированных судов тогда не хватало...

Рулевой Володя был прописан... на судне. И ему пришла персональная радиограмма: в воскресенье – выборы, проголосовать! Мы остановились в Ленске, чтобы он, да и весь экипаж выполнил свой гражданский долг. Да и я тоже. Причём у меня не было паспорта (я его отправил в Москву для выписки). Поверили, что я обладаю правами гражданина СССР по редакционному удостоверению. Кто был тот кандидат – представитель «блока коммунистов и беспартийных», понятия не имел. Но голос свой отдал, не раздумывая и не сомневаясь, что человек этот достойный. Коли его рекомендует партия...

Одно из чудес не только Якутии, но и всего света – Ленские столбы. Я слышал о них и попросил экипаж предупредить меня, поскольку проплывать мы будем, как выяснилось, ночью. Белой ночью. Так что хоть света было бы маловато, чтобы сфотографировать каменных исполинов, но зато загадочнее могли выглядеть эти башни то ли недостроенных, то ли полуразрушенных замков. Меня успокоили: мы будем плыть вдоль них несколько часов. Ведь их протяжённость составляет восемьдесят километров.

Завораживающим оказалось зрелище!

Странно, что всей стране было лучше известно про Красноярские столбы, хотя с Ленскими они несравнимы по масштабам. Возможно, потому, что те ближе к цивилизации и доступнее. Но ещё более эффектные, на мой взгляд, столбы на притоке Лены – реке Синеи.

Но до них добраться сложнее. Синяя (название дано не за цвет воды, это искажённое якутское или эвенкийское слово, в переводе означающее «узкая») не судходна. До её столбов можно добраться только или на вертолёт, или поднимаясь против течения.

В Якутском речном порту не было ни цветов, ни улыбок встречающих, даже каких-либо официальных представителей. Лишь краны молчаливо кивнули и начали выгружать то, что мы безаварийно доставили сюда, потратив четыре дня на две тысячи вёрст... Вот только до выполнения пятилетнего плана «ударной» пятилетки в тонно-километрах ещё далеко: его неожиданно резко увеличили, пожаловался капитан...

Был у меня ещё один познавательный рейс. Решил проплыть морем из Тикси в устье реки Яны. Подвернулся попутный транспорт. С верховья Лены перегоняли построенный там новый речной буксировщик-толкач. Этакая тупорылая коробочка. Его экипаж состоял всего из двух человек – капитана и механика. Я стал третьим. По морю нас дотащил морской буксировщик. Так надёжнее, хотя бы потому, что на речном судне нет компаса. Капитан рассказал, как однажды в сопровождении морского судна от устья Лены на восток шёл целый караван речных. И кто-то в тумане отстал. Плывёт, а не знает, куда плывёт. Слезно радирует: где я? И смех, и беда... Обнаружили его: он двигался на север, ко льдам.

Морское судно ушло, мы остались одни среди безбрежной глади воды. Где же берег? А до берега ещё надо было добраться, преодолев бар. Бар – это не то место, где пьют, а некий подводный вал, образованный речными выносами. По сути, это подводные пески. Их не видно, но преодолеть бар можно только, строго следуя расставленным в воде вешкам – белым палкам.

Но чтобы плыть, надо завести двигатель. А он, новый-то, никак не заводился. Прошло десять минут, двадцать, капитан с механиком, матерясь, возились с дизелем, а я ждал на палубе. Подул ветерок, нас стало относить в сторону океана. Стало неудобно от мысли, что нас унесёт туда, откуда мы ничего не увидим: ни берега, ни вешек. К тому же без работающего двигателя на судне холодно, а температура воздуха лишь около десяти градусов. А если ветер усилится?..

Моё напряжённое состояние разрядило появление нерпы. Эта глазастая бестия, то с одного борта покажется, то с другого. Знает, что возле корабля можно пожить.

Прошло больше получаса, прежде чем удалось запустить дизель. Кораблик ожил, задрожал от нетерпения, и мы двинулись... Да не в ту сторону. Оказалось, что заклинило рулевое управление. Руль не поворачивался. Это, как установили его на стапелях, так в таком положении он и замер. Ещё повозились какое-то время. Благо, летом день здесь, в Заполярье, продолжительный.

И вот мы плывём среди вешек, круто огибающих подводные мели. Крутились, крутились по обставленному коридору, капитану это надоело, и решил он срезать острый угол. И мы застряли. Смех да и только. Посреди водного простора, где даже и берега ещё не разглядеть, речное судно с очень маленькой осадкой – ни туда, ни сюда. И крутились, и дёргались взад-вперёд... Наконец, подводным пропеллером судно размыло подводный бугор, и мы, уже не выходя за рамки коридора, установленного путевцами, добрались до устья Яны...

В обратный путь я также решил добраться попутным судном. На Яну приходят сухогрузы от порта Осетрово, доставляя всё необходимое горнякам, геологам, строителям, оленеводам. Я поднялся на весьма комфортабельное судно чехословацкой постройки. Оно вместительное (пять тысяч тонн грузоподъёмностью), могло выходить в прибрежное морское плавание, так как считались классом «река-море».

Вышли мы на тот же пресловутый бар, но стало уже темно, и капитан застопорил ход. Бросил якорь. Объяснил, что у их компаса не сделана поправка на девиацию – высокоширотное отклонение между географическим Северным полюсом и магнитным, поэтому рисковать в темноте он не хочет. Что делать? Ждать утра или попутного морского корабля с пра-

вильно настроенным компасом. А я очень спешил вернуться в Тикси и потом в Якутск. Весь экипаж ушёл в каюты отдыхать. Я остался в рубке. Ждал попутного транспорта. И дождался.

Мимо нас прошмыгнул морской буксировщик. Я побежал будить капитана: «Быстрее! Уйдёт». «Не уйдёт», – спокойно возразил капитан, отдавая команды к отплытию. А от буксировщика уже еле-еле виднелись огоньки. Но наше судно оказалось быстрее, и мы стали догонять его.

Я напросился в рулевые. Здесь не надо искать створные знаки – следуй за впереди идущим «моряком». Одно только неприятное ощущение: наше длинное судно с пустыми отсеками было лёгким, сильно возвышалось над водой и, как гусеница изгибалось на волнах. А выдержит ли корпус? Когда приблизились к буксировщику, я старался идти точно за его кормой, по следу, где он как бы срезал волну. Но он короткий, а наше судно раза в три длиннее... «Ты что юлишь?» – Обеспокоенный «слаломным» движением вверенного ему корабля, капитан вернулся в рубку. «А мы не развалимся?» Он успокоил: судно крепкое, рассчитано на большие волны...

Когда обогнули выступающий далеко в море мыс Буор-Хая, капитан засёк прямой курс в сторону Тикси, мы обогнали буксировщик – теперь этот проводник нам уже не нужен. А я пошёл спать...

Но все эти романтические приключения не оказали никакого положительного влияния на мою соборовскую продуктивность. По-прежнему я писал не то, редакция мои опусы не печатала, за исключением очень коротеньких сообщений, в том числе и по заказу из Москвы. Например, такую «нетленку» сочинил я в подборку «Навстречу выборам»:

Завтрашний уровень производства, материального и культурного благосостояния народа зависит прежде всего от результатов сегодняшнего труда. Эти слова из Обращения Центрального Комитета нашей партии к нам, избирателям, глубоко понятны и близки каждому советскому человеку.

Так повелось, что перед очередными выборами мы анализируем наши успехи и недостатки. За четыре года народное хозяйство Восточной Сибири шагнуло далеко вперед. Это сказалось и на развитии водного транспорта. Объем перевозок грузов увеличился на 33 процента. На Лене появилось много новых судов...

Этот текст я не смог бы сейчас придумать. Он сохранился у меня в записной книжке. Видимо, я писал его где-то по дороге к автору этого эпохального сочинения. Писал я его за какого-то «работника диспетчерской службы». Далее я, то есть он говорит о «неиспользованных резервах», о том, что «надо их выявлять, устранять ошибки на каждом рабочем месте, это и станет залогом еще более быстрого развития речного флота»... И подобные штампованные словеса печатались от выборов до выборов, от съезда к съезду. Выносились на первые полосы всех газет Советского Союза, создавая иллюзию неуклонного, «более быстрого» развития страны, единства народа и партии при всеобщем «одобрямсе»...

Ко мне в Якутск, чтобы наставить меня на путь истинный, прилетел зам главного редактора Владимир Сорокин. Но ничем помочь он мне не смог. Вот если бы мы вместе сделали какой-нибудь весомый материал, или он подсказал темы будущих статей, но... Он не речник, в этой сфере глубоко не разбирался, к тому же ежедневно «плохо себя чувствовал», объясняя своё состояние скачком артериального давления, и подолгу отлёживался в гостинице «Лена». Была только одна совместная акция: мы на экскурсионном теплоходе «Россия» сплавали к Ленским столбам.

Вскоре после возвращения Сорокина в Москву мне позвонила его жена и стала допытываться, не я ли его сдал, сообщив редакции, что он тут запил. Вот ещё один признак скандалёзности этой редакции. Я, естественно, отрицал, поскольку действительно не знал о причине его перманентного «плохого самочувствия»: когда мы встречались, от него алкоголем не пахло.

Через полгода, когда я получил первую северную десятипроцентную надбавку к окладу, отношение редакции ко мне заметно ухудшилось. Получилось так, что мой общий доход превысил оклад редактора отдела. В то время как мой «валовый продукт» в присланных строках был непропорционально мал. Меня вызвали в Москву «на ковёр». Мой отчёт проходил в обстановке лютой ненависти тех, кто меня возненавидел, и при сочувствии тех, с кем отношения были вполне приличными. Главный редактор не устроил разнос, он просто по-человечески поинтересовался, смогу ли я в Якутске устроиться, если «Водный транспорт» откажется от моих услуг.

Ко мне опять прилетел Сорокин. На этот раз, чтобы уладить кадровый вопрос. Ему было важно срочно найти мне замену из местных, чтобы перед редакцией снова не встал злополучный «квартирный вопрос». Я рекомендовал Евгения Баханова, опытного журналиста, возглавлявшего в газете «Социалистическая Якутия» отдел промышленности (и строительства, и транспорта, и геологии).

В результате получился кадровый бартер: Женю утвердили на моё место, меня взяли на его. Я был очень доволен таким исходом – с моей израненной души свалился тяжкий груз. К тому же я благополучно избавился от транспортного узкотемья, которое не вызывало у меня энтузиазма. Вся Якутия давала более широкий простор для творчества.

Как всегда на новом месте, у меня сначала дела разворачивались ни шатко, ни валко. Я – о моих собственных публикациях. И здесь я, хотя и скрупулёзно, но слишком медленно вживался в темы, не спешил готовить собственные большие материалы. Но первой значительной публикацией (вот парадокс!) стала целая полоса на воднотранспортную тему – про Жатайский судоремонтный завод, про его проблемы. После этой публикации главный редактор Олег Якимов вздохнул с облегчением: наконец-то я прорезался! И обком партии утвердил меня членом редколлегии. Лёд тронулся...

Загружают суда за сутки, а разгружают полмесяца

В записной книжке я нашёл очень длинную и подробную запись беседы с начальником Ленского пароходства Дубровским в 1977 году. Я уже не тот собкор-новичок, что когда-то растерялся от обилия тем и неумения их использовать для публикаций. Очень насыщенный, доверительный получился разговор по итогам очередной навигации. Возможно, проблемы настолько допекли этого сурового мужика, что он решил открыться. К тому же тогда у меня уже были громкие статьи в «Социалистической Якутии», и это вызывало ко мне доверие как к автору. Было ли напечатано это интервью, не помню. Экземпляра газеты с публикацией, даже если она состоялась, у меня не сохранилось. Цитирую наш разговор по своим записям.

Как водится среди начальников, Дубровский в своём рассказе перемежает успехи с недостатками, ошибки своего предприятия с недочётами смежников и нехваткой внимания со стороны министерств. Не буду повторять его слова о достижениях, сейчас они не имеют никакого значения, а также его самокритику об аварийности, которая самая высокая по министерству (а условия работы-то какие экстремальные!), о недисциплинированности, из-за чего пришлось снять нескольких капитанов, о неритмичности по вине самих речников... Меня сейчас больше интересуют проблемы, которые иллюстрируют, в каких общих народнохозяйственных и природных условиях достигались «трудовые победы» и насколько малоэффективна была государственная экономика – вроде плановая, но не стыкующаяся по отраслям.

Вот выжимки из сказанного Дубровским во время нашей беседы:

Годовой план перевозок не выполнен. Главная причина отставания – недостаток флота под значительное увеличение объёмов против установленного пятилетним планом. А также из-за мелководья. Такого затяжного безводья на верхней Лене не было семьдесят лет. Ледообразование на средней и нижней Лене произошло на семь – девять суток раньше среднегодовых сроков...

Все продукты и основные промышленные товары вывезены из Осетрова. Но раннее ледообразование не позволило часть грузов доставить до пунктов назначения – особенно в Якутск и в районы Центральной Якутии. Зазимовали: в Олёкминске – 23 тысячи тонн, Пеледуге – 19 тысяч. В основном – технические грузы и стройматериалы.

Можно было бы даже в таких условиях больше завезти? Да, можно.

Недостаточно эффективно используется наш транспортный флот. Растут встречные перевозки. Завозятся через Осетрово материалы, изготовление которых уже освоено здесь.

И такие застарелые причины: неподготовленность причалов отправителей и получателей – несоответствие глубины, отсутствует перегрузочная техника – даже у УМТС [Управление материально-технического снабжения] Якутского района нет ни одного крана для тяжёловесов. У большинства леспромхозов нет причалов, крановой механизации. Табачинский лесокombинат не имеет причала и перегрузочной техники. Якутский гортон уже догоняет «Якутлес» по заготовке леса, но нет ни одного причала и перегрузочной техники.

На всех предприятиях не накапливается груз для судовой нормы... Суда приходят, а груза нет. Флот простаивает, не завозит грузы другим заказчикам.

Устаревшая технология разгрузки флота: судно – автомашина. Это приводит к колоссальным простоям флота, механизации, рабочей силы. Особенно это в Ленском порту [принадлежал Министерству цветной промышленности СССР, туда приходили грузы для алмазного края], на других ведомственных причалах. Если бы только в Ленске иметь грузовые площадки и промежуточные склады, норма обработки флота была бы снижена как минимум на тридцать процентов. Значительно было бы сокращено количество рабочей

силы. Себестоимость погрузочной работы уменьшилась бы. Но Минцветмет, несмотря на доводы и расчёты, не изменяет положение дел.

В десятой пятилетке мы сдерживаем развитие контейнерных перевозок – только потому, что не можем вывозить контейнеры из-за недодачи железнодорожных вагонов. Ежегодно в бассейне остаются не вывезенными свыше тридцати тысяч контейнеров. Увеличивается количество большегрузных контейнеров, но их также не вывозят в достаточном количестве – нет подвижного железнодорожного состава.

ЛОРП – пионер пакетных перевозок на речном флоте страны. Однако грузы в мешках (сахар, цемент, мука и т. д.), несмотря на утверждённые типы конструкций, не внедряются. В результате Осетровский порт вынужден их пакетировать в порту. Но отсутствие промежуточных складов в Ленске и других ведомственных причалах сводит на нет усилия портовиков, так как груз расформировывается непосредственно в судах, на что тратится много времени. Так, в Осетровском порту тысячетонное судно загружается продуктами и промтоварами 24 – 30 часов, а в Ленске (при расформировании) оно разгружается от 8 до 15 суток.

Диспетчерские службы на причалах получателей не работают круглосуточно – только днём. И контроль обработки флота затрудняется. Передать им информацию о подходе судов бывает некому. И суда простаивают в ожидании подготовки к разгрузке.

Из-за нечёткого плана внутрибассейновых перевозок происходит выколачивание флота. И эти внеплановые перевозки исключают плановые...

Кто и как выколачивает – понятно. Этим всегда занимались местные партийные власти. Им нужно обеспечить население продуктами, горючим, запчастями, а в нашей стране всегда зима приходит неожиданно, не по расписанию, вот и стучат кулаком: «Ты прежде всего – коммунист!»

И ещё одно алаверды: Дубровский чётко разложил по полочкам всё, что мешало речникам нормально работать, и, надо полагать, он о них не раз говорил и в партийных органах, и в министерстве. Так почему же эти известные, обмусоленные проблемы не преодолевались?

...Жаль, если интервью не было опубликовано. Это меня реабилитировало бы за мою неудачу в «Водном транспорте». Но эти же проблемы – нестыковка отраслей, нереальность планов и тому подобные – были освещены мною в публикациях про другие отрасли Якутии.

Блеск и нищета алмазного края

Партия велела – журналист ответил: «Есть!». Далеко не всегда именно партия, то есть конкретный партийный деятель давал указание корреспонденту, о чём писать. Для этого есть прямой контакт: партком – главный редактор. А уж тот распорядится, чем тебе заняться. Но и это не обязательно. В более широком смысле указания давали постановления пленумов ЦК или съездов КПСС. И если уж решили, скажем, повышать эффективность производства или снижать затраты, то как газете не откликнуться публикациями на эту животрепещущую тему!

Приёмы для реагирования прессы были разные.

В первую очередь газеты давали отклики на «исторические решения». А они всегда были «историческими» – наверно, потому, что очень быстро уходили в глубокую историю, поскольку никогда до конца, полностью не выполнялись! Не верьте пожелтевшим страницам советских газет, от края и до края заполненным словами поддержки. Да, иногда присылали вполне искренние отклики, написанные по велению собственного сердца. Но главным образом в письмах были крики о помощи, вызванные как раз этими новыми решениями. У людей появлялась надежда, что их проблемы наконец-то останутся в тяжёлом прошлом.

В основном же отклики готовились профессиональными журналистами. Готовились по накатанному социальному набору: от рабочего или колхозника до директора или председателя, от рядового инженера до академика. Понимая «важность момента», корреспондентам не отказывали в просьбе. Да и редакции выбирали людей проверенных, по рекомендации парткомов или уже известных своей «правильной» общественной позицией.

Пишу эту прелюдию потому, что не помню, как я замахнулся на столь щекотливую тему и на такую объёмную публикацию. Статья в трёх отдельных номерах газеты – это по личному хотению не делается. Это заранее согласуется.

Тогда, в 1970-е годы, компартия была озабочена низкой производительностью труда в нашей экономике. Мы не только значительно, в несколько раз (!) отставали по этому показателю от передовых стран (и до сих пор отстаём), но и не выполняли собственных планов роста. Предприятия ведь получали деньги не за производительность, а за реализацию своей продукции, в соответствии с планом выпуска и потребления, спущенного сверху в рублях! А какой ценой это достигалось – дело второстепенное, за это не снимали с должности.

Но отставание в эффективности экономики становилось всё более угрожающим. Недаром наш мудрый генсек Брежнев изрёк классическую формулу для выживания нашей системы: «экономика должна быть экономной!»! Должна быть – и всё! И вслед за озабоченностью этой проблемой в Кремле озаботились и парткомы всех уровней, следовательно, и их газеты. Надо было как-то реагировать, принимать местные решения, кого-то поднимать на щит за успехи, кого-то пришпорить.

Я понимаю так, что вопрос о повышении эффективности был внесён в повестку дня бюро Якутского обкома партии, а значит и его газета должна была каким-то образом заранее отреагировать. И, признаюсь, скорее всего, эту тему и поездку в алмазный край мне предложили. Не хочу приписывать лично себе желание взяться за такую объёмную и весьма щекотливую тему. Ведь алмазный край Якутии был в определённом смысле гордостью автономной республики.

Но не хочу сказать и то, что мне это было не интересно. Напротив, ещё раз побывать там очень хотелось. В западной части Якутии шли грандиозные изменения: строились город Мирный, посёлки, новые объекты алмазодобывающей промышленности, вторая очередь Вилюйской гидроэлектростанции... Размах и темпы завораживали. Однако редакция не всегда могла меня, руководителя отдела, надолго отпустить – уж слишком много повсе-

дневной суеты по выпуску текущих номеров. Но тут надо было подготовить публикацию к бюро обкома, на котором собирались обсудить работу крупнейшего в Якутии генподрядчика – «Виллюйгэсстрой».

Я не был прямо озадачен редактором раскритиковать строителей. Нужен был анализ, а не поверхностный окрик. И я посвятил этому длительную поездку.

Перво-наперво я отправился на самый крупный по объёмам капиталовложений и самому важному для промышленности Якутии, да и для всей страны весьма ценный объект – возведение новой обогатительной фабрики. Её строили возле самой богатой алмазами трубки – «Удачная».

В начале первой части из моей трилогии под общей рубрикой «Письма со строек алмазного края» («**На ударной – затишье**», 18 октября 1972 года) я констатирую положительное:

Главная стройка «Виллюйгэсстрой» (впрочем, как и всей нашей республики) – комплекс горно-обогатительного комбината на трубке «Удачная». Как известно, она началась с возведения временного поселка строителей – Надежного. Сейчас здесь около сорока двухэтажных благоустроенных домов, столовая и ресторан, школа, детский комбинат, поликлиника со стационаром, магазины. Скоро будут сданы клуб, гостиница. Строятся детский сад, спортивный зал. Такого начала работ – без палаток, без балков – не знала ни одна большая стройка Якутии.

Безусловно, освоение алмазных месторождений преобразил край. Даже по моему короткому перечню видно, сколько построено за непродолжительный срок в этом почти безлюдном крае. Однако я же приехал, чтобы разобраться, почему этот генеральный подрядчик «Виллюйгэсстрой» не справляется с заданиями по росту производительности труда. Не справляется вот уже два года подряд. Отставание вроде бы и не столь катастрофично, на три-четыре процента, но всё же это сигнал того, что расширение производства идёт экстенсивным способом. Что не в русле решений партии и вообще тормозит развитие советской экономики.

Для начала объясню несурязицу, почему этот «гэсстрой» возводит алмазодобывающие предприятия. Потому что другого генподрядчика на огромной территории Западной Якутии просто не было. Но я не заостряю ныне модный вопрос об отсутствии в такой ситуации конкуренции. Тогда, как говорится, было не до жиру – быть бы живу: есть застройщик – и ладно.

Тут закавыка в другом. Этот генподрядчик – структура союзного Министерства энергетики и электрификации, а алмазодобывающие предприятия и окружающая их инфраструктура – вотчина Министерства цветной металлургии СССР (ну, а куда иначе подчинить алмазодобытчиков?!). К чему это ведомственное раздвоение приводило, я ещё расскажу. А сейчас о причинах невыполнения плана по росту производительности.

В редакции «Социалистической Якутии» любили пошутить...

Я привожу в статье привычную ссылку на собственные сложности – перебои в снабжении. Удачный считался полюсом недоступности. До центра алмазного края – города Мирного более полутысячи километров! А от него до берега реки Лены, где расположен порт, снабжающий эту часть Якутии, – ещё столько же! Представляете, какой сложный, дальний путь для снабжения! Аэропорт Полярный, километрах в двадцати от Удачного, только строился. Но всё эти транспортно-снабженческие проблемы были известны заранее! Неужели, когда верстали планы, не учитывали эту удалённость?

Строители пожаловались мне на непредсказуемое, по их мнению, ценообразование: намного снизили стоимость некоторых работ. А так как производительность исчисляется в рублях, то она и просела. Ох, уж эти странности советского планирования по рублёвому валу. Но об этом снижении цен, как я выяснил, министерство заранее предупредило. И снижение состоялось только в текущем году, но ведь задание по росту производительности, как я уже отметил, не выполнялось и ранее.

Но это, так сказать, привнесённые проблемы. Я отметил огрехи самих строителей. Потери рабочего времени (от простоев) за 1971 год по сравнению с предыдущим годом увеличились вдвое! Это официальные данные, и явно заниженные, не учитывающие скрытые потери, например – использование рабочих на менее квалифицированной работе.

Технический уровень, отмечаю я, остаётся низким. Так, по старинке строящиеся дома окутаны плотным слоем традиционных строительных лесов, хотя собирались перейти на сборно-разборные монтажные леса, на использование люлек и телескопических вышек. Воз-

водить леса – на это уходит уйма времени. И завозить для них доски и брус – за тысячи километров по воде и примитивным дорогам, в том числе по зимникам, весьма обременительно. Правда, это вина не самих строителей, а тех, кто техническое развитие обязан обеспечить, тех, кто сидит в московских министерских кабинетах.

И вот к чему приводит недоснабжение. Вижу: мощный самосвал «КрАЗ» привозит строителям... хилый пучок досок для опалубки. Но как иначе? Не на себе же их таскать – на морозе и по снегу! А всё потому, что не обеспечили строителей ни одной бортовой машиной! Тех, что строит будущий город!

Хуже того, половина автотранспорта отработала положенный срок. Гараж автобазы стоит без крыши. И это в октябре, когда уже крепкие морозы, а впереди – долгая суровая зима. Где же будут парковаться и ремонтироваться машины? И всё это происходило в районе с тяжелейшими природными условиями! Вся надежда – на энтузиазм «патриотов» и находчивость советских Левшей.

Были и такие свои собственные ошибки.

Начали строить общежитие. Воткнули сваи в скважины, но замешкались с бетонированием. Пустоту заполнила вода. Грянул мороз. Вынуждены были замёрзшие в земле сваи срезать и ставить новые.

Похожий случай. Бетонировали основание насосной станции в посёлке Айхал, но заморозили. Пришлось сразу же ремонтировать, укреплять металлом.

Ленский комбинат стройматериалов поставлял пилопродукцию с повышенной влажностью. Из-за этого приходилось перестилать полы... Сухую штукатурку перевозили не в жёсткой таре. На длинных и неровных якутских дорогах она обламывалась, приходилось её обрезать.

За всякие переделки только в том неполном году заплатили десятки тысяч рублей...

Бич советских строек – задержка с проектно-сметной документацией. Особенно это болезненно, когда стройка «ударная».

Подрядчикам она должна была поступить до первого сентября, но к моему приезду (это уже был октябрь) институт «Якутниипроалмаз» передал только... справку о состоянии проектов.

Но после получения проектов начинаются традиционные распри, перетягивание каната:

Выясняли, из какой стали изготавливать анкерные болты для фабрики, каким способом – шахтным или открытым – строить корпус дробления. В результате были сорваны сроки начала работ на важнейших объектах, упущено благоприятное время для бетонирования. К тому же стройка до открытия зимника практически осталась без цемента.

Потери, потери, потери... А это за счёт населения – ведь финансирование-то государственное. Следовательно, меньше государство могло выделить денег на социалку, на улучшение инфраструктуры и быта.

В результате всех передряг строительство важнейших в то время объектов края – гигантской обогатительной фабрики № 12 и нового города – шло с отставанием. Но, что любопытно, здешний генподрядчик – управление строительства «Айхалэнергопромстрой» (подразделение «Виллюйгэстроя») с лихвой осваивало выделенные капиталовложения. Вот такое было планирование! Главное – «освоить», то есть потратить средства. А на каких работах – это решает сам генподрядчик. Он и осваивает. На самых дорогих – на земляных...

Об этих загогулинах планирования я подробно рассказываю во второй части. Но прежде чем отправиться в город Мирный, расскажу о некоторых эпизодах командировки, не вошедших в статью.

Мне устроили экскурсию на действующую обогатительную фабрику № 11. Технология передовая. В данном случае, как я понял, мы не отставали от схожих африканских и других предприятий в мире, где также в качестве сырья использовалась руда. Мне показали кучу пирропа – горошины тёмно-красного цвета. Этот минерал используется ювелирами. Но в данном случае пирроп важен тем, что он спутник алмазов.

«А сами-то алмазы можно увидеть?» – нетерпеливо спрашиваю я «гида».

Кимберлитовая руда доставляется с карьера на фабрику огромными самосвалами. В то время здесь использовались «БелАЗы», но впоследствии перешли только на зарубежные, более мощные и более надёжные. Руда дробится, мелется до определённого размера. Размельчённая фракция размывается и подаётся на конвейер. Чтобы обнаруживать на нём кристаллы алмазов, конвейер подсвечивается люминесцентными светильниками.

Меня подвели к окошку возле конвейера. И вдруг я увидел алмазик... в щели рамы окошка. Я взял его дрожащими пальцами. Это такая драгоценность!? Мокрый, грязный крохотный, миллиметра четыре, осколок стекла – не более. Сзади чуть не в крик: «Бросьте его туда!» Я испуганно бросил. И он канул в фабричном чреве. Сопровождавший сотрудник обиженно заметил: «И совсем не крохотный!» Действительно извлекаемые после дробления породы алмазы – в основном мелкие, для технических целей. А этот был ещё ничего – покрупнее.

Заторопили меня избавиться от алмазика потому, что с охраной достояния страны здесь очень строго. Нельзя постороннему человеку даже трогать эти дорогостоящие камешки. Крупные же находки (до трёхсот с лишним каратов!) на особом счету. Каждая – со своим персональным именем. И, как правило, попадает в коллекцию Алмазного фонда страны.

Но как бы ни было строго с охраной, увы, воровали! Мне рассказывали тогда, как выявили криминальную цепочку. Унести алмазы с обогатительной фабрики в одежде невозможно – приборы, стоящие на выходе, обнаружат. Но женщинам есть куда прятать драгоценные камешки и не в одежде. Они легко проносили их мимо чуткой техники. Далее – вопрос сбыта. И это тоже было налажено. Когда якутские алмазы обнаружались в «свободной» продаже на чёрных рынка знойного юга страны, этим занялись чекисты. Заслали в Мирный «покупателя». Таким способом всех и повязали... Вот только надолго ли защитились от воровства?

На меня произвели сильное впечатление размеры одиннадцатой, работающей фабрики, но двенадцатая, строящаяся, была спроектирована ещё более мощной. В ожидании перемалывания больших объёмов кимберлита.

Не помню, на какой глубине тогда разрабатывали карьер на «Удачной». На трубке «Мир» уже дошли до глубины почти двести метров. Я был потрясён размером дыры в якутской земле, когда смотрел на алмазный карьер из самолёта. Диаметр был практически равен ширине города Мирного. Внутри, на дно карьера, где велись буровзрывные работы, гигантские самосвалы долго, медленно, осторожно скатывались и также не спеша поднимались по многоярусной спирали. Тогда уже начались проектные работы по переходу на шахтный способ добычи руды. И сейчас, в новом веке, разработка ведётся там на глубине порядка полукилометра!

К сожалению, вынужден здесь добавить печальную новость. На днях, в начале августа 2017 года, здесь произошло затопление подземных выработок. Почти полторы сотни рабочих были благополучно выведены на поверхность, но на тот день, когда я пишу эти строки, восемь человек всё ещё не обнаружены, и с каждым днём их спасение становится всё более нереальным...

На трубке «Удачная» глубина в настоящее время уже достигла шестисотметровой отметки. Построена шахта. И утверждены промышленные запасы алмазов до глубины 1400 метров!

Теперь представьте, какие накапливаются колоссальные отходы из обогажительных фабрик – так называемые хвосты (миллионы тонн за год!). Куда же их выбрасывать? Просто в долины рек? Но эти хвосты – не только раздробленная горная масса, это ещё и химия. Такие отходы губят окружающую природу. Она и так сильно страдает от гигантских карьерных дыр, мощной техники... Строят специальные хвостохранилища.

Чаще всего горняки устраивают их в долинах маленьких речек. Делают плотину, и в образовавшийся резервуар сбрасывают отходы производства. Но отходов слишком много. Надо было искать более просторный резервуар. И за несколько дней до моего приезда на трубку «Удачная» там устроили ядерный взрыв. Под землёй. Специалисты подсчитали, что так они одним махом создадут объёмное место для хвостохранилища. Да просчитались, видимо, не всё учли. Случились выбросы радиоактивного вещества в атмосферу. О заражении глубинных пластов я уж и не говорю.

Об этом взрыве всего в двух километрах от посёлка Надёжный доблестная советская пресса, естественно, не сообщала. Я узнал, однако мог ли написать об этом эксперименте? Написать мог, но не напечатали бы. Цензура запрещала. Но я ведь ещё знал и про опасения местных жителей. Поскольку все так или иначе были связаны с добычей алмазов, тайной такое пугающее событие не стало. Они с тревогой ожидали последствий взрыва. Но здешнее начальство убеждало, что ничего опасного для жителей не будет.

Мне рассказывали, что сам руководитель местного советского органа ходил по домам Надёжного, призывал не паниковать и не убежать отсюда, личным примером показывая, что ничего опасного не будет, дело, мол, НАДЁЖНОЕ. Но слухи о выбросе распространялись. Как удалось их пресечь и остановить бегство людей, точно не знаю. Но для этого, видимо, задействовали всех: от парткомов до чекистов. Да и как убежишь от больших денег?! Ну, кто-то, может, и «отлучился» по внезапной надобности. Но ненадолго...

Страна гордилась, что у нас построили первую атомную электростанцию. Пропагандисты подняли на щит оптимистический лозунг «Пусть будет атом рабочим, а не солдатом!». Он украшал не только город Обнинск, где возвели первую АЭС, но и праздничные демонстрации трудящихся по всей стране. Но и «мирный» атом весьма опасен. Особенно, когда власть старается скрыть огрехи от тех, кто рискует своим здоровьем. Не знаю, поднимали ли киевляне на первомайской демонстрации 1986 года к солнечному небу транспарант с этим лозунгом. Но, что в то время, когда они скандировали здравицы в честь «мудрой» Коммунистической партии, сверху на них уже падала чернобыльская радиация, это доподлинно известно.

Из-за «грязного» первого взрыва возле «Удачной» остальные пять запланированных из-за неУДАЧНОГО эксперимента отменили. Место радиационного выброса на поверхность впоследствии накрыли земляным саркофагом. А Удачный стал главным поставщиком российских алмазов. Посёлок Надёжный, временное прибежище горняков и строителей, растворился в новом городе. Но меня в Якутии к тому времени уже не было.

Второе «Письмо со строек алмазного края» я написал, побывав в Мирном («**Лишь слова, слова...**», 19 октября 1972 г.). Этот известный на всю страну город был куда более обустроенным. Однако и здесь продолжалось большое строительство. И тоже не всё было благополучно. Строители, констатирую я, не смогут до конца года сдать в эксплуатацию многие объекты, в том числе главный корпус больницы, 96-квартирный дом, профтехучилище, прачечную, телецентр.

Руководитель генподрядчика – управления «Мирныйэнергопромстрой» вывалил мне кучу причин, из-за которых план года не будет выполнен. Это напоминает анекдот про Ходжу Насреддина. Его спрашивает повелитель, почему он со своим отрядом не взял неприятельскую крепость. Тот отвечает: «На это – двенадцать причин. Первая – не было пороха...» Какого же «пороха» не хватило строителям Мирного? Если отбросить остальные одина-

дцать причин, то главная – «слишком большой план ввода». А кто виноват, что вся незавершёнка скопилась именно к концу этого года? Нельзя ли как-то так спланировать, чтобы вводить объекты равномерно в течение всего года?

Этот вопрос, кстати, я много раз задавал и другим отстающим строителям. И все они могли назвать «двенадцать причин». На самом деле, это – следствие ущербного планирования. Тут даже нельзя винить самих строителей. Если тебе нужно освоить за год столько-то миллионов рублей капиталовложений, а всяких проблем множество, и ты из последних сил стараешься натянуть выполнение задания, то какие работы будешь в первую очередь выполнять: дорогие или дешёвые? Тут и задумываться с ответом не стоит. А дорогие – это земляные, это фундамент. Дешёвые – отделочные. Вот и «зарывают» деньги в землю. В рублях это выглядит приличнее, а до сдачи объектов руки попросту не доходят.

К тому же подрядчик гневается: заказчик – всемогущее объединение «Якуталмаз» неудовлетворительно финансирует пусковые объекты. А оттуда резонно отвечают: нам не хватает средств, мы могли бы воспользоваться кредитами, но нам их не позволяют взять, так как вы не сдаёте объекты в эксплуатацию. Причём некоторые строятся по восемь – десять лет. И возникает ещё одна проблема: там многое устарело, приходится дорабатывать проекты. Заколдованный круг. Пустая трата времени и средств.

Есть и такая специфическая для Крайнего Севера проблема. Когда хочется отдохнуть после якутских морозов? Правильно, летом. Ну, по крайней мере, в тёплое время года. А когда в основном надо заниматься отделкой? Конечно же, в то же самое тёплое время года. Оно здесь очень короткое. И, когда можно штукатурить и красить, большинство рабочих (и начальников тоже!) – на Югах. А когда все соберутся – их встретят безжалостные якутские морозы. Работы идут медленнее и затратнее. Дилемма...

Третье «Письмо» («**За плотиной равнодушия**», 20 октября 1972 г.) я посвятил межведомственным взаимоотношениям. Я уже упомянул об этом. Генподрядчик «Виллюйгэсстрой» – это Минэнерго, заказчик «Якуталмаз» – Минцветмет. И эти две параллельные административные линии пересеклись на такой вот сложной во всех отношениях территории – в Западной Якутии.

Я тогда отметил и подтверждаю сейчас: этот генподрядчик воздвиг себе памятник на берегах Виллюя. Он построил первую в мире крупную гидроэлектростанцию на вечной мерзлоте, и построил весьма качественно! Я бывал на ней. Она восхитительна. Строители достойны похвалы. Ну, если не считать традиционного экологического преступления – затопления долины вместе с отличным лесом. Об этом защитники природы много потом писали, но это ведь повелось ещё с каскадов на Волге.

Затопление случилось задолго до того, как я побывал там, а в моё время уже полным ходом шло строительство второй очереди Виллюйской ГЭС. Бурно развивающемуся алмазному краю, новым обогатительным фабрикам, карьерам, рудникам и поселениям требовалось всё больше и больше электроэнергии. А самая дешёвая (в примитивном понимании, если не учитывать последствий) – полученная на гидроэлектростанциях.

Но я-то писал о выполнении, точнее о невыполнении задания по росту производительности труда и вообще плана сдачи объектов в эксплуатацию. И тут выяснилась большая разница в отношении генподрядчика к «своим» и «чужим» объектам. «Свои» – это прежде всего вторая очередь ГЭС, «чужие» – стройки для алмазодобытчиков. Я привожу примеры ведомственного подхода. Конкретизировать сейчас не буду.

Ныне кажется ясным, что если не нравится один подрядчик, найми другого. Деньги-то есть, тут же найдутся охотники для дополнительного пополнения своего кошелька. Но это – рассуждение с позиции нынешнего, рыночного состояния экономики. Тогда, как я уже подчёркивал, «Виллюйгэсстрой» был единственным генподрядчиком на здешней громадной территории! Когда нет конкуренции, нет выбора, поневоле заказчики будут терпеть все лишения

от такого партнёрства. И третейским судьёй в такой ситуации выступает не рынок, а вышестоящая власть. Поскольку фактически самой высшей властью были партийные органы, то и многие противоречия пытались решить там.

Ситуацию в «Виллюйгэсстрое» и на стройках алмазного края обсуждали на бюро Якутского обкома вскоре после моей публикации. И меня туда пригласили.

По ходу обсуждения отчёта «Виллюйгэсстроя» выступавшие неоднократно ссылались на мою статью, на те данные, которые я привёл. Знавшие меня работники обкома приветливо кивали, молча пожимали руку. А глава «Виллюйгэс-строя», с которым мы не были знакомы и который вряд ли мог предположить, что корреспондент присутствует на столь высоком мероприятии, выступая под конец обсуждения, в сердцах заметил: «Да этому автору надо бы у нас главным инженером работать!» Это прозвучало не как одобрение моему анализу, а с намёком, что вот какой всезнайка выискался. Мол, одно дело – настроить статью (для критики всегда повод найдётся), другое – работать в реальных условиях.

После заседания меня уже в открытую поздравляли со столь значимой публикацией. Но я не чувствовал полного удовлетворения. Остался неприятный осадок, что меня использовали. Что, в конце концов, дело не в этом руководителе, самоотверженно сражавшемся и с тяжелейшими природными условиями, и с ненормальным обеспечением всем и вся, и с неповоротливой централизованной командной системой «планирования». И он не «преступник», а жертва системы, в которой вынужден работать. В такой же ситуации мог оказаться любой советский хозяйственник. И оказывались. И их наказывали. Нередко ломали судьбы. В первую очередь – тем, кто не каялся в своих упущениях, а пытался доказать, что система негодная, что её надо менять.

Но до моего вывода, что эту систему надо кардинально перестроить, иначе она разрушит экономику одного из самых потенциально богатых государств мира, я ещё не созрел. Однако даже без такого понимания я честно вскрыл все её родовые недостатки.

Где золото роют в горах...

При всей важности алмазодобывающей отрасли для Якутии и для всей страны, чаще мне приходилось заниматься золотодобывающими предприятиями. Формально предприятие было единственным – объединение «Якутзолото». В него входили три комбината – «Алданзолото», «Индибирзолото», «Джугджурзолото» и прииск «Кулар». «Якутзолоту» подчинялся и прииск «Депутатский», но он занимался добычей олова и других попутных, весьма полезных ископаемых.

Алдан – это юг Якутии, наиболее доступный и самый освоенный промышленный район автономии. Золотом здесь стали промышленно добывать ещё в начале двадцатого века. После завершения Гражданской войны здесь началась золотая лихорадка. Тысячи старателей с лотками и первыми примитивными устройствами мыли в здешних ручьях золотишко. И к семидесятым годам, когда я стал приезжать в этот район, россыпные месторождения изрядно иссякли.

Но добыча продолжалась. Появились более чуткие промывочные приборы, улавливающие мельчайшие самородные частицы. На речках обосновались драги. Это – плавучая фабрика. В горняцком сословии Якутии родились такие стихи про это оригинальное устройство:

*Драга не корыто.
Вся земля изрыта.
Драга – это тоже пароход.
Речка не кончается.
Лодочка качается,
Золотишко родине даёт.*

Внешне технология простая. В небольшом водоёме на плаву держится эта фабрика-пароход высотой с пятиэтажный дом. С одной стороны у неё установлен длинный «хобот», который черпаками захватывает со дна реки и с берега всё, что попадётся: песок, гальку, валуны. Эта масса подаётся на конвейер, который доставляет её в непрерывно вращающуюся бочку, происходит разделение по размерам и весу фракций. Все пустые отходы выбрасываются сзади драги. «Лодочка» действительно качается, то есть поворачивается из стороны в сторону и одновременно продвигается вперёд, отгрызая с каждым маятниковым движением очередные метры у реки. Плыть она может только вперёд: сзади образуется галечный вал, похожий на гигантскую гусеницу, извивающуюся в узкой горной долине. Так что драга, исполинский стальной бегемот, всё время барахтается на небольшом водном пространстве.

Горняки мне пояснили: на этом месте моют золото уже в третий раз. Сначала здесь были старатели с лотками, потом горняки с промывочными приборами и вот теперь дражный способ вполне оправдывает себя благодаря гигантскому объёму промывки и более тонкой технологии улавливания уже даже не песчинок, а, можно сказать, пылинок золота.

И, тем не менее, россыпные месторождения практически себя исчерпали (как и во всём мире, где они дают лишь несколько процентов от всего объёма добываемого золота), зато есть рудные месторождения. В нашем обывательском представлении руда – это скальная порода. Разочарую: золотосодержащая руда – это... почти как глина. По крайней мере, именно такую я видел в алданском посёлке Нижний Куранах. И драгоценный металл из неё извлекали не промывкой, а химическим способом с использованием ртути.

Добыча рудного золота – это более цивилизованный способ. Более комфортный для работников: это же – фабрика с достойными условиями труда. Но золоторудных месторождений в Якутии мало, и в основном золото здесь моют...

Комбинат «Джугджурзолото» вёл добычу северо-восточнее алданских месторождений. Объёмы там сравнительно небольшие. Предприятие было бесперспективным, и я туда ни разу не ездил, отправляя разбираться с проблемами своих подчинённых.

Дороги золотого Оймяконья. Окрестности Усть-Неры

Зато регулярно ездил в Оймяконский район, в «Индигирзолото». Хотя там, в Усть-Нере, центре района, постоянно жил собственный корреспондент нашей газеты. Почему-то это самое холодное в северном полушарии Земли облюбовали журналисты с Украины. Сначала при мне там работал Виктор Хохлачёв, который, вернувшись в Киев, сделал на родине прекрасную карьеру в местном отделении ТАСС, а также опубликовал несколько научно-популярных книжек. После него из Львова приехал Олег Бережной, любитель охоты и рыбалки.

Хотя Оймяконье – не самый дальний край в Якутии от столицы республики, но зато самый труднодоступный. Вокруг горы и быстрые, порожистые, не судоходные реки. О том, что здесь есть золото, знали ещё в двадцатых годах прошлого столетия. Но посчитали, что промышленных запасов нет. Геологические экспедиции искали в этих краях олово, в котором остро нуждалась советская промышленность: для выпуска подшипников. Но олова не нашли.

Золото обнаружили на соседней Колыме. Туда потянулись старатели. В начале тридцатых годов для освоения перспективного района создали трест «Дальстрой», ставший потом печально знаменитым потребителем рабочей силы – узников ГУЛАГа.

Когда решили всерьёз заняться разведкой золота на Индигирке, то геологи-первопроходцы добирались сюда на оленях. Но в 1937 году «Дальстрой» создал Индигирскую экспедицию во главе с Валентином Александровичем Цареградским.

С ним мне лично переговорить не удалось. Когда я работал в Якутске, он жил в Москве. Но в 1974 году он побывал у нас в редакции «Социалистической Якутии». Человек знаменитый, Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии, генерал-майор. Почестей он добился заслуженно.

Моя запись его рассказа полна интереснейших фактов освоения Колымского края, с чем связаны открытия и в Оймяконье. Впервые Цареградский попал туда вместе с другим выдающимся геологом – Юрием Билибиным. В 1928 году их направил Геолком. Причём никто не знал, где конкретно они будут искать золото. Маститые геологи даже ругали их за такую авантюру.

Двадцать восемь первопроходцев приплыли по Охотскому морю на японском судне, вместе с рыбаками. На берегу якут Макар Медов помог достать семь лошадей. Восьмую они купили сами. Медов ехал с ними, но был против сплава по реке. Он помнил, что когда-то на ней погибли казаки. Однако заметил:

– Вы хорошо поёте. Значит – проплывёте...

Половину отряда составляли старатели, остальные – демобилизованные год назад красноармейцы. На ручье Безымянном не нашли ничего. На Правом Среднекане обнаружили небольшую промышленную россыпь. В. Раковский на реке Утиной обнаружил богатую россыпь. Ему и Билибину поручили дальше исследовать Утиную, а Цареградскому – Среднекан.

Карт не было. Вели глазомерную съёмку. А на какой широте Среднекан, даже не знали. Увязывали площадь с помощью теодолита от соседних гор.

16 сентября уже должен был за ними прийти пароход. А на Среднекан вышли только 31 августа. И работали до морозов. Цареградский должен был пройти средним путём между маршрутом Билибина и хоженной тропой. Якут-конюх вначале отказался там идти, боясь погубить лошадей. Цареградский предложил расписку за лошадей, и якут согласился. Шли медленно, по восемнадцать – двадцать пять километров в сутки. Задерживала пурга. Да и у лошадей за время летних работ были сбиты копыта.

Чуть не заблудились и не повернули в другую сторону. Но в бинокль увидели белые горы – Белогорье! Вышли правильно.

Сделали очень смелые прогнозы относительно золотоносности района. А горные породы там такие же, как и на Индигирке. Геолком удивился результатам. И в 1930 году Цареградский стал во главе большой экспедиции, в которой было уже восемь партий. Кстати, он сообщил любопытную подробность: его заместителем был боцман с крейсера «Авроры», вот только отличался он не революционной дисциплиной и трудовым героизмом, а пьянством.

Были сложности со снабжением. На Среднекане люди даже голодали: трудно было туда добраться. Но отряды в разных местах обнаруживали всё новые и новые месторождения. Когда был создан трест «Дальстрой», организовали ещё одну экспедицию на Колыму. А отряд И. Галченко прошёл по притокам Индигирки и установил там золотоносность.

В 1937 году геологов целенаправленно сориентировали на Индигирку. От Иркутска они добрались на лошадях до Качуга. Здесь на берегу реки Лены, на судоверфи, построили карбаса. Это – старинный вид сплавного средства, применявшегося ещё казаками-первопроходцами. На карбасах и пароходах добрались до реки Алдан, а оттуда до Индигирки – на гидросамолётах. И там, в суровом Оймяконье, начались открытия: Ольчан и другие места.

Цареградский подчеркнул уникально быстрое освоение найденных месторождений: «такого в мировой практике ещё не было». Он отметил, что здесь стали применять новую

технику. Так, первый в СССР бульдозер появился именно на Колыме. Эту технику закупили в Америке. И она резко повысила производительность. В годы войны вообще всё снабжение края, вплоть до питания, шло из США. Хотя всё равно с продуктами были сложности: порой запасов на приисках оставалось только на три дня.

В 1938 году Цареградского назначили главным геологом «Дальстроя». В сороковом году, по его утверждению, Колыма добыла уже пятьдесят пять процентов всего советского золота. В этом есть и вклад Оймяконья.

Одновременно геологи нашли долгожданные месторождения олова, а также вольфрама, столь необходимого для изготовления танковой брони и противотанковых снарядов.

Всё прекрасно: мужество первопроходцев, открытие богатейших месторождений, рекордная добыча! И всё это – заслуга пяти тысяч коммунистов «Дальстроя»? Ещё Цареградский привёл такие цифры: там трудилось около тысячи выпускников вузов и порядка шести сотен со средним специальным образованием – топографы, геодезисты и т. д. Но «Дальстрой» – это ГУЛАГ, однако генерал-майор в отставке ни словом не обмолвился об использовании труда эков, о том, сколько их было, сколько погибло при освоении и побитии рекордов. А на наш прямой вопрос про заключённых ответил обтекаемо, что, мол, и у вольнонаёмных условия труда и жизни были тоже очень тяжёлыми. Да, тоже тяжёлыми, но над ними не издевались конвоиры, их не мордовали и не морили голодом. Эков считали людьми даже не второго, а десятого сорта, и даже вовсе не людьми, а отбросом, которого незачем жалеть. Зато: «такого в мировой практике ещё не было». Да, действительно не было...

Итак, часть экспедиции Цареградского шестого августа тридцать седьмого года добралась до Индигирки на трёх гидросамолётах, которые сели возле устья её притока – Неры.

Прибывшие перебрались на берег, перенесли продовольствие, снаряжение. Сложили. Огляделись. Сплошной стеной стоят лиственницы. Никого. Зверьё от шума моторов попряталось. Люди на этот шум не пришли. Дикие места. Лишь вдалеке от реки стояла одинокая юрта якута Кривошапкина. В тот же день поставили палатки. Так родилась Усть-Нера.

Это я процитировал свою книгу «Оймяконский меридиан». Там же я описываю, с каким трудом со стороны Магаданской трассы пробивалась по бездорожью первая колонна из четырнадцати автомашин. Более месяца – в январе-феврале сорокового года – она потратила на путь до Усть-Неры.

Позже началась пробивка Колымской трассы до посёлка Хандыга, что на реке Алдан.

Готовя «Оймяконский меридиан» к публикации, я не акцентировал внимание на том, что основной рабочей силой в этом краю были эки. В каких условиях им приходилось выполнять «задания Родины», достаточно почитать «Колымские тетради» Варлама Шаламова. Без содрогания и слёз читать их невозможно. Особенно тем, кто потерял своих близких в гулаговской мясорубке...

В брежневские времена вспоминать о лагерях не приветствовалось. Но ГУЛАГ сам напоминал. Однажды, попал я на совещание у руководства какого-то индигирского прииска (кажется, это был «Ольчан»). Заседаем на втором этаже конторы. Посмотрел я в окно и обомлел: в двух сотнях метров, на соседней сопке стоит лагерная вышка. Не скособочилась, в «рабочем состоянии». Почему она сохранилась? Как память о жертвах? Как напоминание, что надо всего себя отдавать Родине, которая всё видит, всё слышит, всё знает? Или просто в производственной суете не до неё, не стали тратить силы и время? Хотя после ликвидации ГУЛАГа к тому времени прошло уже два десятилетия...

В Усть-Нере ещё в советские годы создали краеведческий музей. Когда я там был в середине 1970-х годов, он занимал небольшую избу, которая и сама-то фактически была историческим экспонатом. Интересный музей. Там, например, были предметы быта якутов и русских: инкрустированный серебром посох; старинное седло, выдолбленное из дерева

и украшенное чеканкой; лук-самострел; чороны – сосуды для кумыса; деревянные чаши и ложки; шкатулки; берестяные туески...

Но не хватало в этом музее одной очень важной страницы истории. Ни один экспонат не напоминал, что в этих краях были лагеря ГУЛАГа.

По сведениям Мемориала, взятым им из доступных архивных материалов, Индигирский исправительно-трудовой лагерь (ИТЛ) создан 20 сентября 1949 года. Базой его была Усть-Нера. Но зэки работали на обширной территории: на приисках «Маршальский», «Ольчан», имени Покрышкина, «Балаганах», «Панфиловский», «Кокарин», «Юбилейный», «Разведчик», «Партизан». Участвовали в разведке и добыче не только золота, но и вольфрамовой руды (на Аляскитовом месторождении; в том числе подземным способом). Участвовали в строительстве важнейших объектов: ремонтных мастерских, Нерской электростанции, Аляскитового горнорудного комбината, ЛЭП Ольчан – Новопанфиловский, ЛЭП-35 Нера – Покрышкин – Богатырь. И даже работали в совхозе «Балаганах». Всего, по тем же данным, в Индигирлаге на первое сентября 1951 года числилось 13843 заключённых, два года спустя – чуть больше восьми тысяч. Вроде бы и не так много, но ведь числились – не значит долго жили, так что «сталинскую школу жизни» на Индигирке прошло гораздо большее число заключённых.

При этом надо иметь в виду, что речь идёт о новом самостоятельном подразделении «Дальстроя». Но и до 1949 года здесь работали зэки. Просто они числились в другом ИТЛ, например в Северо-Восточном, что был организован в Магадане ещё в 1932 году. По крайней мере, в строительстве дороги до Усть-Неры с востока уж точно зэки были задействованы.

Мне не довелось в Усть-Нере познакомиться с бывшими узниками ГУЛАГа. Уж мало кто выжил. Кто выжил – уехал. Либо в родные края, если разрешили вернуться. Либо куда-то на поселение, но туда, где покомфортнее жить. Либо, если ещё были силы, уезжали на новые, более перспективные прииски, скажем на молодой развивающийся прииск «Кулар». Там я встречал тех, кто переехал туда с Индигирки.

Может, кто-то из зэков ещё и оставался здесь, но люди не хвастают лагерным «багажом». Им, как и участникам кровопролитных боёв с нацистами, вспоминать об этом тяжело. Да и не станут рассказывать о жизни в гулаговском аду первому-встречному, да ещё чтобы об этом узнал весь белый свет. А вот разные зэковские байки слышать мне доводилось. И про то, как выживали, любыми способами цепляясь за жизнь, и как косяком вымирили, и как «любили» лагерное начальство... Но главным предметом баек было всё же – золото. Куда же без него, без кормильца?

Рассказывали, например, о разных хитроумных способах умыкнуть золотишко. Утаить-то его не проблема, даже под оком «человека с ружьём», даже при повседневном шмоне. И запихивали во все человеческие дырки, и глотали, и прятали под подмётку... Ведь даже при самом большом сроке отсидки люди верили, что рано или поздно уедут отсюда на «Большую землю». А вот как воспользоваться накопленным богатством? И готовились.

Вот одна из историй. Человек тайком копил самородки в консервных банках. И кидал это в очко – в говно туалета. Чётко заметил координаты своего клада. Выждал несколько лет, прожив на свободе, на «материке». Приехал за своей «копилкой», а на том месте, где стоял туалет, теперь современный дом...

Сейчас, я знаю, в усть-нерском музее есть раздел по истории ГУЛАГа. Правду истории не утаишь...

Старатели

Золото и старатели – это неразрывные понятия. Где старатели – там наверняка есть золото. Как минимум – надежда, что его найдут. Но где золото – там не обязательно будут старатели. Это сейчас. А до большевистской власти в Якутию добирались тысячи охотников за самородками. Они были на Вилюе, в верховьях притоков Алдана, на Чаре, Жуге, Патоме, Витиме. Но советская власть установила монополию на добычу золота. И месторождения обрабатывались государственными предприятиями.

Однако не всякое месторождение давало доход, который бы окупал расходы. И там, где невыгодно мыть золото госспособом, разрешали это делать артелям. Сохранение старательского способа – это доказательство преимущества частного производства перед государственным. В определённых условиях, конечно.

Казалось бы, столько лет минуло со времён «золотых лихорадок» прошлого и позапрошлого веков, описанных в романах американских и наших отечественных писателей, показанных в фильмах Чарли Чаплина, однако в панике многих непосвящённых людей и ныне старатель остался всё таким же полубродягой, уповающим на фарт. Фарт, безусловно, нужен. Как в любом деле. Но не только он определяет успех старателя...

Быть в золотодобывающем Оймяконском районе и не познакомиться с современными старателями – этого я бы себе не простил. Хотя в этом не нуждалась моя редакция. Об артелях или писали что-то критическое (разорились, своровали, избили), или ничего не писали. Не пропагандировали эту предпринимательскую лазейку в социалистической экономике. К тому же «старались» золотодобытчики, как правило, в стороне от хороших дорог.

Но мне подсказали, где найти не столь отдалённую базу старателей.

Председателя артели «Север» на месте не оказалось. Встретил горный мастер Иван Тихонович Бузык. Должность его в артели – всё равно, что на обычной карьере главный инженер. Он здесь всей технике голова. И вообще в курсе всех дел.

– Вы руководствуетесь какой-нибудь технической докумен тацией? – спросил я его, когда мы познакомились.

– А как же! Из комбината дают проект. Я держусь его.

Геологи довольно часто открывают месторождения, промыш ленные запасы которых невелики. На таком пятачке государственному прииску невыгодно заниматься добычей, особенно если месторождение на большом расстоянии от производственной базы. Тогда государство (комбинат) отдаёт частным лицам (артели) это месторождение как бы в аренду, по трудовому соглашению. Отдают и закрываемые участки, где добыча госспособом уже невыгодна. Комбинат выдает бульдозеры, промприборы, другую технику, инструменты, материалы, но за собственные деньги старателей. Они сами решают, сколько чего приобрести. Мало возмёшь – не справишься с планом (а задание им тоже регламентируется – исходя из запасов), много возмёшь – техника «съест» артель расходами на её содержание. Артель также сама решает, сколько ей нужно поваров, ремонтников, шофёров...

Всеми делами руководит правление артели из восьми человек, которое избирается ежегодно. Лишь двое – председатель артели и горный мастер – не занимаются непосредственно физическим трудом. Старатели работают круглый год. Зимой идёт ремонт горного оборудования, монтируют промывочные приборы, добывают подземные пески. Денежный расчёт делается один раз в год – по окончании сезона на основании начисленных трудовых, как в колхозе. Остальное время живут на аванс.

– Стараются не очень много брать, чтобы получить побольше под расчёт.

– А если случай какой непредвиденный: свадьба, дом купить или машину... Как тогда?

– Правление решает. Всё зависит от самого старателя. Добросовестный – дадим. Плохо работает – такому можем и не дать большую сумму. Пусть себя покажет... Но это не значит, что все дела артель вершит бесконтрольно. На комбинате есть старательский сектор. Он проверяет качество отработки месторождений – достаточно ли полно выбрано золото. Районные организации следят, нет ли нарушений охраны природы, санитарных норм, противопожарных правил и так далее.

Мы разговариваем с горным мастером в конторе артели, вы соком бревенчатом доме. В углу стоит красное знамя.

– За что оно вручено артели? – спросил я.

– За первое место в социалистическом соревновании среди артелей комбината, – не без удовольствия ответил мой собеседник.

Старатели, эти сугубые частники, материалисты, работающие исключительно ради денег, и – соревнование? Противоречия в этом нет.

– Если и в следующем квартале займём первое место, обе шают выделить нам легковые автомобили и мотоциклы с колясками. Денежных премий, конечно, не получаем. А сами, внутри коллектива, премируем лучших. Вот к Первому мая выделили. Сумма не так важна, главное – внимание, если хотите, почёт – вот что главное.

– А как с дисциплиной? – спросил я.

– Не будет дисциплины – не будет и фарта, – коротко ответил горный мастер. – Были у нас нарушители. В самом начале. Выгнали сразу же. И с тех пор ни одного нарушения. И ни один человек не уволился. А стабильность кадров, сами понимаете, в наших условиях – половина успеха.

– Интересно ли старателям что-нибудь кроме работы?

Горный мастер сердито посмотрел на меня.

– Вы лучше спросите: а такие ли мы советские люди, как и все?.. Ну, откуда такое представление о нас?.. Мы все члены профсоюза. У нас есть и коммунисты, и комсомольцы. Газет и журналов «на душу населения» выписываем побольше, чем в Усть-Нере. Тем более что телевизор из-за высокой горы почти не берёт. Радиоприёмники есть. Самодеятельность комбинатовская к нам приезжала. Артель выделила профсоюзу комбината три тысячи рублей на эстрадный оркестр. Это ведь из собственного кармана.

– Я вам ещё один каверзный вопрос задам. Только заранее прошу: не сердитесь на меня... Говорят, в старатели идут одни алиментщики.

– Их у нас четверо... А в основном у нас люди степенные, семейные. Холостых мало. Пальцев на руке хватит пересчитать их. Из шести десятков членов артели двадцать четыре имеют семьи в Усть-Нере.

И сам Буцик – человек «степенный». Участник Великой Отечественной войны. Воевал под Сталинградом, в Болгарии, Чехословакии, Румынии, Венгрии (освобождал Будапешт), Австрии. Закончил войну в Вене. В марте 1945 года его тяжело ранило, гранатой в уличном бою. Девятое мая встретил в госпитале. Провалился полгода. Девять наград: орден Красной Звезды, медаль «За отвагу» и т. д. Офицер запаса. Демобилизовался в 1948 году. Уже двадцать шесть лет на Индигирке. До 1970 года работал на госдобыче. Окончил технические курсы.

Почему лично он пошёл в старатели?

– Самостоятельность привлекает...

Место, где мы встретились с Буциком – это лишь одна часть артели. Здесь только ремонтируют горное оборудование. А подземная добыча ведётся в шестнадцати километрах отсюда, за перевалом, добраться можно только на бульдозере. Когда три года назад приехали сюда с прииска «Маршальский», была маленькая, маломощная база. Пришлось укреплять. Собственными силами.

Некоторые в старатели идут потому, что могут заработать гораздо больше, чем «обыкновенные советские» горняки. Но могут ведь и «пролететь». Скажем, содержание золота в песках на их пятачке оказалась ниже расчётной. Расходы получились чересчур большие – из-за погоды, из-за аварий, из-за выхода из строя старой техники. Авансы раздали больше, чем в конечном итоге заработали... Да мало ли какие причины появятся?! И в результате многомесячный труд выйдет насмарку.

Случалось, после промывочного сезона старателям не на что выехать на материк. Ко мне в редакцию приходили письма «пролетевших» старателей с жалобами на безденежье. Причины разные называли: и неточности в геологических прогнозах, и тактические ошибки руководства, и злоупотребления...

И другая особенность. При полном социалистическом окружении и жесточайшем контроле, чтобы старатели не слишком обогатились каким-то нечестным способом, жить постоянно под дамокловым мечом не просто. Попадали в тюрьму, например, за выработку слишком богатых россыпей. Хотя старателям выделяют самые невыгодные участки, но ведь можно «помочь» им с фартом. На бумаге показать заниженное содержание золота. Не за красивые глазки, разумеется. Это был своего рода откат: я тебе более выгодный участок, ты – мне ручку позолотишь. И сажали одновременно и старателей, и комбинатовских.

А ещё были уголовные дела за обогащение в нарушение устава старательских артелей. Им разрешено только добывать золото. Другое предпринимательство было наказуемо.

Наиболее шумное дело случилось на соседней реке – Яне. При руднике «Эге-Хая». Там ещё в 1965 году была организована старательская артель «Яна». Крупнейшая в Якутии. Её участки были разбросаны на сотни, и даже на тысячу, километров от базовой конторы, которая обосновалась в посёлке Усть-Куйга, что стоит на берегу реки Лены. Во главе неё стоял грамотный специалист из Одессы Владимир Бабин. Без юмора – он действительно был грамотным, образованным, имел два диплома: юриста и экономиста. И к тому же в одессите бурлил неистребимый предпринимательский дух Остапа Бендера.

Артельщики обратили внимание на бесхозный лес, что осел на отмелях Ледовитого океана. Ведь все сибирские реки выносят его в большом количестве. Почему бы им не обеспечивать окрестные предприятия и организация, всегда нуждающиеся в стройматериалах? Организовали вывоз и продажу. И – получили срок. У артели не было официально оформлен этот вид деятельности. А так хорошо всё начиналось...

На южном берегу Северного Ледовитого океана

Это моя любовь и боль – прииск «Кулар» и подчинённые ему подразделения...

С первой поездки туда я прикипел к этим местам. К продуваемой тундре, к бездорожью. К людям, что работали в экстремальных условиях самого молодого, бурно развивавшегося тогда подразделения объединения «Якутзолото».

У меня много записей в блокнотах о поездках туда. Все процитировать невозможно. Попытаюсь слепить некую единую мозаику из многочисленных фактов, встреч, рассказов горняков...

История у Кулара многострадальная, с взлётами и падениями. О золоте в низовье Яны знали ещё в первой половине прошлого века. Но геологи тогда почему-то оценили этот район как неперспективный. В конце 1950-х – начале 1960-х годов ситуация изменилась. Были открыты вполне промышленные запасы. И с 1964 года здесь, в нескольких десятках километров от южного берега Ледовитого океана, началось их освоение.

В первую очередь сюда прибыли люди с насиженных горняцких мест – с Индигирки. Климат здесь даже более суровый, чем там. Таких крепких морозов, как в Оймяконе тут не бывает, но зато – жуткие ветры, страшные затяжные снежные метели... И абсолютно пустынные, не заселённые места. Но манила перспектива нового прииска, а значит более устойчивый заработок. Ведь на Индигирке многие горняцкие места уже затухали, истощались запасы. Потом сюда потянулись «энтузиасты» – жители всех советских регионов, желавших подзаработать.

Работали в исключительно сложных условиях, созданных и природой и хозяйственной системой.

Рассказывает Леонид Симопуло, главный энергетик «Кулара»:

– Вентиляторы, лебёдки самолётами доставляли... Дали заявку на сто семьдесят вентиляторов, выдали только семьдесят. Острая хроническая нехватка кабелей. Фонды на год начинают поставлять лишь во втором квартале. Компрессоров не хватает. Нет резервного, переходящего, до получения фонда. Зачем заявки? Зачем планирование?

Зачем да почему? А по кочану! Нехватка, недопоставка, запоздалое снабжение – это можно повторять до бесконечности, так как это – родимое пятно плановой (?) экономики. Но работать-то надо, а то без зарплаты останешься. И план выполнять надо, иначе скинут с должности.

И это ещё полбеды, если чего-то не хватает и об этом заранее уже знают: можно исхитриться, выкрутиться. А вот если случится совсем уж непредвиденное, да в самый неподходящий момент?!

О пожаре на дизель-электрической станции (ДЭС) мне рассказывали многие куларцы. Как о самой большой опасности для всего посёлка.

Анатолий Поколодин, начальник ДЭС:

– Случилось это девятнадцатого февраля, вечером в девятом часу. Из-за заводского дефекта масляные пары из картера дизеля попали на выхлопную трубу. Вспыхнули. Крыша низкая – помещение временное. Через пятнадцать – двадцать минут всё сгорело. Вышли из строя шесть дизелей да ещё два в пристройке. Погорели резиновые трубки, уплотнения. Стали перебирать, поставили палатки, калориферы. Два дизеля часов через пять-шесть запустили. А первый дизель из зала запустили только четвёртого марта, через пять дней – второй, и т. д. Воду из теплотрассы спустили сразу же. Кое-где всё-таки разморозили трубы. Недели две – аврал. Сварщиков собрали отовсюду.

Директор прииска Виктор Таракановский не первый год на золотодобыче в Якутии. Выпускник Ленинградского политехнического, он начинал в Якутии с рядового сотрудника. Познал многие «прелести» Севера, но и он был ошарашен случившимся:

– Полярная ночь. Посёлок в абсолютной темноте. Тишина. Лишь пурга просвистит в безжизненных проводах. И вот тогда мне впервые стало страшно. Отрезаны от мира. Помощи ждать неоткуда. Нет электричества – нет тепла, нет горячей пищи, нет жизни...

Геннадий Сыпченко, старший горный мастер участка Иэкийэс, человек не робкого десятка. На Куларе уже несколько лет. Родом с Донбасса. И ему, выдавшему всякое в жизни, стало не по себе:

– Пожар на ДЭС – страшно было смотреть. Таракановский как раз откуда-то возвращался. Увидал. Побледнел. К нему обращались – не слышит ничего. Один бульдозерист отказался. Другой натянул шапку и пошёл. Вырвал из пламени два генератора. Все бросились тушить и их, и бульдозер... Помню, был женский день в бане. Жена прибежала, вся мокрая. Дрожит. Говорит: что же теперь будет? А я: повесимся. Что же нам остаётся? Система отопления могла продержаться не более семи часов. Потом замёрзла бы, и крышка. Но два генератора через пять часов запустили. Ток дали в котельную и на нашу двадцатую шахту, там надо было скорее закончить работы. Остальных рабочих отослали на «Омолой» и «Энтузиасты». Через три недели ДЭС снова работала.

И кто же тот герой, что, рискуя сгореть, направил бульдозер в огненный ад, сохранил два дизеля и спас посёлок? Сорокалетний бульдозерист Антон Стынко рассказывает о том случае буднично:

– Только вернулся с Энтузиастов. Тогда туда был только зимник. Помылся. Пошли с женой в кино. По ступенькам поднимаемся – взрыв на ДЭС. Крикнул в клуб: «Пожар!» А сам бежать к нашему балку. Он был как раз возле ДЭС. Завёл бульдозер, а он без отвала, зацепил трос и к ДЭС. Пытались тросом и швеллером растащить. Не удалось – только выхватил раму и всё. Никто не приказывал, сам решил – двинулся на галерею. Она уже горела. Метра три длиной. Разрушил её. Уже нос трактора вылез, но сверху придавили трубы, а внизу – траншея. И мотор заглох. На крыше обрушенные доски запылали костром. Выскочил, завёл трактор рычагом. Вывел его. Тут все стали обливаться ведрами. То пар шёл от меня, то я покрылся сосульками... Загасили и трактор, только стёкла полопались. Пристройка вся не сгорела – быстро защитили...

Случались аварии и менее страшные, но их было немало, и они тоже мешали работе, жизни.

Про какой-то отдалённый участок рассказали мне:

– Январь. Работали, бурили. Началась пурга. Сорвало крышу с компрессорной, разорвало палатку, повалило антенну. Связи нет. Пытались к ним пробиться, но вездеход не прошёл. Хотели – вертолёт, но видимости нет. Самолёт в первый раз не сумел сесть. Только со второго раза. И всех оттуда вывезли. Через двадцать дней вернулись. Всё занесено снегом: двигатели, компрессор. Восстанавливали, ликвидировали поломки. Сделали крышу. За четыре рейса «Ми-8» завезли дизтопливо, оборудование, материалы...

Схожими историями поделились и другие куларцы...

И производственных проблем у молодого прииска много. О них мне рассказал Виктор Таракановский. Они связаны с особыми условиями добычи подземных золотосодержащих песков в условиях вечной мерзлоты, очень короткого лета... Но самой большой проблемой, по мнению начальника прииска, оказалось непосильное планирование и недостаточное материально-техническое снабжение. Об этом с моей журналистской помощью Таракановский написал для «Социалистической Якутии» большую проблемную статью «Грамм стал тяжелее» (28 мая 1976 г.). Для иллюстрации тяжелой ситуации достаточно процитировать один этот абзац:

...В 1975 году по сравнению с 1970 добыча и промывка подземных песков увеличилась в 2,2 раза, вскрыша торфов [снятие пустой, не содержащей золота породы] – в 6,3 раза, в том числе с использованием взрывчатых веществ – в пятнадцать, промывка – открытых песков – в три с половиной раза. А численность работников возросла лишь на 64 процента...

При этом за последние два года среднее содержание драгоценного металла в открытых песках снизилось почти в два раза, в подземных – более чем на четверть. Это и повлекло необходимость в резком увеличении объёмов горных работ. К этому прииск оказался неподготовленным. Чтобы компенсировать отставание от плановых заданий, прииск вынужден был даже заняться осенне-зимней промывкой, что резко удорожает производство и увеличивает потери металла в отвалах.

В общем «скачок» последних двух лет быстро развивавшегося прииска, ставшего палочкой-выручалочкой для всего объединения «Якутзолота», принёс ему не только «трудовые победы», в частности присвоение «имени 50-летия СССР», но и сопутствующие острые проблемы. Сняли «сливки», рапортовали к праздникам, а теперь приходится расплачиваться за перевыполнение «плановых показателей». Командная система!

Этот крик души руководителя стал прелюдией к моему ещё более острому материалу про «достижения» золотодобытчиков Крайнего Севера. Но об этом – ниже...

Самый северный в стране золотодобывающий участок

В начале сентября 1972 года я впервые добрался до самого северного в стране (а может, и в мире) золотодобывающего предприятия – шахты «Энтузиасты». Поговорил с начальством, потом меня направили к самому лучшему бригадиру – Анатолию Аниченко. Его коллектив, сказали мне, – передовой, большой – около восьмидесяти человек. Сам руководитель – человек энергичный, инициативный, любит внедрять технические новинки.

Моё знакомство с ним было весьма необычным, но что до такой степени оригинальным, можно сделать вывод, лишь прочитав мою записную книжку.

Я вхожу в помещение, где, как мне сказали, сейчас находится Аниченко. На диване лежит человек. Я здороваюсь, представляюсь. Далее по тексту моих записей:

Один глаз открылся:

– А-а-а... – И снова на бок под пальто.

– Принимаешь гостей?

– А? А-а-а... Ну...

Полированный стол завален пустыми бутылками.

– Ну, вчера погуляли. До сих пор голова болит... Откуда приехал-то?.. Ну, якутских тут режут. И бороду обрежут. Опалят... Тебя как зовут? Ну, Анатолиев здесь через одного режут. Слишком много их развелось... Этот нож, пожалуй, для тебя не подходит. Ты же – специальный корреспондент, и нож для тебя есть специальный... А то напишут... Вот я ещё в бригаде Пушкаря был. Приехал спецкор. Ребята ему: «Да вон с политруком поговорите». Политруком меня прозвали. Побеседовали. Я – откровенно. А он понаписал. Ну, у меня сзади крылышки выросли. Такой я ангел. Я б этого корреспондента собственными руками... Так что пиши с умом.

Я не был обескуражен таким «радушным» приёмом. На Севере не ангелы живут. Бывало и хуже. Тем более что Анатолий вскоре пришёл в норму, от последствий похмелья и бравирования не осталось и следа. По крайней мере, в разговоре.

Аниченко – один из тех, на ком держался Север, кто пополнял золотой запас страны, без которого жизнь советских людей была бы ещё более скудной. А потому я расскажу о нём поподробнее. Его биография схожа с судьбами многих горняков Якутии. Не всех, конечно, но – действительно многих. И по «шероховатостям», и по самоотдаче в экстремальных условиях.

Родился он... в море. Отец и мать – одесситы. Отец служил на границе, его там ранило. Мать, беременная, уехала. Родила его на катере. Место рождения – ближайший на пути остров.

С восемнадцати лет рыбачил. Ловил на Каспии селёдку. За полтора года заработал бешеные деньги – тринадцать тысяч. Уволился. Жил один, кутил. Ходил к соседке Фросе. Она на десять лет старше, не работала. Её мужа перевели в другой город, скучала... Он вдруг решил уехать в Ангарск. Она за ним. Всё продала. Жили, не расписываясь. Строил ТЭЦ, город. Зарабатывал хорошо. В их бригаде все – ээки. Один он – вольный. На его глазах рабочему ломом проломили голову и – в печку.

Призвали в армию. Он распрощался с подругой. Она знала, что он не будет с ней жить. «Интересная баба, но на десять лет старше». Устроил её и уехал.

Попал в Казахстан, на границу с Китаем. Думал перевестись туда, где отец служил. Но так и остался. Шофёром был. Несколько раз в Китай возил грузы.

Познакомился с Ларисой из Усть-Каменогорска. Вернулся из поездки с заместителем командира части. От неё письмо: скучаю, не знаю, что делать. Ещё никто в части не знал, что

Анатолий вернулся, и он рванул в Усть-Каменогорск – пятьсот двадцать километров. К утру был в городе. Частный дом. Скинул щеколду. Разбудил её. Тут же увёз. По городу превысил скорость. Ушёл от погони. В воскресенье уже был на месте. Расписался с ней. И тут из ГАИ – подполковник, удивился: «Когда успел?» Счастье, что расписался, а то бы засудили...

Компартия призвала народ осваивать Сибирь, Север, Дальний Восток. Анатолий и два сослуживца захотели в Якутию. По комсомольской путёвке он приехал на Индигирку, на прииск «Маршальский». Вместе с женой. Его назначили в гараж слесарем. Потом он перешёл на катер «Индигирец», обслуживал переправу. Это летом. А зимой шоферил.

Когда начали осваивать Кулар, переехали туда. Жена стала первым председателем поссовета, зав клубом. В Риге они купили кооператив. Но семейная жизнь разладилась. Признётся: сейчас третий раз женат.

– Я подумал: хватит гулять. Пора серьезнее быть. Четвёртый раз не хочу. А то судить будут. Несерьёзный я, да? – И покрутил пальцем у виска.

Нет, на самом деле он оказался очень серьёзным. При всей своей занятости уделил мне время и для рассказа о делах, и для знакомства с подопечными участками.

– Четвёртого февраля прибыли сюда из Кулара санным поездом с бульдозерами, в балках. Ну, и погодка была! Пурга, ничего не видать. Но быстро всё разбросали, наладили. Движки у нас были. Двадцать второго февраля уже нарезку начали... На открытие пром-сезона приехал Таракан [начальник прииска Таракановский]. Шампанское привёз. Бросил бутылку в бункер. Она прошла в скруббер. Повертелась, постучалась и невредимой вышла на стакер. И только тут – бах! И пена... На счастье...

Не раз в своей журналистской практике слышал сомнительные комментарии рабочих о присвоении звания Героя Социалистического Труда кому-либо из коллег: мол, вытянули имярека на Героя, создали ему особые условия... А вот про Аниченко мне ещё при первом посещении Энтузиастов горняки сказали, что заслужил он звание Героя, и что ему, его деловитости и хватке должны быть благодарны руководители и прииска, и «Якутзолота». Столь велика была его роль в успехе этого коллектива.

И первое место в соцсоревновании по отрасли страны бригада получала заслуженно. При всей условности такого «соревнования», показатели его бригады впечатляли. Коллективу неоднократно давали путёвки в дома отдыха за победу в соцсоревновании по Союзу. За один год дали – семнадцать. За другой – четыре. Сейчас – девять в Пицунду и четыре туристические.

Анатолий не просто «рвал кубометры породы». Всё время что-то придумывает, меняет технологию в зависимости от условий, стремится внедрять новинки:

– Новую шахту я задумал сделать трёхкрылую. А делают двукрылую, и геологи сдают по частям. А можно было такую производительность достичь!

И всё время ратовал за увеличение численности бригады. Впоследствии довёл её до ста пятидесяти человек! Крупная бригада и крупная шахта – это для того, чтобы был больше фронт работы. Для концентрации сил, мощностей. В одном забое неурядица – перебросили в другой. Это позволяет оперативно бросить силы большей численностью для ликвидации аварии там, куда техника не пройдёт.

Он следил за технической учёбой, у него каждый опытный рабочий овладел несколькими специальностями. И благодаря совмещению профессий он добивался комплексности, взаимозаменяемости.

У него чуть ли не первый в Якутии шагающий экскаватор – работает на вскрышных работах. Аниченко пробивает у начальства более современные конвейеры, ищет новинки...

Делится впечатлениями от недавней поездки в Москву:

– В Минцветмет заходил... Разговаривал с его сотрудником, который всем новым занимается. Я ему: присылай нам всё, что у тебя есть. Одно не привьётся, другое подойдёт... И вот техника к нам идёт... Все хотят на кнопки нажимать.

С подчинёнными Аниченко строг:

– Из другой бригады просится – обидели его там. Это плохо, что он – злопамятный. Мало ли что случается. Я своих иной раз и... Чего греха таить, и в морду дашь. А через полчаса он подходит: «Извините»... Тех, кто за деньгами приехал, мы не считаем своими... Уволился, вернулся: иди по этапу!.. Мы с первого дня втянулись в бешеный темп. И до сих пор идём так. А если начать кое-как, то так и пойдёт всё время...

При этом он дорожит своими «старичками», что с ним не первый год:

– Бригаду делили: какой палец ни укуси – каждый больно.

Его не устраивают не только некоторые подчинённые, но и неповоротливые начальники.

– Для наших темпов нужен более энергичный человек, – говорит про одного из руководителей прииска. – А ему нужна спокойная обстановка, размеренная, с чехословацкой линейкой ходить. А где размеренность, там можно остаться без плана. Значит будет текучесть. Отсюда – травматизм. В горном деле нужны полувоенные мужики.

Можно сказать, что «полувоенные» – это перебор, но при подземных работах нужна очень твёрдая дисциплина, соблюдение технологии и повседневный контроль. Шахта не прощает ошибок.

Рассказывает. Кто-то из его специалистов шёл по шахте. «Ну, как дела?» – спрашивает бурильщика. Тот: «Нормально. Только к концу бур что-то вязнет». – «Как вязнет? А ну-ка пробури рядом напрямую?» Прошёл метра полтора, и со свистом потекла вода из старых, затопленных шахт. А эту стену уже собирались взрывать, были заложены шпуры. Осталось три-четыре отверстия пробурить. Рухнула бы стена, вода затопила бы шахту, и погибли бы восемь человек, работавшие в дальнем углу. Фонтанирующее отверстие три дня заделывали, пока не сдержали воду мешками с грунтом. Всё замёрзло, и работали дальше.

Нередко во взрывном деле случается так называемый прострел. Это когда заложённая в шпуре взрывчатка приводится в действие раньше положенного срока. И такой прострел случился в звене Ивана Бахтина. Породой завалило взрывника. Вот-вот сработают и другие начинённые шпуры. Звеньевой, не теряя ни секунды, откопал раненного и стал выносить его, в это время за спиной раздался взрыв, но они уже были вне опасности. Я встречался с Бахтиным, спросил его, не страшно было рисковать своей жизнью. Он пожал плечами, вроде бы так и надо. А у него в Ростове-на-Дону недавно родились две дочки-близнецы, и старшая только окончила школу. Могли и сиротами остаться...

После того, как Анатолия назначили начальником шахты «Энтузиасты», его ответственность за всё и всех увеличилась. Об одном из руководителей прииска:

– Я ему говорю: «Баню надо делать». При всех пообещал, что спроектируют хорошую баню. Через два месяца спрашиваю: «Ну, когда начнут строить баню?» А он: «Принимаются меры для строительства». А мне не меры нужны, а баня. Спёрли брус, и сами построили. Скоро и парная будет.

Когда осваивали новый участок, балки собирали отовсюду: с перевалбазы, карьера, геологоразведки. За миллиардом слетали в Депутатский. Но особое достижение – профилакторий. Уж и не знаю, как он его оформил. Как склад для ВВ (взрывчатых веществ)? Вполне приличное одноэтажное здание на окраине посёлка. Не каждый год и не каждый человек захочет и сможет съездить для поправки здоровья на «югах». А тут – база отдыха под боком.

Но не всё получается, как задумано. Посадили осенью двадцать четыре дерева с берега Яны. Пурга, хозяйка зимней тундры, сломала их... Не хватает мебели, она и на материке была в те годы острейшим дефицитом, а попробуй завези сюда... Протянули ЛЭП... Радио-

связи нет: тринадцать тысяч ухнули, но – непрохождение сигнала... Надо телефонную линию доделать: столбы – пустые, осталось пять километров, где надо натянуть провода... Нужно водовод вести...

В один из моих зимних приездов я поразился: в столовой на каждом столе стоял сосуд с нарзаном! Когда раньше видел на здешних столах баночки с аскорбиновыми драже, это не слишком удивило. Но откуда тут нарзан, когда даже пиво в дефиците? Да в таком количестве! Да в такой нетранспортабельной таре.

– Как раз завтра поедем за ним. Хочешь посмотреть, где мы его добываем? – предложил Аниченко.

Я поехал. На «зилке», по тундровому бездорожью. Кое-как по колдобинам добрались до озера. Водитель вытащил из кузова несколько многолитровых фляг, в которых в советское время возили разливное молоко. Присел на льду, постучал по замёрзшей лунке ломиком, стал черпать... нарзан. Вода действительно минерализованная, очень вкусная, и, что особенно, удивительно, – газированная, губы пощипывает. Её проверяли в лаборатории, подтвердили полезность. А газом она насыщается зимой, когда вода покрывается ледовым панцирем.

В таком специфическом крайне-северном крае и без криминала?.. Аниченко не церемонился в критических ситуациях, понимал, что отпускать вожжи нельзя.

На участке Онккучах сколотилась всевластная группка руководителей. Делала, что хотела. Запугала всех мордобоем. Был у них свой боксёр-скуловорот. В посёлке случилась очередная драка. Вызвали милицию. Участковый – к Аниченко: что делать? Тот: «Брать всех, кто виновен». – «Попадает и начальник участка». – «Брать». Дали всем пятерым по десять суток. Начальник участка добрался до телефона: «Ну, долго я ещё буду здесь сидеть?» – «Сколько положено». Из милиции звонят: «Не выходят на работу». Аниченко: «А что по вашим законам в таком случае полагается?» – «Набросить срок». – «Набросьте». Набросили, штрафники стали выходить на работу.

Другой случай – межнациональный.

В марте-апреле якуты гоняют по тундре свои стада. Горняки их хорошо встречают, в помощь им дают трактор, доски, бензин, продукты. Когда у горняков трудно с мясом, покупают у них оленину. Люди с того же Онккучаха увидели стадо, поехали на «Буране» охотиться. Несколько штук отставших оленей застрелили. Один раненый олень вернулся в стадо. Якуты по кровавому следу нашли место побоища и погрузки туш, поняли, куда отвезли убитых животных. «Охотники» отпирались. Аниченко: договоритесь, заплатите и уладьте. Те отказались. Тогда он якутам: подавайте заявление в милицию. Следователь обнаружил семь убитых оленей. Будет суд...

Разразился такой неожиданный гром: посадили горняка за воровство. И не золото воровал. Нашёлся «деятель», который крал диоды и триоды, отсылал их на материк, где продавали. А автоматика отказывала. Нашли. Посадили. Всё притихло. Но и драгоценный металл воровали.

– Мосол [Маслов] попался на воровстве золота. Жаль, что мы его раньше не выгнали. Что я скажу Таракану? Ведь больше года прятал золото... Небось, дрожал. Может, потому и пил? Осетину (ну, того давно надо было взять) продавал, говорит, по два рубля за грамм. А зарабатывает по восемьсот, в среднем за год – десять тысяч. Не хватало? Сейчас получит десять лет...

Мой последний приезд в посёлок Энтузиасты состоялся в 1977 году. Редкий для меня случай – летом.

В посёлке сразу же замечаю изменения: надстроен второй этаж у конторы. Поставили ещё один двухэтажный дом.

Аниченко – такой же подвижный, энергичный, разговорчивый и радушный хозяин.

Из столовой слышатся звуки оркестра...

– Наш «Кабак 13 стульев»... Больше стульев не нашлось. На свадьбы, на дни рождения приходят со своими.

Оркестр по просьбе посетителя исполняет очень популярный тогда танец «7.40». Отплясывают лихо. Женщин не хватает. Парни танцуют с парнями.

– Сделаем две пристройки к столовой. Расширим зал. Потолок обобъём яичными картонками. Вон – три богатыря [изображены три якута]. Вот тот усатый из оркестра нарисовал. А рядом, видишь, стена камнем отделана... Стёкла – большие, таких даже в Куларе нет. Занавески из Москвы привезли. Правда, коротковаты. Наличники переделаем... Здесь, да, пьют. Пусть пьют здесь, а не в общежитиях. Пусть – на людях...

– Доску почёта делаем, – продолжает экскурсию Анатолий. – Название шахты будет не на стене, а на камне. Огромный кусок кварца привезли. На нём и прикрепим. Сразу будет видно – горное предприятие... Тротуары бетонируем. Дорого. Но проанализировали: за год десять человек бюллетенили из-за дорог – оступились, упали, ушиблись, вывихнули... Потери – несколько тысяч рублей на бюллетени. Люди не работают. Да ещё страдают физически... Много у нас простудных заболеваний. Особенно зимой. Почему? Выяснилось: из помещения, где делают вторичное обогащение, женщины выбегали на улицу распотевшие. Сделали им тёплый туалет и душ, ни одна теперь не болеет. Холодные туалеты – всеобщее бедствие. Идёт борьба за канализацию. Поставили сорок три этих [имитирует сливной бачок] – пшшшиии... Детсад на днях пускаем. Там же школа будет. Клуб... Добились. Построим ещё один жилой дом, общежитие на сто двадцать мест с благоустройством...

– Почему столы в столовой полированные? – удивляется моему вопросу. – Как сказал англичанин, мы не так богаты, чтобы покупать хреновые вещи [сказал это Ротшильд]. А это – вещь! Смотрится! И всё можно поставить. Сначала боялись ставить горячие чайники. Ну, видим: испытание выдержали... А достали так. Узнал, что в розницу привезли. Попросил Таракана. Он наложил лапу. Купили на общественные деньги, которые оставались от колпита...

На коллективное питание каждый горняк скидывался по девяносто рублей в месяц.

На днях здесь показывали один из первых советских многосерийных фильмов – «Адъютант его превосходительства»:

– Пять часов подряд, с перерывом на ужин... «А зори здесь тихие» – какой фильм! Три раза смотрел. Впервые у нас голых женщин показали. А старшина какой!.. «Княжну Мэри» четырнадцать раз смотрел...

И вдруг неожиданное признание:

– Кубрак умер от силикоза. Такой здоровый, сильный, красивый парень. И умер... Работал – зверь. Однажды вместе с Тыну набурил двухмесячную норму за шестнадцать дней. Набурят – идут спать. Надо бурить – их разбудят, идут в забой.

Ни Кубрака, ни Тыну я не знал, но он всё равно решил со мной поделиться... А ещё сказал, что газету с моей статьёй о проблемах куларцев зачитали до дыр:

– Переходит из рук в руки. Я её под расписку даю...

Резать специального корреспондента специальным ножом теперь не грозил. Значит, ничего я не наврал.

– Правильная статья... – согрел моё авторское самолюбие начальник шахты...

Один расписался на рейхстаге, другой сбил пять гитлеровских самолётов

На одном из куларских участков при мне к начальнику пришёл горняк: – Можно, я психану? – Было явно видно, что он уже начал «психовать» и без разрешения.

– Да ты что? План нам завалишь.

– Не. Потом целую неделю из забоя не выйду. Буду, как стёклышко... Ну, спасибо тебе, отец родной!

На прииске «Кулар», как и вообще на Крайнем Севере, да и, пожалуй, по всей стране, бок о бок работали бывшие зэки, алиментщики, алкоголики и люди с боевым прошлым. Причём иногда всё это было совместимо даже в одной судьбе. Но не у тех, о ком хочу рассказать, чтобы показать широту человеческого диапазона в здешних краях.

Уж и не помню, кто меня навёл на слесаря Куларской автобазы Григория Тихоновича Бурмистрова. А может, впервые узнал о нём из книги поэта Евгения Долматовского «Автографы победы», где упоминается этот ветеран войны? И почему бы не написать к Дню Советской Армии об этом герое войны? А то всё про добычу золота да выполнение плана. Вот он, Бурмистров, это и обеспечивает, потому что от его мастерства и сметливости зависит быстрое и качественное восстановление техники, которую ждут на прииске.

Бурмистров прошёл почти всю войну, добрался до гитлеровского логова и оставил автограф на рейхстаге. Это, конечно, большое везение, что остался жив в этом пекле. Но это и геройство! Даже если на груди демобилизованного лейтенанта была не звёздочка Героя, а «всего лишь» орден Красной Звезды и медаль «За отвагу»...

Григорий только год проработал после школы сельским трактористом, как нацисты напали на нашу страну. И сразу он получил «боевое задание» – перегнать свой трактор подальше от стремительно приближавшегося фронта. Потом четыреста километров возвращался в родное калужское село своим ходом. А на следующий день к ним уже нагрянули немцы. Человек тридцать односельчан решили пробиваться через линию фронта. Когда вышли к своим, Григория приняли в запасный полк. Выучился на пулемётчика. И уже 23 февраля (в праздник!) его ранило.

После второго, тяжёлого ранения и лечения в госпитале его направили в Касимовское общевоинское училище. Но долго учиться не довелось, курсантов срочно отправили на Курскую дугу. Потом – Брянск, Белоруссия. Под Оршей его ранило и опять под праздник – на Новый год. Тогда чуть не погиб. Их полк направляли в тыл врага, а когда прорывались обратно, его контузило, и он не дополз до наших всего несколько десятков метров. Но они его заметили, спасли. А домой пришла похоронка...

Через четыре месяца он уже в Литве, в составе истребительной противотанковой бригады. На его личном счету несколько подбитых немецких танков. Форсировал Одер. Второго мая – в Берлине. Но их часть с боями пошла дальше, к Эльбе, где он и встретил День Победы. Тем не менее, в столице побеждённой страны он успел не только написать на рейхстаге «Москва – Берлин. Бурмистров», но и побывать в логове фюрера! На полу рейхсканцелярии он увидел бронзовую голову Гитлера. Кто переступал, а кто пинал её...

После войны Григорий четыре года работал на авиационном заводе, потом почему-то его призвали в армию... В Кулар он приехал тогда, когда только зарождался прииск, жил в палатке. Построил балок, и к нему из Симферополя перебралась вся семья. Когда мы встречались, они жили уже в новом доме посёлка Северный на берегу Яны, куда планировали перевести центр прииска...

Ещё один здешний горняк-герой – взрывник шахты «Энтузиасты» Владимир Иванович Миронов. На фронт он попал даже раньше Бурмистрова. И тоже прошёл всю войну. А на День Победы оказался в Праге.

Родом он с Дона, где теперь Цимлянское водохранилище. Окончил Горьковский институт водного транспорта. Отправили в Астрахань, там занимался в аэроклубе. Потом – Сталинградская лётная школа. Попал на фронт первого июля 1941 года. Через четыре дня вступил в первый бой:

– Три фанерных истребителя и два бомбардировщика – это гробы-тихоходы. Вдруг – четыре «мессера». Один из нас остался на прикрытии, а мы двое ринулись навстречу, отгонять. Как-то само собой получилось, что на каждого ястребка пришлось по два «мессера». Закрутилась карусель. У наших скорость небольшая, но зато маневренные. Немецкие пули прошили кабину. Едва не задел меня. Сам нажал на гашетку, и – немец к земле. Второй удрал. На аэродроме – качать. Техник: «Ты чего, Володя, так разговариваешь – через зубы?» Еле разжал я зубы. Аж челюсть свело. Весь бой вспоминается сквозь туман... Каждый день по пять-шесть вылетов. Первые пять дней вообще не спали. Летали как во сне.

Всего он сбил три «мессера» и два «юнкерса». Последний, пятый вражеский самолёт, сбил так. Патрулировал. Сошлись один на один. Зашёл ему в хвост. Тот стрельнул, попал по кабине. Тогда Владимир пошёл на хитрость. Сделал вираж. Вынырнул над «юнкерсом» вниз головой. Немецкий стрелок, видимо, ожидал, когда подставит своё брюхо, но Миронов из этого же положения расстрелял его. С чёрным шлейфом самолёт ушёл вниз. Дали орден – за находчивость, за умелое ведение боя.

Последний воздушный бой. Патрулировал над доками. Налетела немецкая армада – больше сотни. А наших только три ястребка. Они попытались прижаться к земле. Но пули зажгли его самолёт, пробили ногу. Машина горела, и можно было посадить самолёт. Но сесть – рассекретить замаскированный аэродром. Полетел в другую сторону. От потери крови потерял сознание. То ли в бессознательном состоянии это сделал, то ли удача такая – самолёт сел на брюхо. Жители спасли лётчика.

Но удар, видимо, был настолько силен, что Владимир надолго вышел из строя: нормально говорить не мог до 1950 года.

После госпиталя жил в Астрахани. Месяцев шесть-семь. А рядом – Сталинградская битва. Взяли в отдельный миномётный полк резерва главного командования. Всегда был на передовой – радистом-корректировщиком. Освобождал Донбасс. Воевал под Матвеевым курганом, на Миусе. На кургане Саурмогила его опять ранило. На Первом Белорусском фронте под Жлобином двенадцать часов лежал в воронке. наших солдат поливал огнём шестиствольный «Ванюша». Немцы тогда кичились этой новинкой и распространяли издательские листовки: «Женим вашу “Катюшу” на нашем “Ванюше”». Красноармейцы отвечали: «Чхала она на вашего “Ванюшу”».

В городе Лебедин Сумской области, где лежал в госпитале, познакомился с будущей женой – «цивильной», то есть не военной.

На поезде приехал в Румынию. Понтонная переправа возле Рымника. Потом переправы через другие реки. Возле озера Балатон наших сильно потрепали: у немцев там появилось много новейших самоходных артиллерийских установок «Фердинанд». А потом – Прага, Победа!

– Какой бой самый тяжёлый? – не удержался я от банального вопроса.

– Лёгких не было. А запомнились те, где было больше потерь: под Жлобином и возле Балатона...

И ещё отмечу чрезвычайно важное: оба героя на мой лобовой вопрос ответили, что они никогда на фронте не слышали, чтобы кто-то из красноармейцев бежал вперёд с криком «За Сталина!». Может, у них такая военная специализация была? Да нет же, не в этом дело.

И от всех других участников той войны, с кем за мои долгие годы удалось побеседовать, я слышал тот же ответ: «Никогда!». Скорее, матерились или молились, чтобы подбодрить себя, подставляя своё тело под огневую мощь противника...

Эксплуатация «энтузиастов»

– Скоро Великому Октябрю стукнет шестьдесят. Будем провожать на пенсию.

– А у нас на Севере он уже и сейчас этого заслужил.

Советский анекдот.

Эта статья могла и не появиться в газете «Социалистическая Якутия». Она не имела право появиться в те дни, когда страна и «весь прогрессивный мир» чествовали «дорогого Леонида Ильича» в связи с его юбилеем. Но вопреки логике партийного издания мою статью опубликовали. Причём два больших куска, в двух номерах!

«**Честь мундира и честь отрасли**» – один из тех моих газетных материалов, которым я горжусь, который является определённой вехой в моей журналистской работе. Слова пафосные, но они в данном случае уместны.

Публикации помогло стечение обстоятельств.

Наш главный редактор Олег Якимов отсутствовал в эти дни. Его отправили в Москву поучиться уму-разуму в партийном университете при ЦК КПСС. Замещавший его Юрий Чертов незадолго до этого пришёл к нам из местного литературного журнала. Ещё, видимо, не был напуган обкомовским контролем. Он понял, что материал очень острый, поверил в достоверность всех фактов, но всё же попросил предварительно «проконсультироваться» в обкоме партии.

С готовой статьёй я отправился ко второму секретарю обкома Андрею Фёдоровичу Галкину, который курировал промышленность. Он хорошо знал беды отрасли. И его мнение могло стать решающим для судьбы материала... Возвращая мне текст, он вздохнул и сказал всего одну фразу: «Что ж, всё верно». И никаких рекомендаций, просьб что-то убрать, смягчить. Думаю, даже эти скупые слова ему было нелегко произнести. Ведь в какой-то степени и он, как секретарь обкома, несёт ответственность за горнодобывающую отрасль.

Наш цензор, коренной житель, якут, прочитав оттиск с первой частью моей статьи, спросил: «А в обкоме кто-нибудь смотрел?» Как я предугадал реакцию «внимательных товарищей»! Ведь он мог бы под любым предлогом задержать статью, не будь моей консультации с Галкиным. Разумеется, я, как опытный газетчик, не нарушил ни одного формального требования цензуры, но он придумал бы любую заковыку, лишь бы на всякий случай снять с себя ответственность. Например, мог бы попросить согласовать цифры: речь-то идёт о полузакрытой, финансовой сфере страны: об объёмах добычи золота в открытой прессе сообщать было запрещено.

Формальным поводом для поездки на прииск «Кулар» было невыполнение им годового плана. Статья вышла под рубрикой «Социалистическая Якутия» на отстающем предприятии.

Конечно, я констатирую просчёты самих работников прииска, но одна из главных причин отставания – слишком много требовали от «Кулара».

Первая часть статьи этому и была посвящена: неадекватности планирования и реального положения дел с производственной базой, а также стремлению высокого начальства выжать все соки из тупиковой, по сути, ситуации, лишь бы отчитаться перед правительством. Золото ведь – стратегический металл.

Во второй части я привёл убийственные факты о негуманном отношении к горнякам. Что такое жить и работать в тундре, где двенадцать месяцев зима – остальное лето? Центральная база «Кулара» более или менее обустроилась, и то там было далеко до оптималь-

ных условий жизни. А вот на более отдалённых участках социальная неустроенность была вопиющей!

В Москве, в Министерстве цветной металлургии СССР считали, что здесь применяется экспедиционный метод. В этом чиновники убедили и Госплан, и правительство, и всемогущий, всезнающий Центральный комитет Компартии. Если экспедиционный – то не надо строить капитальное жильё и развивать социальную базу. Министерству это выгодно – меньше затрат. К тому же можно прослыть инициатором современных методов. Но при экспедиционном или вахтовом методе люди работают лишь ограниченное время в отдалённых местах. Как, скажем, нефтяники Тюмени, которых вертолёт доставляет к месту работы на короткий срок. Хотя их качалки стоят круглый год на одном месте.

У золотодобытчиков совсем иная технология. Она сезонная. Зимой из-под земли добывают так называемые пески – золотосодержащую породу. Шахтным или открытым способом. Почему зимой? Потому что здесь вечная мерзлота, и летом, даже холодным арктическим летом, в шахтах и карьерах подтаявший грунт оседает, вода затопит выработки. Зато за короткое северное лето надо успеть промыть все поднятые на-гора пески. Начинали промывку в конце мая, а в августе – уже ночные заморозки.

При формальном экспедиционном методе, горняки «Кулара» живут там годами. Некоторые безвылазно – со дня основания. В отпуск из-за отдалённости и благодаря возможности получить бесплатный проезд один раз в три года к этому графику отпусков и приспособляются. Чаше ездить, за свой счёт, – слишком дорого.

Если горняк работает здесь годами, то и некоторые жёны сюда перебираются. Формально не имеют право – экспедиционный метод. Но руководители входят в положение подчинённых. Возникает цепочка проблем.

Женских профессий здесь мало. Не важно, кем ты была на «материке» – хоть музыкантом, учителем или библиотекарем. Здесь повезёт, если летом найдётся место на промывочном приборе. Ещё лучше – в котельной, там работа почти круглогодичная. Место поварихи – это ещё большая удача...

Мужики живут в общежитиях. В сезон промывки там размещали до тысячи трёхсот человек, с учётом временщиков. Приедет жена к тем, кто хочет поработать здесь подольше – надо искать отдельный угол. Поскольку возводить капитальные дома не разрешали, местные руководители исхитрялись строить жильё под видом, скажем, клуба. Клуб-то нужен для воспитания в «духе преданности» и для культурного времяпрепровождения. Контролёрам из разных инстанций «замазывают» глаза «хорошим угощением». Возможно, и чем-нибудь побольше.

Но таких добротных домов очень мало. Скажем, в посёлке шахты «Энтузиасты» было всего два, третий только строили.

Предприимчивый северный народ сам, не дожидаясь милостей от министерства, стал обеспечивать себя жильём.

Вы знаете, что такое балок? Это деревянная конура. В тундре леса нет. Последние лиственницы, преодолев реку Яну, как раз до южной окраины прииска «Кулар» только и добрались. Но это – нестроевой лес. Деревьям этим, как мне сказали ботаники, лет по двести, а они диаметром сантиметров двадцать. И низкорослые. Со стволами, израненными морозами, все в трещинах. Но «строевой» лес есть в шахтах. Это – рудничные стойки, например. Новые брать – криминал. Стараются успеть выдернуть б/у весной, перед закрытием шахты. Из этих брёвен и строили горняки себе жильё. Их на «Куларе» было более тысячи! Без каких-либо удобств, но всё же это не брезентовые палатки, в которых в 1960-е годы начинали здесь осваивать месторождения.

Однако некоторым и шахтных брёвен б/у не хватает. И я видел балки из... ящиков. На Север ведь практически всё доставляют в деревянных ящиках: консервы, конфеты, взрыв-

чатые вещества. Дощечки, конечно, тоненькие. Но с их помощью делают засыпушки, заполняют пустоты тем, что окажется под рукой: шлаком от угольных котельных, мхом. А снаружи этот, с позволения сказать, дом укутывают рубероидом, защищая от пронизывающих тундровых ветров.

Но, тем не менее, из чего бы ни соорудили балок, это – свой дом. При желании внутри можно устроиться цивилизованно. Один хозяин такого жилья мне с гордостью похвастал внутренним убранством, которое не снилось многим советским семьям на «материке». Вся комната в коврах. Вот что осталось в моей записной книжке по горячим следам:

– Лежат в магазине ковры. За ними никто не толкается, – так хозяин балка отмечает, как охотятся за таким дефицитом в центральных и южных районах страны. – Заверните, говорю. Три штуки. А они: “Это в нагрузку к пианино”. Тогда их завезли, а никто не покупал. Заверните, говорю, в них пианино, чтоб по дороге не поцарапать и чтоб не замёрзло. С тех пор так и живём: я, пианино и эти... дагестанские...

Вот эта денежная возможность – «завернуть», что угодно, лишь бы было это в продаже, в какой-то степени компенсировало неудобства и сложности Севера, давало моральное удовлетворение: не зря мы здесь пашем, как рабы...

Зимой пурга заботливо укрывает балки снегом до крыши: нет дневного света (его всё равно нет – полярная зима), зато экономится тепло. Но в этом укрывательстве есть и минус.

Однажды в этих местах две недели бушевала пурга. Я как раз после этого приехал сюда в командировку. Сначала побывал в Тикси. Там двухэтажные дома до крыши замело. Мальчишки на санках от труб скатывались. Чтобы жители могли зайти в подъезд, бульдозеры прорыли каньоны! А на «Куларе» занесло практически все эти низкорослые балки полностью – сравняло со снежным покровом тундры. Какой-то бульдозерист, не видя дороги, наехал на балок, продавил крышу. Хорошо, не провалился до пола и никого не придавил.

В те же пуржистые дни на «Куларе» случилась трагедия. Не помню, откуда и куда шёл мужик. Заблудился в снежной круговерти, долго-долго плутал, потом, видимо, услышал звук котельной, пошёл в её сторону. Но не хватило ему сил, замёрз, не дойдя до котельной нескольких десятков метров. Нашли его полураздетым. Такова реакция агонизирующего организма: человеку становится жарко.

Бескрайняя тундра – это не место для легкомысленных прогулок. Зато это – место для «экспериментов» над советскими работягами. А те или сразу же сматываются отсюда («Ты, начальник, волка в шахте видел? Нет? Ну, и меня не увидишь!»), или ради больших горняцких заработков, северных коэффициентов и надбавок терпят лишения, унижения, скотские условия. Отсюда такое сочетание: высокая текучесть и устойчивость горняцкого костяка.

Председатель поселкового совета Нина Санбочу дала мне такие официальные данные: средняя обеспеченность жильём на территории прииска «Кулар» – 2,7 квадратного метра на человека. В этих метрах учтены и балки, сооружённые из бог знает чего. Центральный посёлок прииска – самый тут обустроенный. Но и здесь многое появилось «подпольно».

Горняки открыли секрет своего «благоустройства». Детский комбинат построили как компрессорную. Здание аэровокзала – под видом склада. Мне рассказывали: приехал представитель Стройбанка для контрольного обмера. Ему: эта пристройка нужна для склада (теперь там сидит авиадиспетчер)... Кое-как уговорили с помощью «Спиридона Ивановича», то есть спирта. Позже надо было здание передать авиаторам. И вновь кое-кого уговорили. Перевели склад в разряд аэровокзала.

Вдумайтесь: в посёлок Кулар круглый год возили питьевую и для технических целей воду за двадцать пять километров! Два десятка мощных «КрАЗов» приспособили для этих целей. Это в какую же копеечку всё это влетало горнякам! Как же тут уложиться в планы пятилетки по производительности и себестоимости?

А потому что – «экспедиционный метод»! Липовый. Сами себя обманывали. Но даже, если и «экспедиционный» – почему нельзя всё продумать заранее и сделать всё по-человечески? Для этих несчастных северных людей! Которые были готовы за «длинный» рубль терпеть лишения и унижения...

Может, мудрецы из Минцветмета и из «Союззолота» были уверены, что вскоре на «Куларе» иссякнут запасы золота? Нет, не были уверены. Хотя гарантированных запасов тогда было лишь на три года. Не зря же Москва вдруг расщедрилась, и затеяли строительство новой центра прииска – посёлок Северный, на берегу Яны. Но работы шли ни шатко, ни валок. Геологоразведка отставала от потребностей золотодобытчиков, и никто тогда ничего точно не мог сказать о перспективах. А страдали люди, «энтузиасты», привлечённые сюда длинным рублём.

Так получилось, что тогда же мне довелось сравнить советский метод освоения северных территорий с американским. В Якутске прошла международная конференция по проблемам мерзлотоведения. Поскольку, как оказалось, вечной мерзлотой озабочены страны всех континентов, даже Африки (там она занимает вершины гор), то столица Якутии собрала очень представительный состав учёных и практиков хозяйственного освоения. Разумеется, для нас наибольший интерес представлял опыт США и Канады. Там тоже используют вахтовый или экспедиционный метод. Но какая колоссальная разница. На фото – вполне цивилизованные сборные дома из щитов с утеплителями. Устанавливают эти лёгкие конструкции за считанные дни. Внутри практически все удобства. А когда заканчиваются работы здесь – разобрали и перевезли туда, где они понадобятся. И экономично. И люди не терпят таких страданий и унижений, как в нашей «социалистической» стране. Так что и при вахтовом методе можно (и нужно!) обеспечивать нормальный быт.

Ещё более антигуманный и разорительный метод бесхозяйственности я воочию увидел на полигоне шахты «Энтузиасты», подразделения того же прииска «Кулар». Вот живая картинка, которую я в статье не посмел детально показать, ограничившись понятием «зимняя промывка».

Тундру бороздят мощные 250-сильные бульдозеры советского производства. Они рыхлят уже замёрзший верхний слой. Сзади бульдозера установлен стальной клык. Он вонзается в мёрзлый грунт на почти метровую глубину. И мощная машина пашет полигон. Взрыхлённый грунт бульдозеры отваливают в сторону, добираясь до золотосодержащих песков. От оголённой влажной земли идёт пар. Он смешивается с выхлопными газами. Плюс рёв мощных моторов. И у меня создалось впечатление, будто я свидетель танкового сражения на Курской дуге.

Только «танкисты» не слишком долго здесь воюют. Вдруг останавливают свой «танк» и – быстрее в балок. Пьют горячий чай, греют заледеневшие руки. Мороз, вроде бы, и не большой – около двадцати градусов, но... У бульдозеров... нет кабин. Прииск лишь недавно получил эти новые машины, готовясь их использовать в будущий сезон.

Доставляется сюда техника сложным, длинным путём. По железной дороге до Усть-Кута, это в Иркутской области. Там, в порту Осетрово грузят на суда типа «река-море», которые по реке Лене, Ледовитому океану и реке Яне добираются до Кулара. Но кабины до наступивших морозов доставить не успели. Тем не менее, сверху пришла команда: несмотря на морозы, продолжить промывочный сезон, попытаться подтянуть план всего объединения «Якутзолото». А состояние бульдозеристов, их здоровье, не волнует руководство.

Но это не вся беда такой запоздалой добычи.

Пока бульдозеры толкают пески к промывочному прибору, мелкая фракция смерзается. И, чтобы крупинки золота не смывались в отвалы, вокруг вращающейся бочки прибора строят ангар, утепляют его, для подогрева используют дизтопливо. Представляете, во сколько обходится эта ударная зимняя промывка?

Но как ни утепляют промприбор, самые мелкие крупинки самородкового золота уплывают. Сопровождавший меня горный мастер предположил, что теряется не менее трети. И следующим летом эти отходы будут заново перемывать. Однако часть самородков уже потеряна безвозвратно, унесена в ручьи. Проблема заключается не только в неэкономичности, но и в экологических последствиях. После такого грубого смыва ручьи засоряются, становятся непригодными для жизни.

Героизм газеты (без иронии и без кавычек) заключался в том, что эту мою статью напечатали (17 и 18 декабря 1976 года), когда полторы полосы в каждом номере было отдано материалам, славящим генсека Брежнева в связи с его семидесятилетием.

Приведу только заголовки в номере газеты от 17 декабря: «Вручение кубинской награды товарищу Л.И. Брежневу» (вручал сам Фидель Кастро), «Биография страны – биография коммуниста. Общественный просмотр нового документального фильма». В следующем номере: «Вручение награды ПНР товарищу Л.И. Брежневу» (вручал партийный лидер Польши Эдвард Герек), и фотоочерк «Вся жизнь – служение народу».

Отчёт о просмотре лизоблюдочного фильма начинается со слов самого юбиляра: «Наша дорога – это дорога правды, дорога свободы, это – дорога народного счастья». Ну, по поводу «свободы» тут и комментировать нечего: коммунистическая власть ведь всегда считала нашу страну самой свободной в мире; и это несмотря на объявленную «диктатуру пролетариата»! А вот каким был счастливым наш народ, как ему служили Брежнев и его команда, я показал в своей статье, расположенной в том же номере по соседству со словесными в честь второго Ильича.

Возможно, это сочетание несочетаемого: жёсткой статьи и юбилей Брежнева сыграло особую роль в реакции на мою публикацию. Утром, когда вышла вторая часть статьи «Честь мундира и честь отрасли», я проснулся...

Нет, я не о том, что стал знаменитым. Я проснулся от раннего звонка. Была суббота, и я хотел отоспаться после напряжённой работы в предыдущие дни. Два вечера подряд я дежурил в редакции до полуночи, пока номера не были подписаны в свет. Звонил мне спозаранку генеральный директор объединения «Якутзолото» Тарас Гаврилович Десяткин.

Мы были хорошо знакомы. Я неоднократно делал интервью с ним. Причём он их не читал: «Я тебе верю». Он знал, что я ничего не искажу. Все нужные цифры о золотодобыче, о работе подопечных комбинатов и приисков я брал у компетентных сотрудников. Но то были дежурные материалы – как правило, перед промысловым сезоном или после его завершения. А тут я понаписал такое...

Тарас Гаврилович не ругался. И был даже не обижен, а, скорее, сильно огорчён. Я понимал его. Конечно, любому руководителю обидно получить такую публичную оплеуху от прессы. Он к тому же единственный якут, который руководил столь мощным промышленным предприятием. Он – национальная гордость автономной республики. Герой Социалистического Труда, это звание ему присвоили всего за пять месяцев до моей публикации. Лауреат Государственной премии.

И вот мой разгромный материал. Хотя в статье ни разу его фамилия не упоминалась, и вообще острей моей критики было направлено главным образом в сторону Москвы. Но я понимал, как ему было больно.

Он сорок пять минут (!) объяснял мне, почему возникла такая ситуация, что пришлось продлить промысловый сезон до крутых якутских морозов. Дело не столько в отставании объединения от плана по добыче золота, утверждал гендиректор. Секретарь ЦК КПСС Владимир Долгих, который курировал металлургическую промышленность, попросил (это как приказ) добыть как можно больше золота в ближайшее время. Не исключая, что с этой просьбой тот обратился и к другим золотодобывающим предприятиям страны, но сейчас не о них речь. Советскому Союзу надо было позарез купить в Канаде зерно, иначе возникли бы

проблемы и с продовольствием, и с кормом для скота. А купить у проклятых капиталистов можно только за твёрдую валюту или за золото.

Излив мне свою горечь – скорее от ситуации, в которую он попал, чем от моей статьи, Тарас Гаврилович остался со мной в нормальных деловых отношениях. Не пытался добиться сатисфакции через партийные органы. Да и что он мог бы доказать? Я же был во всём прав. К тому же ему, полагаю, было больно за родную Якутию: ведь по его личному приказу совершались экологически вредные действия. А мог ли он в той планово-командной системе послушаться, решать производственные задачи разумно, исходя их реальностей, а не по прихоти «верха»? Мог ли отказаться от, по сути, преступной сверхнормативной осенне-зимней добычи золота на открытых участках?..

И если бы мы оба знали тогда, что потом случится с «передовым» заполярным предприятием «Якутзолота» – прииском «Кулар», носившим гордое имя 50-летия СССР!

Современная история Кулара и его окрестностей оказалась весьма печальной.

Вскоре после моего отъезда из Якутии было принято решение построить возле центрального посёлка прииска золотоизвлекательную фабрику. Фабрику возвели. Но достаточных запасов сырья не нашли. Как же тогда закладывали предприятие, на основании каких данных?

С переходом экономики на рыночные отношения золотодобычу прииск «Кулар» здесь прекратил. Стало экономически не выгодно. Горняки, у кого были деньги на проезд и место для продолжения жизни, поразъехались. В 1998 году посёлки Кулар, Власово (там была шахта «Омолой») и Энтузиасты постановлением якутского правительства были упразднены, а земли переданы в распоряжение Омолойского наслега (сельского округа).

Часть местных горняков на какое-то время оставались в старательских артелях. Одна из них организовала добычу на месте центрального посёлка. О том, что Кулар буквально стоит на золоте, мне говорили ещё тогда, в 1970-е годы.

Когда главой правительства Якутии был Владислав Штыров (впоследствии президент компании «АЛРОСА»), он попытался оживить Куларский золотonosный район. Геологической экспедиции из бюджета выделили десятки миллионов рублей на дополнительные изыскания. Чем завершились эти изыскания, не знаю. Но добычу золота там в больших масштабах по-прежнему не ведут. Немного промышляют местные жители.

Некоторые специалисты иногда ещё выступают со статьями в защиту Кулара, пытаясь доказать, что район перспективен, что есть там золото. Однако для возобновления производства, для воссоздания социальной базы теперь потребуется очень много средств. Едва ли в рыночных условиях это теперь возможно. Если только снова не обнаружат там очень богатые месторождения...

Куларские неудачники, те, кто никак не смог выбраться оттуда, превратились в «асоциальный элемент». Жить было где: хотя большинство построек было сломано и сожжено, всё же некоторые дома остались. А вот где они «добывают» деньги на жизнь-бытьё, одному якутскому богу известно.

Бывшие жители Кулара создали сайт, на котором делятся своими воспоминаниями, своей тоской по северному краю. Рассказывают, как покидали обжитые в суровой тундре места. Самым впечатляющим оказался для меня рассказ о том, как закрывали школу. Учителя и ученики, завершив последние занятия, в прямом смысле закрыли её и... подожгли... Трудно представить, что было на душе у тех, кто там учился и учил, а теперь лично уничтожил. Наверно, на всю оставшуюся жизнь в душе этих куларцев осталась зарубка.

Якутские горняки на шхуне Маннергейма

В каком непростом географическом месте находилась плавучая фабрика «Горняк», можно судить по тому, что лишь на шестой день сентябрьская погода смиловилась, и вертолёт прорвался к побережью Ледовитого океана. Я стремился туда, чтобы познакомиться, как идёт этот уникальный эксперимент: оловянную руду (касситерит) добывают в море с помощью плавсредств.

Я уже бывал здесь, но зимой. Помню, я сюда летел тогда на воздушном вездеходе «Ан-2» и не мог понять, как лётчик посреди абсолютно белой, искрящейся распластанной заснеженной тундры при чрезвычайно ярком мартовском солнце увидел точку, куда надо было приземлиться. Собственно земли-то не было видно. И я понял, что мы прилетели лишь тогда, когда винтокрылое «такси» пошло на посадку. А он опытным глазом давно уже рассмотрел ориентир – тёмную крошку на гигантском пространстве, буровую установку на льду Ванькиной губы. Но сели мы на берегу, на расчищенной местными обитателями заснеженной площадке. Тогда геологи Полоусненской партии Янской экспедиции вели здесь разведку Чокурдахской прибрежно-морской россыпи касситерита.

Яркое солнце, ослепительный снег располагал к праздничному настроению: наконец-то после полярной ночи начинается нормальная жизнь. Нормальная? Нормальная, когда нет пурги. А подует – если надолго, то отрежет буровиков не только от всего мира, а даже от берега, до которого всего несколько сотен метров. В пургу эти «всего» могут превратиться в непреодолимое расстояние.

Геологи рассказали жуткую историю, произошедшую той зимой. Буровая стояла немного дальше – так сказать оконтуривали месторождение. Бульдозером что-то доставили, и он отправился в обратный путь к берегу. Внезапно налетела пурга. Ничего не было видно. Куда ехать? Но не стоять же – заметёт по самую крышу и тогда не выбраться. Бульдозерист и его напарник ехали и ехали... Потом их нашли. Далеко в море. Заплутав, они не смогли в снежной пелене выбрать правильный путь (какое легкомыслие: в таком своеобразном месте, где вообще трудно ориентироваться даже при хорошей видимости, не иметь компаса!). Как они не уткнулись в берег относительно узкого залива, не понятно, – видно судьба такая. Когда бульдозер заглох, люди стали замерзать... Оба трупа оказались в отдалении от машины. В разных местах. И тоже, как уже в рассказанном случае, верхней одежды...

Но сейчас даже пятидневная осенняя непогода не помешала работе. И теперь здесь хозяйничают не геологи, а горняки, морские горняки! Там, где на льду в прежний мой приезд стояла буровая, теперь возвышалась громадная коробка плавучей фабрики «Горняк».

О добыче россыпных полезных ископаемых на дне морей давно задумывались. Советские специалисты пытались осваивать шельфы Балтики, Чёрного моря, на Дальнем Востоке. Но положительных результатов там не добились. И тогда вспомнили про море Лаптевых. Было создано предприятие «Севморолово».

На плавучей фабрике при мне было всё готово, чтобы начать промывку подводных отложений и доставать руду. Но на море, как и на обычных полигонах, надо сделать вскрышу – убрать пустые породы. Подводного бульдозера пока не изобрели, и эту работу выполнял обычный земснаряд. А ещё при мне испытывали специально изготовленный для этих морских работ мощный насос.

При всех немалых размерах «Горняка» это – всё-таки корабль. А значит, на волнах и он покачивается. Глубокий залив – не открытое море, но и здесь ветры вспучивают морскую поверхность, крен фабрики бывал немалый. И это вызывало дополнительную заботу об оборудовании: и чтобы оно было устойчивым, и чтобы, скажем, правильно разделять металл и камни.

Но это ещё не все проблемы морской добычи. Мне рассказали, как непросто в долгую полярную ночь было работать на этой фабрике, которая вообще никогда не эксплуатировалась при морозах, как с трудом обеспечивали себя пресной водой, привозя и растапливая лёд с тундровых озёр, как весной едва отстояли плавсредства в битве с морскими льдами, как отрезанные от мира отсутствием радиосвязи и авиационного сообщения жили, неделями не получая из-за непогоды никаких вестей из дома...

На первый взгляд, все проблемы с началом освоения месторождения, решаются проще, чем на суше. Здесь не начинали с палаток, а получили для проживания старый, но комфортабельный теплоход «Петродворец», где есть все минимальные бытовые удобства, можно посмотреть фильм, сыграть в пинг-понг, бильярд, шахматы... Захотел подышать свежим воздухом – открыл иллюминатор, мало этого – прогуляйся по палубе, если ветер не сдувает. А какая экзотика: полярный день (или полярная ночь), северное сияние, летом чайки садятся на судно в двух-трёх метрах от тебя...

Однако экзотика хороша для тех, кто приезжает на короткий срок. А если жить круглый год? А именно так и задумывалась морская добыча.

Морской горняк трудится на постоянно вибрирующей от работающих механизмов плавучей фабрике. Возвращается на отдых «домой» – в плавучую «гостиницу». Но на ней тоже круглосуточно работают дизели, и корпус судна вибрирует. Это хорошо в круизе потерпеть эту вибрацию несколько дней, а здесь круглый год никуда от неё не спрячешься: отдых – на судне, работа на судне, до твёрдой земли далеко. Ведь даже моряки имеют санитарные ограничения пребывания на судне в плавании... А как быть с круглогодичными семейными работниками – они же составляют квалифицированный костяк коллектива? Если же строить жильё на берегу, то какая же выгода от морского способа?

...Ночью, под ровный, едва доносившийся шум дизелей и слабую вибрацию я лежал и думал: как судьба непредсказуема? Этот «Петродворец», построенный в Европе ещё в 1938 году, был личной шхуной Маннергейма – известного царского генерала, участника Японской и Первой мировой войн, ставшего главнокомандующим финскими войсками. По его инициативе была построена оборонительная линия, которая в начале Второй мировой войны мешала Красной Армии продвигаться по территории Финляндии... Недавно в Санкт-Петербурге попытались воздать должное этому бывшему русскому генералу, однако установленную памятную доску наши «патриоты» и обливали краской, и корёжили её...

А тогда, в семидесятые годы, я видел безрадостный конец жизни некогда престижного судна. В Ванькиной губе. С каютами, заполненными непритязательными морскими горняками. Кто занимал личную каюту фельдмаршала и в каком она теперь была состоянии, не знаю. Экскурсию мне не организовали. И, как бывшая шхуна попала в такую даль, не рассказали...

Собравшись возвращаться, я долго ждал вертолёт на берегу. Время его появления было неопределённым – ведь нередко он совершал промежуточные посадки, попутно залетая к оленеводам, рыбакам: кого-то забрать, доставить ветеринара, подвезти какой-нибудь инструмент, продукты, лекарства, материалы... Чтобы скоротать время, пошёл осматривать окрестности.

Моё внимание привлекло тёмное, почти вросшее в землю сооружение. Ба, да это же зэковский барак! Бревенчатый сруб хорошо сохранился в арктических условиях. Только не было двери да оконной рамы. Чтобы меньше было потерь тепла и лучше защитит от ветров, барак поставили к «стенке», прилепили к береговому склону. Так что две стороны были глухими. И лишь торец с дверью да один бок были доступны для дневного света. И только на одно небольшое оконце расщедрились «защитники социализма». Такое небольшое, чтобы человек не смог сквозь него пролезть, даже если и был чрезвычайно худ. Крыша завалена

грунтом, за долгие годы она уже покрылась тундровой растительностью. И сооружение было похоже на блиндаж. *A la guerre comme a la guerre* (на войне, как на войне)...

Я присел возле стены, прислонясь спиной к почерневшим брёвнам. Тишина. Ни шума ветра, ни крика птиц. Мёртвая тишина... На «Горняке» мне рассказывали, что здесь во времена ГУЛАГа содержались политические. Попытался представить, как в этом промозглом крае люди (наши советские люди! многие политические – из интеллигенции!) проводили долгие месяцы (долгие – если долго выживали), как измождённые от голода и тяжёлого труда на геологоразведке (скорее всего они копали на берегу шурфы и обслуживали буровые) валились на топчаны между этих закопчённых и заплесневелых стен...

Я был на экскурсии в нацистском лагере смерти Маутхаузен, но там в барак нас не пустили – и правильно делали. Это – психологическое испытание не для всех людей. Отсюда, из этого барака на берегу Ванькиной губы, не отправляли в печь крематория, здесь люди ждали смерти ещё дольше, они умирали здесь медленнее, здесь устроили им «трудовое воспитание» под предлогом искупления греха перед «родной» советской властью...

С Эдит Пиаф – по зимнику к Верхоянску

Работать в Якутии журналистом и не проехаться по зимнику? Это было бы большим профессиональным упущением. Кто на зимнике не бывал, тот и Якутии не видал! И вот, поднабравшись опыта, наглости и связей, я договорился с Хандыгской автобазой прокатиться на одной из её машин по трассе, которая действует только в зимнее время. В качестве пассажира, разумеется.

Хандыга – это посёлок на правом берегу Алдана, который издавна был перевалочным пунктом. Сюда на речных судах из далёкого иркутского порта Осетрово доставляют грузы для многих районов Северо-Востока, куда другим способом доставить всё нужное для промышленных и социально-бытовых надобностей просто нет возможностей. Отсюда на восток идёт более или менее обустроенная дорога на Магадан и в Усть-Неру.

А зимой, когда заледенеют реки, появляется возможность добраться на колёсах до северных районов Якутии, где добывали золото, олово, сурьму и другие весьма полезные ископаемые. И тогда из Хандыги отправляются грузовики в далёкие, до двух с половиной тысячи километров, рейсы.

В начале февраля 1975 года я отправился в командировку в Томпонский район, целью которой было сначала побывать на угольной шахте «Джебарики-Хая», а потом проехать по зимнику до центра Верхоянского района. Сохранились путевые заметки:

4 февраля

Якутский аэропорт. Туман... Морозище под 50 градусов... Бесконечные переносы рейса «по техническим причинам»... Объявляют о посадке на 31-й рейс до Тикси за 1 февраля. Ушла группа «оленоводов» с рюкзаками и солдаты.

Малыши среди толпы гоняют мяч.

Сижусь за буфетным столом. Других свободных мест в аэропорту нет. Буфетчица не протестует – привыкла. Рядом со мной сидят трое. Супружеская пара и якутка в белом полушубке – администратор концертно-эстрадного бюро Лиды. Она провожает Киселевых. Анатолий – скрипач, лауреат международных конкурсов.

– Вот недавно я в Стамбуле был...

Наташа – концертмейстер, пианистка. Едут на два дня. Спрашивают меня, кто живет в Хандыге, какие предприятия. Я бухнул:

– Автобаза.

Наташа даже глаза закатила:

– Кто же там будет слушать камерный концерт?

– А я собирался в Швейцарию. Нет, говорят, надо в Якутию. Надо план выполнять. А здесь, похоже, никому камерная музыка не нужна. Здесь большей популярностью пользуются лилипуты и цыгане.

...Летим. Анатолий рассказывает:

– Я был в геологическом музее на Сахалине. Увлекаюсь минералогией. Видел прекрасный образец: множество представителей флоры и фауны внутри кристалла. Я говорю геологам: давайте дам вам шефский концерт... Через минуту рядом со мной ни одного человека уже не было...

«Як-40» быстро доставил нас до Тёплого Ключа [ближайший к Хандыге аэропорт]. Вышли на жуткий холод. Едва влезли в заполненный автобус. Вдруг Киселевых просят вернуться. Позвонили из Якутска: надо завтра срочно улететь в Иркутск. Нет, такое может быть только в нашем богатом государстве. Гнать людей «прокатиться» из Москвы до Хандыги... За семь тысяч километров...

5 февраля

Хандыгская автобаза. Один из её руководителей – Михаил Саловский рассказывает о моём предстоящем маршруте:

Всего до Батагая [это был центр Верхоянского района] – 1029 км.

72-й км от Хандыги – Тёплый Ключ. Там: дорожник, гараж, автопункт, гостиница, столовая.

Ещё 42 км. Улах: заправка, пункт отдыха на шесть коек, тёплый гараж дорожников – для экстренных случаев.

Через 28 км – зимовье Минкула (искажённое Минкюель): старик обслуживает пост, нары, можно обогреться при аварийной ситуации... [И так про все предстоящие точки опоры в безлюдном пространстве].

6 февраля

Сосед по комнате в общежитии, куда меня пустили на ночлег, – шофёр Василий Бочка. 4 февраля ездил на лесоучасток завода стройматериалов Министерства местной промышленности. «Урал» с прицепом берёт 12 тонн. До участка – более 100 км. Приехали в 13.00. Постояли до 17.00. Грузчиков нет. Позвонили на завод. Говорят, ждите до утра, чем-нибудь загрузим. А бруса для «Индибирзолото», за которым приехали, ещё и не заготовлено...

7 февраля

Среди шоферов есть и инженеры, бывшие главные механики или главные инженеры автобаз, завгары. Понесли наказание за чьи-то срывы, а теперь не хотят возвращаться на командные должности.

По ТВ – «Семнадцать мгновений весны». «Мгновенья раздают – кому позор, Кому – бесславие, а кому – бессмертие!» Совсем, как на трассах Якутии...

В шофёрской нет газет. Сосед переживает это по-своему: – Я даже не знаю, что по телевидению будет...

8 февраля

Перед отъездом ещё она деловая встреча. Главный инженер ХЭЛУАД (Хандыгское эксплуатационно-линейное управление автомобильных дорог) Анатолий Буртов рассказал, где какая дорожная техника имеется: бульдозеры, автогрейдеры, скреперы, роторный снегоочиститель, для расчистки от кочек соорудили «утюг», сваренный из рельсов...

– Самое больное место – отсутствие тяжёлой техники типа ДЭТ-250. Не хватает грейдеров. Обслуживающие машины слабые. Дали БАТ – большой артиллерийский тягач, но этого мало.

На технике – сменные экипажи. Работают по две недели. Потом возвращаются в Хандыгу.

Всего ХЭЛУАД обслуживает 1635 км [как от Москвы до Урала!], в том числе чистый зимник – 843 км. Всего рабочих – 341 человек. Чистых дорожных рабочих 65, которые ведут подсыпку, остальные зимой становятся истопниками, дизелистами и прочим обслуживающим персоналом.

– Магаданская трасса, – продолжает Буртов, – строилась в сороковые годы. Деревянные мосты пришли в негодность. Да и рассчитаны на старые нагрузки. Ведём укрепительные работы... Лишь девять мостов – железобетонные. Не достаёт труб, не соответствуют водостоки. На Агаякане строится мост: надо 450 т цемента, дают только 200. В Кюбюме всё падает: электростанция, котельная. За что раньше хвататься?.. Хандыг-

ская автобаза хорошо помогает. Иначе не справимся со своими задачами. Ежегодно надо высыпать 400 тысяч кубометров грунта для восстановления полотна, не считая того, что сносят паводки. А укладывалось лишь 200 тысяч. И лишь в 1974 году уложили 340 тысяч. Так что дорога ежегодно ухудшается. Не говоря о том, что не отработаны повороты...

На автобазе перед дальней дорогой, как бы заранее извиняясь, меня предупредили:

– Вам наши ночлеги не понравятся. Бичарни...

Представили моего персонального водителя: Столяров Анатолий. Точность – вежливость королей... трассы. Приехал за мной точно в 14.00. Даже на две минуты раньше. Но ещё не обедал:

– Всё возились с машиной.

Едем по посёлку очень медленно, тяжело. «Урал-377» поскрипывает, как старичок от ревматизма.

– Замёрз мой ермачок... Застоялся. Ни черта не тянет.

Не тянет не только из-за почти 50-градусного мороза. Плохой бензин. На трассе нет Аи-93. [«Урал», предназначенный для армии, ездил на самом дорогом в те годы 93-м бензине, а не на 80-м, как большинство грузовиков и не на солярке! Но «Урал» лучше других отечественных машин справлялся с северным бездорожьем.]

– В Хандыге есть, и в Батагае. А на трассе нет. Головки горят. Октановое число ниже. А нагрузка зимой больше. Мороз давит. Да и мотор круглые сутки молотит, – незлобиво жалуется Анатолий. И по-хозяйски рассуждает: – Шесть тысяч литров – на рейс. Дизель был бы выгоднее...

Вдруг, спохватившись, спрашивает, словно мы к Чёрному морю едем:

– Темные очки взяли? Без них сейчас нельзя.

Да, если выглянет солнце, в этом белоснежном царстве можно и «зайчиков» нахватать, как при электросварке. Пока пасмурно.

В гараже Анатолий знакомит с попутчиками. Алексей – без прицепа. Оставил его на 120-м километре. Мотор застучал, и вернулся. Второй – Виктор Белый, тоже с Кубани, с одного села. Он действительно весь белый. Третий – Николай Пострихин. Ему около сорока лет. Из них восемь лет ковырял уголёк в Донбассе. Потом плавал на Камчатке. Был на могиле Беринга.

Столяров с Кубани. Работал на заводе. С 1960 г. – шофёр. Приехал сюда с женой. Здесь родились две дочери. Люду приняли сегодня в пионеры. А галстук носит младшая – Маринка. Совсем как мальчишка – в шортиках. Вертится вокруг отца:

– Папа, салфетки возьми...

Жена собирает Анатолию в дорогу: кладёт банку солёных огурцов, лечо... Всё – своего приготовления.

По дороге Анатолий рассказывает:

– Ехали в Якутию на три года. Деньжонок поднакопить. Вроде всё уже есть. На Кубани домик построили. Под Ейском – отец, мать. У них большой дом с удобствами. Даже газ будет... А уезжать отсюда не хочется. Деньги держат?... Да нет. Уже привыкли. Восемь лет здесь. Природа какая! Картина есть «На севере диком». Так то – картина, а здесь – жизнь... Снег такими шапками лежит на деревьях!

Про дорожных работников у него немало специфических историй:

– Дядя Вася (на Менкуле) говорит: «Я деньги кладу на спирткнижку». Рубаха и чёрный кот – вот всё его имущество... А Руль Иванович выпил с кем-то тормозной жидкости. Стало ему плохо. Эх, говорит, помирать жалко: не всё выпил. Нашли у него только оставшиеся от полочки 76 рублей. Был он когда-то шофёром, офицером штаба, задавил кого-то, посадили...

Мы в шоферской на Улахе. Одна комната, пять коек, аккуратно заправлены. Чистые, белые простыни и наволочки. Одежда – так себе. Печка. Жарко натоплено. В баке – вкусная вода. Со льдом. Стол. Две голубые лавки. Умывальник. Керосиновая лампа под потолком.

9 февраля.

Зимовье Менкула (Мен-Кюель). В избе – печка, столик, топчан на четверых, за ширмой – койка без простыней, портрет Косыгина, фанерный ящик-тумбочка, «Спидола», чёрный котёнок с беленьким «бантиком».

У кого-то выходной, а мы встали утром пораньше. Хотя вчера мы приехали сюда в полночь. Дядя Вася приглашает:

– Сегодня – воскресенье, грех работать. Давайте на рыбалку.

«Хозяин» зимовья в «калошах» – обрезках от резиновых сапог, в клетчатой рубаше – ковбойке, шароварах. Русый. Хохолок. Носатый. Худой. Лицо морщенное, как мочёное яблоко. Здесь с 1937 г. Ясно, как попал сюда бывший офицер. Петли ставит, капканы – на зайцев, горностаю, соболя. Есть, говорит, сохатые, и много волков.

Приглашение на рыбалку никто не принял. Режутся в карты. В тысячу.

На «Урале» приехал дорожник Михаил Большедворский. В почтенном возрасте, седой. Моет руки:

– Корреспондента не видели?

Кто-то предупредил о моём передвижении по трассе. И по такому случаю на нескольких крутых подъёмах подсыпали песок.

– Не помню, чтобы здесь так делали, – отметил Анатолий, когда выруливал на дорогу.

...Над рекой – лёгкий туман. Это парят наледи. Но – маленькие. Большие – старые, уже замёрзшие.

«Ворота» – две чёрные скалы. Река здесь абсолютно без снега – ветер сдувает. Лёд – бирюзовый, как чистая вода в здешних горных реках.

Лёд покатою от берега – как уровень воды падал, так и замёрзло. Первым спускается Алексей. Не рассчитал, его машину развернуло. «Сложился»: кузов и прицеп борт о борт. Анатолий попытался расцепить их, дёрнул тросом, прицеп опрокинулся. Лопнула рама, треснули доски. Вывалились тракторные гусеницы. Что делать? Вызывать технику, чтоб на месте сварить раму? Решили оставить гусеницы. И с пустым прицепом Алексей опять вернулся в Хандыгу. В первый раз – из-за двигателя. Теперь вот из-за своей ошибки. Мы остались на трёх машинах.

...Томпо – на высоком берегу домишки, пекарня и т. д. Мусор, ящики под обрывом. Река всё очистит весной.

Машина – в кювете. «ЗиЛ» застрял капитально. Остановились, осмотрели: не нужна ли помощь? Грузовик холодный. Никого нет. Дорога ошибок не прощает.

...Тополиное. Здесь строится новый центр совхоза. Но никто не живёт. Хотя уже есть и школа, и прочее. Медленно строят.

На АЗС нет бензина. Сварщик ремонтирует бульдозер. Новый «Урал» с ласточкой-снегоочистителем – два крыла из металла. В столовую не пошли. Белый объяснил:

– Потом два дня будешь вздрагивать. И таблеток не напасёшься...

Разожгли керогаз. Сварилипельменей. Умывальники не работают. Потоп. Газет нет. Приёмник молчит.

Дорога по Делинье гладкая, как полированный стол. Лёд не покрыт снегом. Свистун. Позёмка. И стали появляться заносы. Пока небольшие.

Под скалой заметили труп снежного барана – чубуку. Остановились. Увидеть его в горах сложно, очень осторожный зверь. Видимо, сорвался со скалы и разбился. Почему?

Может, заболел, обессилел и упал. Или от хищников спасался... Погиб сравнительно недавно – труп никто не тронул...

На перевале – встреча с бульдозером, который был с прицепом-санями. Бульдозер под углом 30° залез на склон. Сняли у прицепа борт. Проскочили...

Николай отстал. Его даже не видно. Вернулись. У него ремень на генераторе слетел. Поправлял. Провозился с полчаса.

Анатолий вновь настроился на разговор:

– Народ на Севере добрее. Вот был я в рейсе до Магадана. Кончился бензин. Думал, в бочке есть, а там пусто. Заглох. Едет один. Попросил у него. Дал только ведро – ему самому мало. Проехал восемь километров – опять заглох. Догнали свои. Дали восемьдесят литров. А в бочке оказался снег. Я эти километры чуть не сутки шёл. Приехал. Мне отремонтироваться надо, но в гараж не влезаю – пятнадцатиметровые трубы вёз. Что делать? Пальцы уже пообморозил. Сам – снежный. Подходит мужик: «В чём дело?» Так, мол, и так. «Слей воду, – говорит, – и иди спать. Мы последим. Откострим». Я зашёл в котельную. Сел за стол и уснул. Они будят, ведут в закуток. А пить не хочется, не могу. Сутки не спал... Меня трясло – намёрзся. Они повернули ко мне калорифер. Это и спасло. Не заболел. А от их заботы так приятно стало: ну, кто я им?

Зимовье Тирехтях. Одинокая избушка. Тусклый огонёк в окне... Крохотная точка опоры в этом безлюдном бескрайнем морозном крае...

Усть-Нолучу. Пять коек. Засмолённые матрацы и подушка. Без наволочек и простыней. В комнате грязно. В бочке воды нет. Но есть водяное отопление, тепло. Электрический свет. Книги в ящиках. Одна стена обклеена репродукциями. Портрет Ворошилова на жести. Говорят, сделано в лагере.

Шофёры не доверили машины прогревальщикам. Или, мол, закипит машина, или вообще случится, что хуже... Спят в кабине.

Виктор Белый видел следы волка:

– Да их дальше будет как кур нерезанных...

Гидрометеостанция «Иема». Едем по высокогорью. Здесь много живности. Лоси.

Стая птиц – маленькие птахи. Пуночки, что ли?

– Эх, если бы маскхалат был?

Куропатки. Далеко не улетают. Сами белые, а чёрный клюв и чёрные пятна на конце крыльев. Сова. Три оленя резвятся в низине.

Зимовье Дербек. Кразисты-перегонщики попросили:

– Не рассчитали, понадеялись на столовые, на магазины. Нет ли чего пожевать?

Дали им буханку, две банки консервов. Один из них раньше был военным музыкантом. Потом в якутском театре работал. Уже много лет здесь...

В Алыс-Хая был лагерь. Зеки добывали касситерит. Остались брошенные дома и кладбище. В бывшем погребке зимовал медведь.

Нельгесе. Нет света. Мотор не работает. Семь кроватей. Матрацы в коленкором переплётё. Ни простыней, ни наволочек, ни подушек. Возле печки – лёд...

До следующей столовой 200 км...

Нолучу – здесь свежий горячий хлеб замораживают, и он всю зиму не черствеет. Угостили мёрзлым солёным хариусом.

Седой мужчина рассказал историю своего поселения. Геологический отряд остался без продуктов. Якуты то ли не догнали, то ли потеряли их. Уже пошёл снег. Ягоды накрыл. Неделя прошла. Все отощали. Начальник отряда: «Всё равно погибнем. Давайте съедим одного». Кинули жребий. Достался он рассказчику. На следующее утро повели его. Наставили карабин. И в это время появилась якутская упряжка. Он упал, как подкошенный. И поседел...

За две сотни километров до финиша мои дорожные записи оборвались. Поскольку записи делал на коротких стоянках, а то даже в пути, то некоторые важные события остались вне моего дневника. Но они врезались мне в память, и забыть их невозможно. Я испытал страх. Скорее даже не страх, а панику.

В дороге, на второй день, я почувствовал, что правый низ моего живота «горит». Я еле терпел этот «пожар», надеясь, что всё рассосётся. Но не рассасывалось. Это внезапное воспаление всё сильнее и сильнее давило на живот и на мозги. Неужели приступ аппендицита? А почему бы и нет – ведь у моей мамы вырезали аппендикс, причём в довольно солидном возрасте. До ближайшего аэропорта, то есть до конца моей поездки, несколько дней ходу. Можно и перитонит получить. Другой вариант – добраться до метеостанции, и оттуда по радио вызвать вертолёт. Но даже до метеостанции ещё два дня тащиться. Если не будет помех.

Жар стал распространяться по всему телу. Я запаниковал. А паника усиливает боль, ухудшает общее состояние. Но Анатолию жаловаться не стал. Он же ради меня не повернёт назад и не рванёт быстрее. Мы не на скоростной трассе. Зачем же отягощать его своей проблемой? Решил молча терпеть, по крайней мере, до ночлега. Было и страшно за последствия, и стыдно за то, что так подвёл водителей, добавив им заботу.

Долго ехали по реке. Дорога монотонная. Анатолий стал засыпать. Я будил его, он успокаивал: «Да не сплю я». И снова клевал носом, закрывал глаза, доверяя «ермачку» самому выбирать путь. Конечно, мы не на городской трассе, встречных-поперечных нет. Колёса катят в ледяном ложе строго вперёд, как по рельсам. Ну, а если «Урал» проявит норы и выскочит на снежную целину, да врежется во что-нибудь?..

– Ты пить не хочешь? – вдруг очнулся от долгого молчания и сонного состояния мой «таксист». – Там под тобой ящик с молоком. Достань пару баночек.

В ящике было десятка два банок с концентрированным молоком. Тогда оно продавалось не в меньшем количестве, чем сгущённое. И было заменой нормального жидкого молока, которое купить было всегда проблемой – всегда и везде. Я достал в бардачке нож, проткнул дырочки. Проглотил этот специфический напиток, и – о, чудо! – вскоре молоко затушило пожар в животе. Значит, с печенью всё в порядке, обострился холецистит!

Меня дважды – дома у Анатолия и потом в столовой Тёплого Ключа – накормили острейшим борщом. Пришлось питаться тем, что в обычной жизни я не употреблял, к тому же в таком количестве. Вот мой желчный пузырь и восстал.

В другой раз подлый холодок овладел моей душой и головой, когда мы в горах, на прижиме встретились с трактором, который тащил короб для сена таких размеров, что мы, пытаясь разойтись, чуть не свалились под откос. Как я уже упомянул в походном дневнике, трактор залез на скалу, но, тем не менее, «Уралам» пришлось сдвигаться в сторону реки. Меня высадили из кабины, и я с ужасом наблюдал, как правые колёса машин оказывались за пределами дорожного полотна и едва удерживались на кустарниках, на стланике. Было непонятно, как машины не сползли в долину. Если бы завалился хотя бы один «Урал», мы надолго застряли бы здесь, в сотнях километрах от цивилизации, на пятидесятиградусном морозе. С непонятными последствиями.

В предпоследний день нашего движения на одном «Урале» забарахлил редуктор, что-то в нём заклинило. Машины съехали с дороги, благо этот участок пролегал по руслу широкой реки. Парни залегли под машину. Втроем поддерживая редуктор, который весит почти сотню килограммов, они с большим трудом, чертыхаясь и вспоминая всех святых и изготовителей этой техники, отвернули болты, сняли какую-то шестерёнку, чтобы редуктор был отключён от трансмиссии, и снова прикрепили его к брюху грузовика. Всё это делалось без рукавиц! На операцию ушло минут сорок.

Как я понял, этот редуктор передавал тяговое усилие на одну из пар задних колёс. Подраненный грузовик ослабел и теперь не мог тянуть прицеп, его прикрепили к машине Анатолия. Теперь наш караван двигался ещё медленнее.

Когда закончилась трасса зимника по льду Адычи, надо было подняться на коренной берег. Дорогой этот участок не назовёшь. Просто заезженный снежный склон. И очень длинный. Высокопроходимые «Уралы» обычно преодолевали его. Иначе бы и не ездили здесь! Однако в нашей автоколонне один грузовик – подранок, а другой с двумя прицепами. Они не потянут вверх.

Тот «Урал», что здоров и с одним прицепом, забрался наверх метров на сто. Прикрепили его тросом к листовнице. От его лебёдки протянули трос до подранка, зацепили, и тот поднялся. Потом на ту же высоту вытащили и машину Анатолия. И так в несколько приёмов все три машины оказались на вполне нормальной (впервые после Тёплого Ключа) дороге.

Водители в первую очередь добрались до автобазы в Эге-Хая, чтобы отремонтироваться – ведь им предстояло преодолевать ещё тысячу с лишним километров пути – по горным и тундровым местам. А я отправился в гостиницу, чтобы на следующий день через Батагай улететь в Якутск...

Да, а причём тут Эдит Пиаф? Эта великая французская певица проехала со мной в кабине «Урала» весь путь от берега Алдана до центра Верхоянского района. Не лично, конечно, а в граммофонной записи. Её песни в те годы были чрезвычайно популярны, а потому пластинки – в дефиците. Достать было трудно. Когда в Хандыге увидел, что это Пиаф, даже не поверил. Но обожгла мысль при покупке: смогу ли я довести «Воробышка» по зимнику в целостности и сохранности? И всё же рискнул. Довёз.

После этого путешествия Эдит Пиаф своим неповторимым гортанным пением всегда напоминает мне о зимнике, о тех, кто в жуткую стужу преодолевает Верхоянский хребет, и о тех, кто скудными техническими средствами пытается обеспечить проезд, и о тех, кто в зимовьях и прочих таёжных «гостиницах» («бичарнях») хранит тепло...

Вспоминаются цифры, которые мне сообщил начальник Хандыгской автобазы: до Кулара – полторы тысячи километров, до Депутатского, центра оловодобычи, – ещё дальше. По зимникам автомобилисты в тот сезон должны были доставить в северные районы несколько тысяч тонн грузов.

Плюс к этому добавлю: многое доставляли в эти северные районы по воздуху. Однажды я летел из Москвы в Якутию на грузовом самолёте «Ан-12», который был загружен... яйцами. Доставляли их в Депутатский! Золотые яички...

Такое дорогостоящее и негарантированное снабжение не могло не сказаться на неэкономичности добычи золота и олова в тех отдалённых местах. И, когда наступили рыночные отношения, это, в конечном итоге, привело к закрытию многих северных приисков.

«Слышишь, время гудит – БАМ...»

*«Солнце в небе светит мудро,
Молодеет древний край.
От Байкала до Амура
Мы проложим магистраль».*

Роберт Рождественский, «БАМ».

В ноябре 1974 года секретарь Якутского обкома Компартии по строительным делам Валентин Суханов пригласил меня к себе в кабинет и торжественно показал исторический документ: решение Москвы о строительстве БАМа с ответвлением железной дороги в сторону Якутии, об освоении Нерюнгринского угольного месторождения, строительстве там города и других чрезвычайно важных для автономной республики объектов. А прокомментировал коротко: «Теперь есть где развернуться. В том числе и газете». Поскольку я в редакции возглавлял отдел промышленности и строительства, то стало понятно, что Родина, точнее Якутия, ждёт от нашей газеты и лично от меня особых творческих усилий.

До сих пор нет-нет да возникают споры: а надо ли было стране тратить колоссальные средства на строительство БАМа, которая долгие годы после её прокладки так и не была задействована в достаточной мере и затраты не окупались?

Многострадальная эта магистраль. О том, чтобы проложить железную дорогу до Северо-Востока нашей страны и даже до американского континента, прозорливые люди говорили ещё более века назад. В советское время даже построили часть магистрали. Но закончить помешала Вторая мировая война. А когда гитлеровские полчища взяли в клещи Сталинград, с БАМа сняли рельсы и с их помощью проложили рокаду по льду Волги, что помогло улучшить снабжение наших войск, оставшихся на правом берегу реки.

В 1970-е годы публично отрицать надобность в прокладке дублёра Транссиба было невозможно. Решению высшей советской власти противоречить – всё равно, что приговорить себя к антисоветизму со всеми вытекающими последствиями. А вот для объяснения пользы привлекались весьма влиятельные силы.

Военно-стратегический довод: БАМ нужен, потому что Транссиб проходит слишком близко к границе с Китаем, следовательно уязвим в случае военного конфликта с могущественным соседом, и Дальний Восток окажется отрезанным от страны.

Экономический довод: новая магистраль короче, вдоль неё разведаны многие полезные ископаемые и только ждут развития транспорта. После строительства БАМа здесь появятся новые территориально-промышленные комплексы, твердил весьма влиятельный в ту пору академик Абел Аганбегян. Страна получит дополнительный стимул для развития экономики.

Это поможет и в решении социальных проблем, утверждали специалисты. Сюда приедут тысячи новосёлков, которые не только поспособствуют дальнейшему освоению малозаселённого края, но и себе – здесь можно быстрее сделать карьеру, больше заработать, а кому повезёт с работой после завершения стройки, – и улучшить жилищные условия.

И снова, как в хрущёвские времена освоения целины, в поездах зазвучала песня Эдмунда Иодковского и Вано Мурадели «Едем мы, друзья!»:

*...Нам вручил путевки
Комсомольский комитет.
Едем мы, друзья,*

*В дальние края,
Станем новоселами
И ты, и я!
...Партия велела –
Комсомол ответил: «Есть!»*

На БАМ я отправился вскоре после высадки первых строительных отрядов на территории Якутии. Здесь прокладывали не собственно эту магистраль, а ответвление от неё в сторону Якутска. Как ждала эту дорогу автономная республика! Как она опекала её! Насколько это было в её силах, поскольку стройка-то общесоюзная. Деньги шли из Москвы, всё начальство и все кардинальные решения – оттуда же, из союзных министерств.

Нагорный, Беркамит, Золотинка – это названия уже существовавших населённых пунктов и строившихся станций на территории Якутии. Строили их «комсомольцы-добровольцы» со всей страны. В кавычки взял – потому что приехали не только юноши и девушки, но и люди преклонного возраста. Прибыли со всей страны. И ещё одно существенное замечание: на якутском направлении БАМа ни военных строителей, ни зэков не привлекали. Насколько я знаю, они в основном были на участке восточнее Тынды.

На БАМе родилась поговорка: бог создал Сочи, а чёрт – Сквородино и Могочи. А ведь станции Транссиба Сквородино и Могочи (Могоча) намного южнее Южной Якутии, которая хотя не Крайний Север, не Оймяконье, не побережье Ледовитого океана, но и она с довольно суровым климатом.

С первым отрядом на якутском направлении всесоюзной ударной стройки, как и полагалось, прибыли посланцы комсомола Якутии. Их торжественно провожали из Якутска. Они прибыли зимой, разгребали дорогу себе и следующим строителям – по пояс в снегу. Кто-то из них уже был строителем с опытом, кто-то только начинал свой трудовой путь, после школы.

Большинство бамовцев собирались в группы у себя на родине, заранее формируя бригады. Орловские, белорусские, ивановские... Соответственно и первые улицы получили такие же географические названия. И эти бригады, как правило, были более спаянными и более подготовленными. Но приезжали и отдельные семейные пары и даже поодиночке.

Мой сосед по гостинице Сергей – молдаванин. Но сюда приехал устраиваться из Тынды. Железнодорожник. Водил тепловозы. На столе книга по эксплуатации подвижного состава на железных дорогах страны. А учится на юридическом факультете Иркутского университета. Его назначили бригадиром лесорубов...

Когда я ехал в местном автобусе, попутчик Юрий Новохатский охотно рассказывал о себе.

– Вот экстру [водку] везу. Надоело пить древесный спирт, а тем более – одеколон.

Работал в Певеке, в Охотске, на Чёрном и Азовском морях. Приехал с Белгородчины. Имеет права капитана маломерного флота. Служил на Дальнем Востоке. Дослужился до боцмана. Тонул: когда якорь спасал, когда нетрезвый прыгал в лодку и свалился за борт...

– С семьёй – осечка. Затем – второй раз. Потому и приехал сюда. Жизни конец. Нужно ли начинать жизнь в сорок три года?

К здешним строительным делам относится не романтически:

– Комсомольцы понастроили, а мы исправляем. На гитаре брэнчать – одно, а строить – другое. Нет, я не озлоблен. Просто выговариваюсь. Если бы до Невера ехали, я б вам всю жизнь свою рассказал: книжку бы написали. Ну, если не книжку, то повесть получилась бы... Котельную за месяц построили, а потом два месяца без дела сидели. Ещё бы могли две котельные поставить... Почему общежития без тёплых туалетов? На Чукотке давно научились как следует строить. А здесь что – нельзя? Можно. Мне-то что, я на три года. Отра-

ботал и махну отсюда. Мне всё равно... Хватит, надоело скитаться. Надо тихо пожить, не торопясь. Надоело всё бегом да скачком... Впрочем, долго не смогу тихо-то. Привык ведь к такой жизни...

Такие вот незаметные герои трассы. Но было много заметных – на всю страну. Ставили рекорды проложенных метров, рапортовали о построенных придорожных объектах...

Внимание СМИ к строительству БАМа было настолько большим, что редакции главных газет всех шести регионов, по которым проходила магистраль, делали совместные выпуски. В подготовке единого для всех газет вкладыша-разворота участвовали журналисты Якутии, Бурятии, Иркутской и Читинской областей, Хабаровского и Приморского краёв. Это было, на мой взгляд, чистой агиткой. Хорошо, что от нашей газеты участвовал собкор по Южной Якутии и мне не пришлось «рапортовать». Мне кажется, гораздо интереснее были книжки о стройке, которые готовило Якутское книжное издательство. И не потому, что я в них публиковался. Просто они были более человечными, не столь примитивно-плакатными.

Интерес проявляли и зарубежные журналисты. Но им по стране не слишком-то позволялось шастать, надо было каждый раз согласовывать маршрут, а наши органы догляда не всегда им это позволяли. Но однажды в Южную Якутию централизованно привезли полтора десятка акул пера, представлявших СМИ буржуазных стран. Вероятно, сюда приезжали и представители «стран народной демократии» или западные журналисты из коммунистической прессы, но я с ними не имел контактов и их публикации не видел. А вот с «врагами социализма» довелось вместе побывать в Нерюнгри и на строящихся железнодорожных станциях.

Это была не моя прихоть вклиниться в эту группу. При всём желании меня бы не допустили до контакта с «буржуазными писаками» без соизволения спецслужб. Чекисты сами попросили редакцию прикомандировать меня. Они очень волновались, что всё пойдёт бесконтрольно и напишут чёрт-те что. В чём была моя задача как временного подкрышника? Простая – помочь получить залётным гостям «правдивую информацию». А что для этого нужно? Правильно: замалчивание.

Журналистам повезло: они хотели познакомиться с будущим угольным предприятием, и они увидели гигантское обнажение прекрасного коксующегося угля. Он интересовал не только советские предприятия, но и зарубежные, скажем японские. Гости стояли перед этой стеной, как заворожённые – сплошной пласт порядка двадцати метров! Щёлкали фотоаппаратами, восклицали, не сдерживая эмоций. Да и я был ошарашен, ведь когда я ранее приезжал сюда, пласт ещё был закрыт от человеческих глаз. А там, где потом основали новый город Нерюнгри, стояли нетронутая тайга, скалы вокруг и символические колышки: «Здесь будет город!».

Но им не повезло. Главным информатором о том, как идёт освоение территории и налаживается здешняя жизнь, должен был быть руководитель местного исполкома совета. Но председатель Михаил Кочнев отсутствовал (его вообще не было в районе). Я раньше встречался с ним. Очень интересный, энергичный человек, хороший рассказчик.

Человек, его замещавший, выглядел некомпетентным, смешным и даже глупым. К тому же он, вероятно, был напуган предупреждением чекистов, чтобы ничего лишнего не ляпнул. Ему задают самый обычный вопрос: расскажите о ваших проблемах?

– У нас проблем нет...

Все рассмеялись. Ведь они – «зубры», уже не первый год в СССР, всё про нашу страну знают не из публикаций в газете «Правда» и уже владели русским языком. Корреспондентка агентства Ассошиэйтед Пресс стала ему втолковывать, что вот и в США, когда осваивали Аляску, было очень много проблем: с жильём, с криминалом, с женским трудом и т. д.

– Но мы их решаем, – быстро сориентировался человек за начальственным столом.

Было стыдно за него, за Якутию, за страну...

Зарубежные коллеги знали, кто я. Правда, они сначала меня сторонились, видимо, полагая, что я не журналист, а элементарная подсадная утка. Но, пока мы ехали в автобусе, я стал им рассказывать о реальных проблемах. И на все вопросы отвечал достаточно компетентно и точно, цифрами и фактами. Они поспешно записывали за мной. А потом благодарили меня за «ценную информацию». Хотя то, что я рассказал, было известно каждому читателю «Социалистической Якутии», никакого секрета «врагу» я не выдал.

Как прореагировали чекисты на мою дорожную лекцию, не знаю. Но потом, когда мы приехали в посёлок строителей Беркакит, они мне на ушко шепнули, чтобы я оградил гостей от «провокаций». Под этим они понимали то, чтобы журналисты не совали нос, куда не следует. Я усмехнулся наивности стражей социалистического порядка, привыкшие командовать отечественными журналистами. Зачем же тогда иностранцев привезли в такую даль? Всех их разделили на маленькие группки по три-четыре человека, дали сопровождающих – вероятно, каких-то местных стойких партийцев, функционеров, возможно и здешних журналистов, но я никого из них не знал.

На мою гитовскую долю достались американские журналисты, причём с одним из них – Крейгом Уитни (кажется, он из газеты «Нью-Йорк таймс») – мы были знакомы, он приезжал в Якутск зимой, чтобы рассказать своим читателям о жестоких сибирских морозах и о том, как местные люди выживают. Я действительно хотел помочь зарубежным коллегам в контакте со здешними жителями, которых, не сомневаюсь, заранее предупредили. Полагаю, что нежелательных персон (асоциальный элемент и критиканов) изолировали. Я предоставил полную свободу выбора: заходите в любое жильё. Они выбрали деревянный вагончик. Там жила семейная пара, встретила очень тепло. Предпенсионного возраста. Приехали откуда-то с юга. Да, подзаработать денег, да и на мир посмотреть, когда-то ещё удастся в такой экзотический край приехать. Очень милые люди. Не помню, кем они работали. Какие-то простые работяги. На жильё не жаловались, хотя даже им двоим было тесновато в этой конуре.

Я в разговоре был двусторонним переводчиком. Всё-таки иностранцы не так уж здорово знали наш язык и нашу непутёвую бытовую жизнь, чтобы с ходу всё понимать. Переспрашивали, уточняли сказанное бамовцами. Да и те иногда оказывались в тупике от обычных вопросов западных журналистов. Это ведь не советские, которые в основном интересовались трудовыми достижениями...

Наша прогулка закончилась благополучно. А вот для корреспондента журнала «Бизнес-уик» – скандалом. Очень настырный был журналист. И самый агрессивный к Советам. Решил он расследовать, как в таком маленьком посёлке, где живут преимущественно мужики, обстоит дело с... проституцией. Полез в комнату, где как раз жили женщины. Стал напрямую, по-западному, то ли задавать вопросы, то ли приставать с неприличными предложениями. Наши советские оскорбились, они же не какие-то продажные. Возник шум. Тут подоспели мужички и повоспитали чужестранца, чтобы не совал свой буржуазный нос в нашу чистую, без проституции, и светлую, как наше будущее, жизнь...

Не знаю, заметили ли иностранцы одно из примечательных отличий бамовской территории: там было гораздо лучше с ширпотребом. В бамовских магазинах можно было свободно купить зарубежные товары: обувь, одежду, парфюмерию, бижутерию... Европейские и даже японские. Советская власть не пожалела валюту, чтобы и этим тоже (помимо патристических песен и всенародного признания героизма строителей) привлечь сюда добровольцев и закрепить их здесь как можно дольше. Даже право на покупку автомобиля можно было заработать гораздо быстрее. Именно – право, так как накопить деньги на новую машину даже на БАМе для большинства было маловероятно.

«Герой БАМа» исключён из КПСС...

*«Я отсюда уеду в самом мягком вагоне
По железной дороге, построенной мной».*

Песня, рождённая на БАМе.

Ездил я на БАМ не только показать ход строительных работ, прокатиться на тепловозе по новым, ещё некачественно уложенным рельсам, но и разобраться с конфликтной ситуацией. Редактор Олег Якимов вручил мне письмо бамовцев, которое они направили в «Комсомольскую правду». Там, почему-то не захотели копаться в грязной истории. Возможно, по идейным соображениям: ведь БАМ – Всесоюзная ударная комсомольская стройка, на которой люди проявляют героизм, и на этом главная молодёжная газета страны должна воспитывать подрастающее поколение, а тут – чернуха. И «Комсомолка» переправила жалобу в Якутск, из обкома – к нам в редакцию, Якимов – мне.

Юрий Николаев, на которого жаловались, неординарная личность – начальник строительно-монтажного поезда (СМП), первого на якутской земле. Он уже засветился в хвалебных репортажах центральной прессы. Его назначал и поддерживал лично начальник Главбамстроя. По крайней мере, так представлялся этот «герой».

К сожалению, у меня не сохранился номер газеты с моим материалом, но информации в записных книжках – не то что на повесть, а на роман хватит.

Первая наша встреча происходила у него дома, в Нагорном. Это – самый южный посёлок Якутии на дороге, связывающей республику с Транссибом и БАМом.

Для пионеров освоения новой территории жилищные условия начальника СМП-677 Юрия Николаева выглядели весьма комфортными. Это не примитивные вагончики первопроходцев.

Три комнаты. Кухня. Санузел, очень просторный, совмещённый. В гостиной все стены отделаны деревом: внизу – шкафы с фанерными дверками, сверху – стеллажи для книг. На них также – коллекция камней, друза, рога лося. Рядом – рога оленя. Выжженные и вырезанные на дереве и фанере различные картинки. На одной из них – оленья повозка: два оленя и на санях погонщик (каюр) с длинной палкой. Камин. «Собственной конструкции», – похвастался хозяин. Бра. Кресла. Журнальный столик. Миниатюрный обеденный стол.

Под дерево отделяются и другие комнаты...

Подошла пятилетняя дочурка Наташа.

– Вам какая кукла больше нравится? – Показывает новую, чистенькую, и старую, уже замызганную. – Папа, а зачем дядю заставляешь пить, ему же нельзя.

Когда Николаев предложил водку, я отказался: «при исполнении». Закуска редкостная для БАМа: мандарины, очень вкусные яблоки... Милая девочка, если бы ты знала, с какой нехорошей целью пришёл этот чужой дядя в гости к твоему папе и какие будут последствия этого визита?

Хозяин насторожённо рассказывал о себе, о своих трудовых свершениях на «стройке века» и грандиозных планах. Он как бы прощупывал: кто ты, пришелец, зачем ты здесь, насколько ты посвящён в наши внутренние дела, ты мне друг или враг? И я, понимая, что передо мной чрезвычайно изворотливый человек, не торопился раскрыть свои карты, не намекнул о письме в «Комсомолку» (он сам о нём заговорил), не ссылался на жалобы его подопечных. До встречи с ним старался поднабрать побольше общих впечатлений, мнений широкого круга людей, вовлечённых в принципиальный конфликт. И составить психологию

ческий портрет этого начальника: может, он так сильно радеет за успех строительства, что лишь слегка перегнул палку, и на него возводят напраслину?

По своему проекту, на свой страх и риск, рассказывает Николаев, он строит гостиницу, трёхэтажный клуб с пивбаром и «кают-компанией». Сам балки рассчитал. ПТО (производственно-технический отдел) чертежи подготовил. В общежитии решили установить хорошие умывальники – отдельно это отметил, как заботу о людях.

– Всё было нормально. Один дед приехал из МПС, посмотрел. Здесь сказал: «Молодцы». А в Москве на коллегии заявил: «Вы знаете, что он задумал? Чтоб парни пиво пили, чтоб клуб был трёхэтажным... Народный контроль на него надо напустить... Что это он себе позволяет? Ему деньги дали на строительство железной дороги, а он куда их тратит? Мы найдём на тебя управу». И теперь у меня руки опустились... Да ещё письмо в «Комсомольскую правду». Сто сорок подписей: нет удобств в общежитиях. В МПС подумают, что это я организовал.

Представил себя защитником трудящихся перед министерством...

– Чиряев [первый секретарь Якутского обкома КПСС] благодарил меня за такое строительство, за культуру, за сохранение леса между домами... С начальником главка [Главбамстрой] ещё в Москве разговаривали: «Ну, как ты себе представляешь БАМ?» – «Прежде всего – высокая культура». – «И я также думаю...» – «Дайте трест или СМП – сделаю примером культуры». И сейчас здесь делается хоть сотая доля настоящей культуры, но делается...

Упоминание контактов с высокими чинами – непереманный аргумент Хлестакова, подумал я тогда...

– С Басанцом [ответственный партработник в Якутске] в одном одесском вузе учились. Ну, он сидит где-то в обкоме. А я где? Я – на БАМе! Это звучит гордо, чёрт возьми... Якутский отряд – молодцы. Они не поддаются ни на какие провокации. Молча работают...

Молча – это хорошо, это правильно, это так, как надо начальнику, лидеру, который ведёт их вперёд, к трудовым победам.

– Моим пацанам нужна вера в то, что они героическое дело совершают, что они – герои. Приезжали якутские писатели. Они им в глаза с трибуны: вы же герои! И мои басурманы начинают думать: мы ведь и правда герои. Проступок кто совершил, я ему: ты же позоришь БАМ, а наш Нагорный – самый лучший посёлок. Не позорь его. Мы выгнали человек десять пьяниц, что не хотели работать. Но никто ещё не убежал за время моей работы в СМП...

На мой вопрос, как оказался на БАМе, Николаев ответил патетически:

– В Одессе возглавлял отдел строительства и архитектуры при горисполкоме. Занимался морским строительством. Тянула неизвестность этого края. Кого ни спрошу, всякий отрещивается: «А сам-то поедешь?» «Поеду!» И назло всем поехал. Когда Травкова сняли, стал начальником СМП...

Это не придуманное мной излияние хозяйственного начальника, это практически стенографическая запись нашего разговора.

А что же происходит за стенами этой уютной квартиры и что думает народ об этом «заботливом» руководителе?

Один из самых последовательных оппонентов Николаева – Владимир Либин, секретарь комсомольской организации и член партбюро. Прибыл из города Иванова, где работал в «Рембыбтехнике» механиком по ремонту пишущих машинок. Здесь – строитель.

– Николаев вначале показался нам энергичным, деловым. Всё правильно говорил. Потом выяснилось: и делает, и строит для себя. Но каждый держит жирный кусок, и боится рот раскрыть. Когда партсобрание объявило ему строгий выговор с занесением в учётную карточку, это развязало многим языки. О недоверии ему теперь заявляют в лицо. Он спросил меня: «Зачем в газету написали? Могли бы и мне сказать». Я ответил: «Чтобы в зубы получить?» Но мы надеялись на его исправление...

Донбасский парень, плотник из передовой бригады Александр Бугаенко не побоялся «рот раскрыть»:

– Да, это я написал письмо в редакцию «Комсомолки», подписалось сто сорок человек. Могли и больше... Николаев зарвался... Не здороваётся с людьми, пройдёт и не заметит. Не советуется с рабочими. Перетасовывает кадры, как хочет. Главному энергетнику Хильченко выбил зубы. Обмывали «тысячник» – дизель. Пили в вагончике Николаева. Тот спросил: как ты ко мне относишься? Хильченко сказал правду и пострадал... Директору магазина Николаев заявил: «Вы не только не привезли мне эмалированные тазики, но ещё и не оставили их... И ковёр – ко мне!»

– Саша Астахов покритиковал его жену – главного врача, – рассказывает дальше Бугаенко. – Николаев перевёл его из шофёров автоколонны, которая подчиняется СМП, в строительную бригаду. Астахов совсем уехал... В плановом отделе сидит недоучившийся школьник... В общежитиях нет кухонь, газовые плитки не поставлены. А в мехколонне везде есть плитки. Поликлиника холодная. Школа холодная. Клуба нет. Баня временная, то работает, то нет. В мехколонне баня отличная... Потерял он доверие. Ему не место здесь...

Николаев стал дознаваться, кто написал письмо в «КП». Алексей признался.

– Он у нас кем работает? – спросил Николаев кадровика в присутствии Бугаенко.

– Я – плотник и меня не сможете понизить в должности... Тоже будешь зубы выбивать?

Практически все мои собеседники отмечали сумятицу в производственном процессе. Невыполнение плана работ собственными силами и задания по вводу объектов в эксплуатацию. А это лихорадит весь коллектив, влияет не только на моральное состояние строителей, но и на их заработок. Некоторые жаловались мне, что порой получали за месяц буквально считанные рубли.

Начальник участка Василий Еливанов рассказал о своеобразных управленческих методах Николаева:

– Всё делается на окрик, на испуг. При этом полностью отсутствует техническая документация. За день много раз меняет указания... Посадка здания сделана с нарушением всех правил строительного производства. Два дня я не завозил материалы, сопротивлялся... А гостиница сползёт. И не одно сооружение сползёт... Надо прекратить эту самодетельность. Есть типовые проекты – нет, зачем-то нужно что-то особенное...

Когда я стал просматривать официальные документы, то появились любопытные сведения. Ну, решил человек сменить фамилию Степаненко и стал Николаевым (хотел себя считать не украинцем, а русским?) – это его личное дело. Но почему-то долгое время не сдавал трудовую книжку в СМП, который он возглавил. Три месяца не вставал здесь, в Якутии, на партийный учёт. Потом выяснилось, что записи в трудовой книжке и партийной учётной карточке не совпадают. И вообще трудовой путь Николаева-Степаненко очень витиеватый.

Выпускник Одесского гидротехнического института, почему-то работал в Караганде – на угле, потом в Темир-Тау у металлургов, потом вдруг – литсотрудник одесской газеты «Знамя коммунизма». Поработал в стройконторе и проектно-институте, снова – та же газета. Затем пошла чехарда со службой в одесских стройорганизациях. В 1975 году оказался в Тынде. Захотел сделать карьеру на громкой стройке? Романтика потянула? Книжку написать? Ещё в Одессе он увлекался литературным творчеством. «В 1956 году мне было поручено создать литературную студию. Начал печататься в областных, республиканских, союзных газетах. Книга сейчас будет издаваться...». Показал мне публикацию в молодёжном журнале «Смена».

Незадолго до моего приезда на отчётно-выборном партийном собрании СМП, несмотря на возражение представителя райкома, встал и заявил, что он как руководитель должен быть в составе бюро. В связи с тем, что он не состоял на партучёте, но был избран в

состав бюро, Алданский райком отметил это нарушение. Выборы признаны недействительными и назначены новые.

Председатель Нагорнинского поссовета Надежда Руденко жаловалась мне, что хотя Николаева избрали депутатом, сессии он не посещал. И вообще никак не реагировал на социальные запросы.

Уже после того, как я побывал в Нагорном и разбирался там в этом конфликте, бюро Алданского райкома исключило Николаева из КПСС «за хулиганский поступок, выразившийся в рукоприкладстве к своим подчинённым с нанесением телесных повреждений. Отрыв от коллектива. Высокомерие и грубость».

Потом, судя по официальной справке, на беседе в обкоме партии он «не дал правильной оценки своим поступкам». На что надеялся? На высоких покровителей в министерстве? На то, что московские журналисты вступятся за него, учитывая его творческие потуги?

Из этой же справки я узнал, что Николаев ещё побил какого-то Ивановского. Мне про это никто не рассказывал. Возможно, это произошло уже после моего отъезда. Я этот факт не проверял, но верю, что такое могло случиться. Уж слишком распустился он в своей вседозволенности. Строители, с кем я беседовал в Нагорном, меня предупредили, чтобы я был осторожнее и в одиночку не ходил. Они не исключали, что может быть провокация. И это чуть не случилось.

Однажды, когда я в вестибюле какого-то общежития разговаривал с очередным «источником информации», сзади меня с улицы в коридор с шумом проскочила группа агрессивных людей во главе с Николаевым. Когда возвращались, я услышал их реплики: «Нет его здесь. А сказали, что корреспондент сюда пошёл? Где его искать?» Искали меня. По наводке. За мной следила николаевская опричнина! Но со спины меня не узнали... Я благоразумно воспользовался предупреждением доброжелателей и заночевал не в гостинице, а в общежитии...

Персональное дело Юрия Николаева добралось до Якутского обкома КПСС. Не стали ограничиваться решением на районном уровне, поскольку он занимал должность, можно сказать, союзной компетенции. Заседание состоялось вскоре после моей публикации. Но ещё до вынесения «приговора» – исключить, снять с должности начальника СМП – в обком пришла «телега» на меня. От Николаева. Он решил нанести превентивный удар и поставить под сомнение все обвинения, которые я выдвинул в своей статье. Хотя я лишь проверял факты.

Об этом письме я узнал только после решения бюро обкома и после проверки этого пасквиля. Редактор Олег Якимов передал мне эту длинную – аж на шестнадцать страниц – кляузу-отмазку. Ничего нового для меня в этом послании не было. Николаев хотел убедить обком в том, что он заботливый и эффективный руководитель, перечислил все свои заслуги. И, конечно же, пожаловался на тех, кто ему мешает работать, своеобразно интерпретируя все конфликтные события: и мордобитие, и противостояние с поссоветом, с партбюро, профсоюзом, комсомолом...

Но из шестнадцати страниц две исчезли. Мне их не показали. Судя по соседнему тексту, там лились какие-то обвинения в мой адрес. Предполагаю, что Николаев пытался показать мою недобросовестность, как журналиста, предвзятость и, возможно, даже аморальность поведения во время командировки в Нагорный. Как потом я узнал, эти две страницы Якимов передал нашему коллеге Эдуарду Рыбаковскому и отправил того в Нагорный для проверки фактов на месте. Тот, судя по всему, ничего предосудительного в моём поведении не нашёл, «дело» против меня закрыли, но две кляузные страницы так мне и не показали.

«Герой БАМа» исчез со «стройки века». И со страниц газет и журналов... Впрочем, может, сидя на одесском берегу, накропал роман о своём «героическом» участии в прокладке далёкой от черноморского комфорта магистрали...

Книжные меридианы и жизненные параллели

Почему после пяти лет работы в московских редакциях я бросил столицу и уехал в Якутию? Я уже стал профессиональным журналистом – чего же боле? Пиши, печатайся, совершенствуй перо, ищи свою нишу, оседлай какую-нибудь популярную, востребованную тему, расширяй круг знакомств с журналистами, редакциями, книжными издательствами... Москва для карьеры, пожалуй, лучшее место в стране.

Нет, не желание подзаработать на северных надбавках подтолкнуло к этому. Главная причина – охота к перемене мест, стремление познавать жизнь в разных её проявлениях – географических и социальных. Отрыв от насиженного места обостряет глаза и уши. Увлекает новизна во всём: в природе, архитектуре, людях, в их говоре и мыслях... А я ведь давно задумал написать книгу. Или даже несколько книг. Якутия – огромный, интереснейший край с экстремальными условиями жизни, с конгломератом человеческих судеб – давала мне шанс. И, работая в Якутске, я решил им воспользоваться.

Сначала придумал тему книги для местного издательства. Я встречаюсь с очень разными по профессии людьми – почему бы не рассказать о них подробнее, не в короткой газетной заметке о «трудовой вахте» и прочих производственных «подвигах»? Книжку так и назвал – **«Этюды о профессиях»**. Она документальная. В ней рассказал не только о разных профессиях через судьбы, мнения и оценки конкретных людей, выбравших их, но и об истории той техники, которой они пользовались, – от швейной машинки до компьютера. И сам узнал много интересного, и читателям поведал...

Не могу сказать, что я доволен этой книжкой (над этой темой надо было бы поработать дольше и глубже). К тому же там есть высказывание, с которым теперь я поспорю. В духе времени я утверждал:

...Когда после революции из России началось повальное бегство буржуазной интеллигенции, то за рубежом эту «потерю генов» считали невозполнимой. Однако дети рабочих и крестьян, таланты из народа сумели двинуть вперед нашу науку, культуру, технику невиданными темпами. Отсталая прежде страна теперь одна из самых развитых в мире, с самым крупным отрядом научных кадров.

Я цитирую это не для того, чтобы развенчать себя прежнего (в этом особой нужды нет), а чтобы показать, что вот все эти сентенции – довольно стандартные для того времени, они – зеркало официальной пропаганды.

Почему-то акцентирую, что убегала именно буржуазная интеллигенция. Была ли в той России другая? И почему-то науку и другие сферы потом вперёд двинули «дети рабочих и крестьян». А как же выходец из семьи священнослужителей великий Иван Павлов, а дети купца знаменитый на весь мир генетик Николай Вавилов и президент Академии наук СССР его брат Сергей, а сын учителя и дочери купца Сергей Королёв, а сотни, тысячи других учёных, изобретателей с непролетарским происхождением? При этом, разумеется, можно привести множество примеров, когда дети из бедных семей, даже детдомовцы становились известными деятелями науки и культуры. Но здесь классовый подход к наследственности неуместен.

Ещё одно возражение: царская Россия не была отсталым государством. Да, Первая мировая война нанесла нам большой урон, но до этой вселенской катастрофы наша страна была в десятке самых экономически развитых государств, с высокими темпами развития.

И почему-то мне было невдомёк (опять-таки влияние пропаганды!), что не будь столь массового исхода культурного, самого передового слоя нашего общества, страна добилась бы в своём развитии ещё большего.

Самое печальное следствие многолетнего обеднения генофонда, ухудшения общего культурного развития – невосприятие демократических принципов, вера в успех твёрдого, самодержавного пути развития, согласие жить с веригами всевозможных запретов, поиск духовности не в достижениях культуры и науки, а в церковных канонах, которые склоняют «рабов божьих» к слепому послушанию, к отказу от активного гражданского поведения. И мы с удивлением видим в двадцать первом веке, как, поддержанное даже некоторыми официальными лицами, крепчает мракобесие, отбрасывая нашу великую страну в средневековье, как пытаются нас отдалить от мировой цивилизации...

Но в 1970-е годы я был рад выходу своей первой книжки. Видимо, она понравилась Якутскому издательству, и мне заказали написать о старейшем не горнодобывающем предприятии республики, основанном на базе прежних кустарных промыслов ещё в первой пятилетке, – Якутском кожевенном комбинате. Вышла она под названием «**Мы – кожевники**». Более привлекательное – так и не придумалось. Хотя можно было бы поиграть на использовании названий: или неординарного сырья для этого производства, или редких профессий, или экзотической кожевенно-меховой продукции.

Удивительное открытие ожидало меня, когда я изучал историю предприятия. Одним из директоров комбината был будущий писатель Франц Таурин. Не очень известный, но всё же – писатель. На выход моей книжки он никак не отреагировал. Он тогда уже жил в Москве. Может, не знал, что вышла такая книга? И никто не сообщил ему из Якутска? Или что-то в моём тексте ему не понравилось, обидело? Сам я не проявил инициативы встретиться с ним, подарить книгу, поговорить о прошлом.

Может, ему было неприятно ворошить прошлое?

Директором кожкомбината он стал довольно молодым – в тридцать лет. Шла война. Не знаю почему, но на фронт его не забрали. Наверно, дали бронь, чтобы сохранить партийца для укрепления кадров. Ветеран комбината Резван Юлборисов рассказывал мне, что сначала Таурин сменил его на должности начальника цеха. Юлборисов был опытейшим кожевником, но не имел технического образования. А Таурин имел, к тому же до приезда в Якутию поработал на аналогичном производстве в Сарапуле. И довольно быстро из цеха его пересадили в директорское кресло. Потом из директорского он перепрыгнул в горкомовское.

Увлёкшись литературной деятельностью, Таурин уехал в Иркутск, где возглавлял многотиражную газету, затем альманах «Ангара». Поднакопив опыт и творческие связи, перебрался в Москву...

И, может, хорошо, что я не встречался с Тауриным? А то бы долго очищался после встречи. Почему? Лучше всего на этот вопрос ответил Александр Твардовский. Вот что он писал о Таурине после разгрома редакции журнала «Новый мир», возглавляемой Александром Трифоновичем:

Политический гений т. Шауры [заведовал отделом культуры в ЦК КПСС] и выше сказался со всей недвусмысленностью в назначении Ф. Таурина членом редколлегии “Н[ового] М[ира]” по разделу прозы (вместо бедного, слабого и больного Дороша, бог ему судья, <...> – заодно с Марьямовым согласившегося подписывать № 2, – теперь они будут подписывать до № 7!).

В журнал, который, как я угадал в свое время, подвергался более надуманным, чем вызванным настоящей нуждой нападкам, когда еще нельзя было ему поставить в вину главную вину – Солженицына, – в этот журнал назначается для окончательного искоренения злого духа и окропления углов святой водой тот самый Таурин, который ездил “на акцию” исключения С[олженицына] в Рязань из Союза писателей. Прием безотказный до жути: парня заставили сперва сделать разовое гнусное дело – теперь откажись, попробуй. А парень, м[ожет] б[ыть], и неплохой “по идее”, но уж как попал литначальником, так поделом вору и мука. Впервые встретился я с ним на Ангаре; Иркутск, где он редактировал

многотиражку, – однажды я даже пособил ему что-то обработать, заметку какую-то. Потом уж он оказался писателем, выходцем из министерства Якутской АССР, автором двух-трех читанных мною романов – серая провинция, убожество, хотя знание материала было как будто. Сунулся он было в “Н[овый] М[ир]” с какой-то рукописью, но при всем моем благорасположении к нему это было нереально...

Вместе с ним назначен некий Сахнин, жук <...>, которого помню по “Красноармейской пр[авде]”, – уже тогда считался жуком <...>.

Компания подбирается. Мрак и ужас, по свидетельству С[офьи] Х[анановны] и Архангельской, которые уходят вместе со многими другими.

А. Твардовский, «Рабочие тетради», журнал «Знамя», 2005, № 10.

Тогда я и понятия не имел о зловредной роли Таурина в судьбе «Нового мира», Твардовского, Солженицына, да и, по сути, всей отечественной литературы. Так что судьба избавила меня от знакомства с этой одиозной личностью. Но из песни слова не выкинешь: Таурин возглавлял Якутский кожевенный комбинат в годы войны.

Мне было любопытно познакомиться с весьма специфическим кожевенным делом. А то носишь в якутские морозы шубы, куртки, унты, но не знаешь, какой сложный путь проходят шкуры животных, прежде чем они защитят тебя от жестоких холодов.

Были и другие заказы от издательства, но это, откровенно говоря, уже смахивало на халтуру. Не то, чтобы я халтурно относился к заданию, нет, я старался, но заказы эти не вызывали у меня большого интереса к предлагаемым темам – лишь бы заплатили. Это было приглашение диссертаций местных учёных до более или менее удобоваримого прочтения массовым читателем, а также куца книжечка с рассказом об актуальном событии в общественно-политической жизни Якутии – «творческих отчётах трудовых коллективов». Такое новшество в идеологическое дело ввела тогда Компартия. К творчеству вся эта «литература» не имела никакого отношения.

Захотелось пробиться с предложениями в какое-нибудь московское издательство. И тоже получилось. Опять-таки без всякого знакомства. Просто отправил письмо в московское издательство «Мысль», которое выпускало научно-художественную литературу, в том числе географическую.

Предложил издать книгу о путешествии по реке Индигирке. Река не столь известна, как, скажем, Лена или Колыма. Но по реке Лене незадолго до этого совершила плавание экспедиция, в которой приняли участие поэт Евгений Евтушенко и журналист-известинец Леонид Шинкарёв. И едва ли я смог бы что-то принципиально новое привнести в описание этой реки, её окрестностей и обитателей, в познание истории приленского края. Про Колыму давно не писали. Я имею в виду путешественнические, а не художественные и документальные книги про ГУЛАГ. А больше про Колыму и писать-то особенно нечего. По крайней мере, я так думал. Про Индигирку тогда современной литературы вообще не было. Для отечественного читателя она – почти terra incognita. Хотя все знали про Оймякон – полюс холода Северного полушария Земли. Знали про добычу золота. Про вечную мерзлоту. Ну, прогремело озеро Лабынкыр, в холодных водах которого якобы видели неизвестное науке животное. Остальное – белое пятно.

Оймяконье. Июль 1974 года на «полюсе холода» был очень жарким, но тарын (наледь) сохранится до морозов

Тема заинтересовала. Меня попросили написать три главы будущей книги, которую я сразу же назвал «**Оймяконским меридианом**». Написал, отослал. Одобрели, заключили со мной договор. Я обещал предоставить рукопись через год. Казалось бы, огромный срок. Но получалось, что ежедневно я должен писать по три страницы текста. Тоже, вроде бы, немного. Но это помимо основной работы – с ежедневной редакционной текучкой, с регулярными командировками по всей колоссальной территории Якутии, которая по площади – это три Франции! А ещё надо было изучить огромное количество источников: старых журналов, книг географов и путешественников, архивы. Всё это переварить и, отойдя от стиля повседневных газетных материалов, подать читателю в более или менее художественной манере, как того требовал жанр. А ещё – семья, маленький ребёнок... В общем, целый год пришлось урезать свои нетворческие желания. Писать книги при штатной редакционной работе – это аскетизм, самопожертвование: ни в гости лишний раз не сходишь, ни в театр, ни в кино...

К тому же надо было накопленные знания про Индигирский край «нанизать» на единое сюжетное построение в виде путешествия. Разработал я и осуществил такой маршрут: из Якутска на путейском судне по Лене и Алдану – до Хандыги, оттуда на грузовике по Магаданской трассе до Оймяконья. Точнее – на грузовиках, поскольку на одном мы свалились с трассы в ручей. Пришлось дальше, до Томтора, ехать на другой машине. Оттуда началось байдарочное путешествие. В одиночку. Не по туристским законам это, но я вынужден был так поступить. Мы собирались сплавиться по Индигирке с устьнерским собкором «Социалистической Якутии». Но из-за отсутствия здесь надёжной связи никак не смогли переговорить. Он на несколько дней опоздал в Томтор. А я не мог нарушать свой график движения и контроля, и стартовал без него.

В Усть-Нере, центре Оймяконского района и золотодобычи, я устроил себе отдых. Тем более что там произошла незапланированная встреча с женой, прилетевшей туда в качестве переводчика с американскими учёными, которые изучали растения холодного края. Далее снова на байдарке – до Момских порогов. Это – «Труба», где неистовая Индигирка прорезает хребет Черского, образуя трудно проходимые участки. Проплыть по «Трубе» или преодолеть хребет по воздуху? Посчитал, что решу на месте, в зависимости от ситуации и рекомендации местных жителей.

Рассказы тех, кто по производственной надобности ранее преодолевал Момские пороги на специально укрепленных плавучих средствах, энтузиазма мне не добавили. Даже беглые заключённые не рисковали здесь спускаться по Индигирке. Свежая информация тоже поубавила мой авантюрный пыл: в то лето в «Трубе» погибло несколько человек, решившихся на отчаянный сплав вниз. К тому же у меня не было шлема. Но главный аргумент-сюрприз преподнесла погода: Индигирка из-за сильных дождей в верховье вспучилась, никакой береговой линии в «Трубе», вероятнее всего, не осталось. И, в случае катастрофы с байдаркой (а это на порогах, где скорость воды достигала тридцати километров час, практически невозможно было бы избежать), негде было бы высадиться на берег, ремонтироваться, заливать раны, да просто погреться, ведь вода в той горной части Индигирки очень холодная. Выдержит ли организм, пока буду бултыхаться в воде до выхода из тридцатикилометровой «Трубы»?

Выбрал благоразумный вариант. До Хонуу, центра Момского района, хребет преодолел по воздуху. Туда, на Полярный круг, ко мне, уже из Якутска, прилетела жена. Однако не весь маршрут мы плыли вместе. Она вернулась в Якутск раньше, а я в заполярном Чокурдахе стал искать варианты для знакомства с белым стерхом, розовой чайкой, жителями древнего поселения – Русское Устье и «Кладбищем мамонтов» на реке Бёрёлёх.

На попутном вертолёте местного рыбзавода меня подбросили до рыбацкого стана в дельте Индигирки. Когда летел над тундрой, видел стерха, но чтобы найти эту редкостную, «краснокнижную» птицу на земле, приблизиться, для этого нужно организовать специально экипированную экспедицию. Да и что ты увидишь? За стерхами интереснее всего наблюдать во время брачных танцев.

Розовые чайки, которые, как воробьи в средней полосе, шастали по помойкам Чокурдаха, накануне моего появления в посёлке исчезли. Они уже начали откочёвывать на север. Это единственная птица, которая улетает на зимовку не в южные края, а ищет открытые водные пространства в Ледовитом океане, где-то ближе к Канаде. Но я «догнал» их на рыбацком стане. Ночью пошёл на соседнее озеро, увидел и стал фотографировать. Ночь-то была полярная – солнечная.

В Чокурдахе случайно познакомился со студентом Дальневосточного университета Сергеем Говорушко. Я летал на вертолёте на так называемый Воронцовский яр: глубокий провал, образовавшийся в результате вытаявания вечномёрзлого грунта. Там работала экспедиционная группа Дальневосточного университета, в том числе и практикант Сергей. В

Чокурдах возвращались вместе. По пути я его сагитировал отправиться со мной на «Кладбище мамонтов», а оттуда сплавиться на байдарке до Чокурдаха. И два незнакомца отправились в длительное путешествие. Мы долетели до посёлка Чкалова. Оттуда до «Кладбища мамонтов» лишь километров тридцать вверх по реке Бёрёлёх. Но местный начальник отговорил нас туда подниматься – мамонтовы кости можно было обнаружить и ниже по течению. Что нам и удалось сделать... За пять дней мы проплыли четыре с половиной сотни километров до Чокурдаха.

Такова канва движения по оймяконскому меридиану. В книге ничего не придумано. Ни одного факта. Зато кое о чём я умолчал. Время-то было советское, цензурное.

Так, когда наша автоколонна двигалась по прижимам вдоль Хандыги, водители просвещали меня о том, как строилась эта трасса в тяжелейших горных условиях во времена ГУЛАГа. Пробивали её, конечно, зэки. Недалеко от одного посёлка дорожников устроили мне экскурсию к развалинам бывшего женского лагеря. Отсюда женщинами «снабжали» мужские лагеря, что стояли вдоль этой трассы.

Несколько недель назад, летом 2017 года, я узнал о поразительном совпадении... Меня пригласили в ЦДЛ, где отмечали столетие со дня рождения Варлама Шаламова. Там представили новые книги, связанные с его именем, в том числе сборник его произведений «О, Север – век и миг!» Про то, что автор «Колымских тетрадей» бывал в Оймяконье, я уже читал. Но в середине 1970-х годов, когда собирал материал для своей книги, я практически ничего не знал о Шаламове. И никто в Оймяконье мне тогда не рассказал, что после освобождения в октябре 1951 года из ГУЛАГа, он работал фельдшером в местечке Куйдусун, что в полутора километрах от Томтора. Сами местные жители не знали? Или боялись рассказывать?

За два года вольной жизни он написал там немало стихотворений, объединённых в «Синей тетради», и этот плодотворный период литературоведы назвали «Болдинской осенью» Шаламова. Прожив в Томторе несколько дней, я не знал, что бродил с фотоаппаратом по тем же улицам и тропам, по которым за два десятилетия до моего путешествия здесь ходил Шаламов, что я отправлял контрольную телеграмму жене из той же почты, которая для писателя была окошком на «Большую землю» и которую он не раз упоминал в своих стихах, что, наконец, я начал своё байдарочное путешествие именно в Куйдусуне...

Варлам Тихонович написал здесь, на оймяконской земле:

*Заметили ли вы,
Отсюда, как ни странно,
Дорога до Москвы
Длинней, чем до Урана.*

Да, он два года добирался отсюда до Москвы. По одним сведениям, ему не разрешили сразу же отправиться в центральные районы страны, по другим – он сам не захотел, опасаясь, что там его снова (в который раз!) возьмут в оборот чекисты. И осмелел отправиться туда лишь после смерти Сталина. Да и то изуверский режим не разрешил ему осесть в столице, писатель поселился в Калининской (ныне Тверская) области...

...Какой радостный шок я испытал, когда увидел свеженапечатанный экземпляр «Оймяконского меридиана»! Причём, не в своих руках. Книга ещё не долетела до Якутска. Знаменитый в те годы врач-путешественник и телеведущий Юрий Сенкевич показал мою книгу в своей передаче «Клуб путешественников». На всю страну! Поводом для показа послужила политическая причина. В кои-то веки престарелый генсек Леонид Брежнев совершил поездку в восточную часть нашей необъятной страны, поскольку партия

решила тогда осуществить пророческие слова Михайло Ломоносова, что российское могущество прирастать будет Сибирью.

Однако к политическому решению «родной партии» ни моё желание рассказать о путешествии по Индигирке, ни само содержание моей книги не имело никакого отношения.

И какое удовлетворение за содеянное я ощутил, когда мне из-за рубежа позвонил в Якутск американский писатель, специалист по аномальным явлениям, и предложил немалые по советским меркам деньги за фото чудовища озера Лабынкыр! Правда, в ответ я сам был готов ему предложить ту же сумму, поскольку такого снимка никто никогда так и не сделал.

Вскоре меня пригласили на местном телевидении вести путешественническую передачу «По родной Якутии» – некое подобие передачи Юрия Сенкевича. Но именно – подобие. Киноматериалы о путешествиях по Якутии находил с трудом. Любительское кино тогда ещё не было так развито, как сейчас. Да и с фотоснимками было бедновато. В какой-то степени это компенсировалось живыми рассказами географов, ботаников, геологов, просто любителей путешествий, туристов...

Особняком запомнилась одна передача. Точнее, послесловие к ней. Был моим собеседником знаменитый местный учёный-ботаник, специалист по тундровым растениям Владимир Николаевич Андреев. Его исследования и рекомендации помогали оленеводам, в том числе и зарубежным. В конце нашей беседы перед телекамерой я задал вопрос: как так получилось, что он является почётным гражданином... Аляски? Это же такая неожиданность для советских людей! Он коротко ответил: там охотно пользовались его научными разработками, вот и оценили его вклад таким способом. А после передачи этот огромный, гренадерских параметров человек вдруг сник: «Наверно, я не так ответил? Надо было сказать о заслугах советской науки?» Вот как были закомплексованы советские люди: даже собственные достижения, свой личный полувековой тяжкий труд в арктических условиях этот великолепный учёный готов был оценить, как достижение государства...

...Куда мне плыть в творчестве дальше? Решил продолжить торить книжную тропу в той же географической сфере. Тому же издательству «Мысль» предложил книгу о путешествии по Южной Якутии. Рабочее название новой книги – «**Жемчужина БАМа**». Воспользовался конъюнктурой? Лишь отчасти, и только в названии – это своего рода завлекалочка для издательства. В те времена издательства все были партийные, все конъюнктурные. Да, и уже началось строительство Байкало-Амурской магистрали. О ней трубили все газеты и телеканалы. Но это просто совпало с моим личным выбором: край тоже в природном и историческом отношении чрезвычайно интересный! Более освоенный и заселённый, чем берега Индигирки, но тоже мало отражённый в современной ненаучной географической литературе.

Я собирался потом поменять это конъюнктурное название, но так ничего лучше и не придумал. Чтобы снизить эффект конъюнктурщины, лишь добавил подзаголовок, подчеркнув, что за обложкой этой книги рассказываю о путешествии, а не о производственных делах...

Проложив творческие маршруты по Восточной и Южной Якутии, я начал осматривать другие части этой необъятной республики. Где бы ещё попутешествовать, чтобы сложился сюжет для очередной книжки?

Безусловно, чрезвычайно интересна западная часть Якутии: и историей освоения, строительством гигантских производственных объектов, новых населённых пунктов, и геологической перспективой, и как место ссылки, и бытом коренного населения, и уникальными природными объектами. Я уже прикидывал маршрут... Но разве не меньший интерес представляет вариант путешествия вдоль побережья Ледовитого океана? Кстати, у меня даже нашлись потенциальные спутники по этому второму варианту – туристы из города Мирного предложили осуществить прибрежное байдарочное плавание... Но, поразмыслив в

семейном кругу над нашей дальнейшей судьбой, мы решили вернуться в Москву. Тем более что меня уже несколько месяцев ждала вакансия в московской газете.

Однако Якутия меня надолго околдовала, не отпускала воспоминаниями о ней. Тоска была настолько сильной, что, встретившись в Москве с главным редактором «Социалистической Якутии», я высказал пожелание вернуться. Семья была «за». Но это не осуществилось. Может, это получилось к лучшему: жизнь в стране, и в Якутии в том числе, вскоре круто изменилась. И я оказался в самом центре этих перемен...

Обновлялись по велению партии

«Стоит только поплевать на перо, чтобы вышла прелюбопытнейшая передовая статья».

Михаил Салтыков-Щедрин, «Дневник провинциала в Петербурге».

Под «Ленинским знаменем» вперёд!.. Куда?

Ежедневная газета «Ленинское знамя» была «органом Московского областного комитета КПСС и Московского областного Совета народных депутатов». Не «газетой обкома», а именно «органом», то есть главным официальным изданием партийного руководства московской области. И сотрудников «органа» утверждал обком. Не рядовых, конечно, а руководителей отделов, членов редколлегии. Моя беседа там прошла формально. Немного спросили меня и дали «добро».

В эту газету я попал по рекомендации. С главным редактором Леонидом Гусевым меня познакомил Лёва Лин, когда я, как представитель «Социалистической Якутии», прилетал в Москву на «научно-практическую конференцию по производству товаров народного потребления», устроенную сектором печати ЦК КПСС.

Лёву я знал ещё по Якутску, когда он там временно работал. Теперь он заведовал отделом в «Ленинском знамени». Узнав, что я собираюсь возвращаться, стал меня агитировать прийти к ним в газету и рекомендовал меня Гусеву. На того произвёл сильное впечатление показ Юрием Сенкевичем на Первом телеканале моей книги «Оймяконский меридиан». И он забронировал за мной вакантное место.

Мне поручили руководить отделом советской жизни. Тематика самая разнообразная: работа местных органов советской власти, правоохранительных структур, контролирующих организаций (был такой официальный «народный контроль»), медицинских учреждений, торговли...

Начну обзор своих публикаций с января 1980 года. Почему не с осени 1979 года, когда я начал там работать? Опять не смог сразу же приступить к написанию сколько-нибудь заметного материала. Требовательность к себе не позволяла этого сделать с наскоку, поскольку и область с точки зрения профессии была для меня терра инкогнито (как турист исходил её вдоль и поперёк, а экономику и социальные проблемы никогда не изучал), и тематика неожиданно оказалась мне неизвестной.

Конец 1970-х годов: единодушно поддерживали и горячо одобряли...

Вроде бы всё очень ясно – пиши обо всём, чем занимаются областная и местные советы, а на деле: куда ни кинь – везде клин, партийный. Народные депутаты – не настоящая власть, они почти везде на подхвате, даже если и проявляют какую-то инициативу, то всё согласовывают с партийными органами, то есть фактически выполняют волю и решения КПСС, точнее – местных партийных боссов.

Кроме того, все социальные вопросы в области были весьма болезненными, а партия приказала своей прессе выискивать и пропагандировать положительные примеры и передовой опыт. Положительное выискивалось с трудом и то по мелочам, а для критических материалов, при моём требовательном подходе, ещё не наступило время – надо было накопить какую-то сумму знаний по областным болячкам.

Я чувствовал свою вину перед Гусевым. Ведь он ждал моего приезда из Якутии более полугода!

И вот только пятого января 1980 года наконец-то я разродился более или менее серьёзным, аналитическим материалом «**В трех километрах от асфальта**». Проблема, о которой я писал за два десятка лет до наступления двадцать первого века, и сейчас, в новом столетии, до конца не решена: нет нормальной дороги – нет и перспективы для отдалённой деревни, нет нормальной там жизни.

Написал я, что автобус туда не ходит (что естественно при отсутствии асфальта). Но жаловались не на это, а на то, что автолавка приходит нерегулярно и негде купить последним жителям затухающей деревни Дмитровки Шатурского района (жива ли она сейчас?) самые необходимые для жизни товары – хлеб, соль, спички, мыло, сахар... Проблема с годами не ослабевала, а обострялась. Ну, какому сельпо (сельское потребительское общество) охота ломать старенькую машину на сельских колдобинах, да при мизерных там доходах.

Проблема отдалённых сёл стала при советской власти не только естественной, так сказать природно-географической, но и административно-бюрократической. Можно ли представить сельское поселение в центре Европы (а ведь мы говорим не о безмерных просторах Сибири и Дальнего Востока, а о территории в нескольких десятках километров от Кремля!) без надёжной дороги? Пусть не с асфальтом, а хотя бы с гравийным покрытием, но проез-

жим при любой распутице! Такое представить в цивилизованной стране трудно, потому что там местное начальство не удержится на своих должностях, если не будет прислушиваться к требованиям населения. На очередных выборах жители просто не изберут руководителя, если тот не пообещает решить насущную проблему.

В Советском Союзе всё решалось в вышестоящих администрациях: нет денег у местного исполкома совета, и всё тут. Хоть генсеку ЦК КПСС жалуйся. А поскольку всё-таки жалоб было очень много и они доходили до Кремля, то там, за высокими стенами, решили, что пора навести порядок. Ещё при Хрущёве было принято «соломоново решение»: переселять в центральные усадьбы из «неперспективных деревень». Начали там строить кирпичные дома. Но денег на всех не хватало. Да и селяне без энтузиазма покидали насиженные места, где прошла их жизнь и жизнь их предков. Не торопились менять избы неблагоустроенные, но в живописных местах, на комфорт в пыльных центральных усадьбах. Особенно неподатливыми оказались пожилые люди, которые не хотели отрываться от малой родины, где знакомы каждый куст, каждый лужок, каждая речушка...

Вот так и усугублялась проблема «неперспективных деревень». По воле партии и правительства. Но я, конечно, не взывал эту высшую власть пересмотреть своё принципиальное отношение к этой очень острой проблеме. Ведь в СССР не власть существовала для людей, а люди – для власти, впрочем как и сейчас. Я ограничился призывом к местным администрациям, чтобы они помогли забытым богом и властью жителям отдалённых деревень докоротать там свою и без того не сладкую жизнь.

Проблема-то серьёзнейшая, сложная, многослойная – хозяйственная и социальная. И статья, опубликованная на второй полосе, выглядела вопиющим диссонансом с рапортами на первой странице газеты. Даю только название рубрик, заголовков и подзаголовков того же номера.

В подборке «110-й годовщине со дня рождения В.И. Ленина – достойную встречу» было опубликовано: «Высокий ритм трудовой вахты. Успешный старт. Завершающий год пятилетки труженики Балашихинского литейно-механического завода начали с большим трудовым подъемом. С первых дней по-ударному [это про «Мособлстройтранс»]. Животноводство – ударный фронт. Пятилетку – к 22 апреля [про достижения одной молочной фермы]. Закрепляют успех. Хозяйства Лотошинского района вышли по надоям на килограммовую прибавку».

Рядом полполосы занимает подборка «Навстречу выборам»: «Единодушная поддержка, горячее одобрение. Продолжаются окружные предвыборные совещания».

Такая вот трескотня... «Неперспективные деревни» не очень-то вписывались в этот бравурный «марш коммунизма». До горбачёвской перестройки осталось пять лет, до революционных реформ Ельцина-Гайдара – одиннадцать...

Шестого июня 1980 года был опубликован мой «судебный очерк» «Теленок на закуску». Судебно-криминальная тематика – была, пожалуй, самой востребованной советскими читателями. И весьма желанной для журналистов. Только не всем удавалось оседлать этого перспективного конька. На эту тематику нужно было получить высочайшее соизволение главного редактора: этак все накинется на эту эффектную стезю, а кто же будет писать о рекордных надоях и сверхплановом угле, о решениях «нашей партии» и «родного правительства» для блага народа?

Поводом для газетного материала стало участие областного прокурора В. Кузнецова в качестве обвинителя на судебном процессе в совхозе «Подольский». Главный прокурор области позволял себе иногда такую роскошь – быть обвинителем: чтобы не потерять квалификацию и оттачивать судебное мастерство. А также для публичной демонстрации карающего меча «государева ока».

Криминальный сюжет прост: местные жители угнали совхозную машину, погрузили на неё семь украденных на ферме телят, убили их, но успели полакомиться лишь одним куском нежного мяса. Разумеется, главное остриё своего обвинения прокурор направил против этих забулдыг. Но довольно обычное для советской действительности событие – воровство социалистической собственности стало поводом для более широкого разговора на суде. От прокурора досталось и местной милиции, которая не следила за тем, как живёт и чем занимается бывший судимый, безработный – главное действующее лицо преступления. И совхоз поругал: охрана имущества была организована из рук вон плохо, не удосужились даже нормальный забор поставить вокруг техники. В общем, обычное для государственного предприятия разгильдяйство плюс пьянство и нищета гегемонов советского государства – рабочих и крестьян.

Любопытная подробность. На это судебное заседание я поехал вместе с прокурором на его служебной машине. И по всей областной дороге от МКАД до Подольска стояли гаишники, они обеспечили безостановочный «зелёный» коридор и отдавали нам честь. То же самое происходило и на обратном пути. Я не завидовал тем водителям-бедолагам, которые в тот день попадали в ДТП и были вынуждены долго ждать гаишников, пока прокурор исполнял роль обвинителя.

На первой полосе того же номера – опять-таки достижения и пропагандистская трескотня. Ну, сообщение ТАСС о запуске очередного космического корабля – это святое. А далее – привычная нудятина: «От ударной ленинской вахты – к ударному финишу года». Вот так жили и работали: от вахты до ударного финиша.

Смешными выглядят сегодня мои заметки с областного хозяйственного совещания (29 сентября 1981 г.). Название материала нормальное: «**Хлеб – наше богатство**». Не поспоришь. А вот обсуждаемая проблема сейчас выглядит почти анекдотично: как экономно использовать хлеб и хлебобулочные изделия. Называлось множество примеров бытового и производственного «разбазаривания» хлебных запасов государства. Люди закупают хлеба больше, чем съедают, излишки пропадают, выбрасываются на помойку. Хлебозаводы гонят брак. Портится хлеб при транспортировке. Хлеб, ценнейший продукт питания человека, скармливали животным – вместо специальных кормов, которых всегда не хватало. И т. д. Типичная бесхозяйственность, потому что...

Потому что (и это главная причина!) государство, заботясь не о хороших заработках людей, а об их социальной защите, продавало хлеб по нижайшим ценам. А значит «нашим богатством» не дорожили покупатели. Да и производители тоже – поскольку это была невыгодная продукция. Правда, производителей жизнь научила приспособиться к социалистическому планированию, они исхитрялись и в той жёсткой системе найти лазейку. На традиционную буханку цена неподвижная, тогда выпускали изделие под другим артикулом (добавляли, скажем, мак, изюм и что-нибудь ещё, меняли форму изделия), и на новый продукт цена подсакивала. Так легче выполнять план: ведь он утверждался в рублях.

И в конце советской экономики, когда она окончательно потерпела крах, вымывание дешёвых продуктов стало таким всеобщим, что полки оказались пустыми. Все предприятия планы выполняют – в рублях, а продуктов нет. Да к тому же горбачёвско-рыжковское правительство уже не имело достаточного количества твёрдой валюты для закупки зарубежного продовольствия (да и ширпотреба). Нефть-то в цене резко упала. А отечественный товаропроизводитель не был готов к «импортозамещению», да и заинтересованности у него не было. Хоть сто тонн напечёшь, хоть двести – зарплата одна и та же.

Отсутствие валюты привело и к сокращению закупки зарубежного зерна. А его закупали десятками миллионов тонн в год! Вот и ставили партийные органы задачу: экономить хлеб при его минимальной розничной цене! В нормальной-то экономике как раз всё наоборот: чем больше закупают продукции, тем выгоднее производителю и государству,

живущему на налоги. Там исхитряются найти любые способы для увеличения спроса. Устраивают всякие праздники, фестивали, конкурсы, соревнования – лишь бы привлечь людей и заставить их раскошелиться на покупках. А у Советов шиворот на выворот: экономьте! То есть откладывайте деньги в чулок, не отдавайте их в финансовый оборот страны...

Как руководитель отдела, я обязан был периодически писать передовицы. В современной журналистике даже понятия такого нет. В крайнем случае, в некоторых газетах выходят редакционные колонки. Но это – другой жанр, не советский.

Поначалу передовицы были для меня тяжёлым испытанием. У них было не только строго определённое место – большая колонка на первой полосе газеты, но и определённое построение. Надо было обязательно процитировать партийные документы и/или высказывание Ленина, Брежнева, указать не только недостатки, но и привести положительные примеры решения проблем. Поводом, как правило, служили обсуждаемые в партийных или советских органах темы: или после заседаний, или накануне – по подготовленным проверочным справкам. Одно хорошо: всегда имелась фактура – и недостатки, и положительный опыт. К тому же можно было не проверять факты. Коли публично, пусть даже в узком партийном кругу, уже озвучено – значит всё правильно, и критикуемые придаться к передовице не могли.

Вот один из примеров моей передовицы: **«Внимание – объектам здравоохранения»** (4 марта 1982 г.). В ней я приводил такие примеры недостатков. «В области почти нет объектов здравоохранения, сооружение которых завершилось бы в нормативные сроки. Строительство порой растягивается на многие годы...» Типичная для советских строек незавершёнка! Только на строительстве хирургического корпуса МОНКИ (и поныне действующий Московский областной научно-исследовательский клинический институт) за пятилетку не освоили тринадцать миллионов рублей! Если деньги не осваиваются, то их потом выделяют гораздо меньше, а то и вовсе не дают.

Далее: «Некоторые медицинские объекты сдаются с большими недоделками, что мешает обслуживанию населения». Понятно, что если там не работает отопление или не готовы потолки, то о каком обслуживании может идти речь.

Но заканчиваю я, как и положено, бравадно: «На XXVI съезде КПСС товарищ Л. И. Брежнев сказал: “Надо сделать все, чтобы советский человек...”. Надо так надо: «будь сделано...»

Расскажу о другом номере «ЛЗ» – от 21 марта 1982 г. Он трещал от профсоюзной тематики. Ну, как же – прошёл XVII съезд профсоюзов СССР. «В борьбе за дело коммунизма» – никак иначе ТАСС не мог озаглавить название отчёта о завершении съезда. И соответствующее начало заметки: «Мощным средством развития демократии, вовлечения трудящихся в строительство коммунизма служат советские профессиональные союзы». Видите, что подчёркивалось в качестве роли профсоюзов? Не защита «трудящихся» от бюрократии, несправедливого начальства, от тяжёлых условий труда, от непосильных, всё более ужесточающихся и взятых с потолка норм, а служба и верность правящей партии. «Школа коммунизма»!

На профсоюзном съезде, как было заведено, выступил Леонид Брежнев, генсек Компартии СС, он же и председатель Президиума Верховного Совета СССР (по форме – почти президент страны, а по сути – в подчинённости у политбюро ЦК КПСС). В ответ – холуйское письмо профсоюзного съезда Центральному комитету и лично «верному продолжателю великого дела Ленина, неутомимому борцу за мир и счастье людей труда» тов. Брежневу.

Тут же в номере уже дана «разблюдовка» – как изучать речь Брежнева, произнесённая им на профсоюзном съезде. Приведена тематика лекций и бесед. Конечно, в первую очередь – как выполнять в жизнь решения... недавнего съезда КПСС, «родного, кровного дела миллионов» (ну и выраженьице!), как крепить «единство советского народа» и т. п. бели-

берда. И, разумеется, рекомендован один из самых запомнившихся постулатов брежневской эпохи – «Экономика должна быть экономной». Должна быть – и всё! По велению партии. А то, что миллиарды дармовых в то время нефтедолларов растратили на тысячи и тысячи танков, которые оказались никому не нужными, до сих пор ржавеют на нашем «запасном пути» и требуют средств для их утилизации, это не в счёт. Доэкономился Ильич Второй!

Профсоюзы верно служили этой ведущей силе страны. И демократию развили, и коммунизм построили... Разгребаем до сих пор. И самые большие завалы – в мозгах обсоветченных людей.

Но не из-за такой стандартной политической трескотни сохранился у меня этот номер «ЛЗ» и не из-за того, что в нём сообщается о смерти героя Сталинградской битвы маршала Василия Чуйкова. В таком насквозь ура-патриотическом номере (вот парадокс!) опубликована моя беседа с адвокатом – «**Защищаю законность**». Член Московской областной коллегии адвокатов Семён Львович Ария был известным специалистом по уголовным делам, его судебные речи приводились в сборниках как образцово-показательные.

Конечно, я начал беседу с провокационного вопроса, который тогда превалировал в мозгах советских людей: почему адвокат защищает преступников? В советской судебно-правовой практике утвердилось такое отношение к обвиняемым: если следователь и прокурор говорят, что человек виновен, значит виновен. Зачем же адвокат мешает правосудию осудить преступника? Разговор на эту тему с Арией в какой-то степени развенчивал этот постулат тоталитарного режима. Я так аккуратно сделал интервью, что оно не вызвало сопротивления редакционного и партийного начальства. Не знаю, как эта публикация повлияла на читателей, но меня разговор с Арией сильно подвинул к пониманию необходимости демократических перемен в правовой сфере.

Запомнился мне и рассказ адвоката о защите участника войны с нацистами. Этот сюжет не вошёл в газетный материал. Но он очень примечателен. Ещё не отгремели бои, а того военного осудили за то, что не выполнил приказ командования. Тот отсидел. Но много-много лет спустя, во время перестройки, бывший воин решил через суд доказать, что у него не было возможности выполнить приказ. Семён Львович, сам участник войны, танкист, разведчик артдивизиона, покопался в военных архивах, и на суде было доказано, что ветеран действительно не имел возможности выполнить приказ, не виновен и был оправдан. Вот только до нового, окончательного приговора он не дожил. Зато сын стал свидетелем снятия с отца позорного, не справедливого клейма.

Популярный адвокат Семён Ария в 1990-е годы оказался весьма востребованным в новой России. Одно время был адвокатом влиятельнейшего тогда бизнесмена и закулисного политика в ельцинском окружении Бориса Березовского. Таковы извивы судьбы...

Герои в космосе и на земле

*«Покидаем мы Землю родную
Для того, чтоб до звезд и планет
Донести нашу правду земную...»*

Евгений Долматовский.

Для моей эрудиции было чрезвычайно полезно поработать в советском отделе. Но меня тяготила главная тематика отдела – надобность освещать заслуги депутатов, их «повседневную заботу о трудящихся». Да, в отдельных, не затрагивающих общегосударственные проблемы, случаях кому-то из них действительно удавалось защитить интересы простых людей, особенно в самом низовом уровне: на селе, в маленьком городке. Однако, повторюсь, всё яснее становилось, что вся работа советов была подконтрольна партийным органам и в конечном итоге все «заботы» определялись в их кабинетах, а не в депутатских.

Меня также раздражало общение с, извините, торгашами. При всеобъемлющем советском дефиците, они тоже были особой кастой. Вся работа их была на грани криминала, даже если и не хотелось кому-то из них нарушать закон. То достать дефицит попросит начальство или родственник. То образуется недостача, даже если не по твоей вине – это грозит тюремным сроком и, в лучшем случае, денежным возмещением. Более того, когда я занимался проблемами торговли, меня пытались подкупить, дабы я не написал «пасквиль». Обошлось. Но внедрялся в эту сферу, ощущая, что попадаешь на минное поле. Было опасно: могли ведь подстроить ловушку.

И как только освободилось место руководителя отдела науки, я попросил перевести меня туда. Редактор газеты Леонид Гусев встретил мою просьбу неодобрительно: «Синекуры захотел?» Разумеется, при более узкой тематике и при одном подчинённом корреспонденте нагрузка на завотделом науки была гораздо меньше. Но я настаивал, утверждая, что дело не в синекуре, а в моём давнем желании заняться именно научной журналистикой, к этому меня давно тянуло.

Подмосковная наука чрезвычайно разнообразная, богатая. По широте охвата разных направлений – космос, биофизика, биохимия, ядерная физика, физика высоких давлений, аграрные НИИ и др. – она могла поспорить даже со столичной. И столько в области было научных центров, некоторые из которых – мирового значения! Я видел в этом, помимо повседневного интереса, шанс набрать материал для очередной книги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.